

**Стивен Кинг
Питер Страуб
Талисман**
Серия «Талисман», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122252

*Талисман : [фантаст. роман: пер. с англ.] / Стивен Кинг, Питер Страуб: АСТ: Астрель; Москва;
2012*

ISBN 978-5-17-060820-1, 978-5-271-40226-5

Аннотация

Открылись врата между современной Америкой и жестоким параллельным миром, и в привычную реальность ворвались чудовищные монстры, кровожадные убийцы – существа, в реальность которых невозможно поверить, пока не столкнешься с ними лицом к лицу. А тогда, возможно, станет уже слишком поздно...

И только двенадцатилетний мальчик отваживается вступить в неравный бой с исчадиями Зла...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	6
3	6
4	8
5	8
6	9
Глава 2	11
1	11
2	11
3	12
4	13
5	15
6	17
Глава 3	19
1	19
2	20
3	27
4	29
Глава 4	30
1	30
2	30
3	32
4	35
5	37
Глава 5	41
1	41
2	41
3	44
4	47
Интерлюдия	50
Часть вторая	56
Глава 6	56
1	56
2	58
Глава 7	63
1	63
2	64
3	69
4	70
5	73
6	74
7	78
8	82
9	83

Глава 8	85
1	85
2	86
3	87
4	89
5	90
Глава 9	92
1	92
2	94
3	96
4	100
5	101
6	101
7	104
Глава 10	107
1	107
2	108
3	108
4	110
5	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Стивен Кинг, Питер Страуб

Талисман

Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька – верно, в тех домах, где лежали больные;верху над нами так ярко сияли звезды, а ниже города текла река в целую милю шириной, этак величественно и плавно...

Марк Твен

«Приключения Гекльберри Финна»

Мое новое платье было все закапано свечкой и вымазано в глине, а сам я устал как собака...

Марк Твен

«Приключения Гекльберри Финна»

Часть первая

Знакомьтесь, это Джек

Глава 1

Сады у отеля «Альгамбра»

1

Пятнадцатого сентября 1981 года юный Джек Сойер стоял, засунув руки в карманы, и наблюдал, как тихие воды Атлантического океана плещутся о берег. Ему исполнилось двенадцать, но для своего возраста он был довольно высок. Морской ветерок трепал его длинные каштановые волосы, сдувая их с нахмуренного лба. Он стоял, погруженный в тяжелые раздумья, которыми жил уже три месяца – с тех пор, как его мать закрыла двери их дома на Родео-драйв в Лос-Анджелесе и, убегая от преследующей ее навязчивой идеи, сняла квартиру на Централ-Парк-Уэст. Потом из этой квартиры они перебрались в тихое курортное местечко неподалеку от Нью-Хэмпшира. Спокойствие и постоянство исчезли из жизни Джека. Теперь она была бессмысленной, пустой и неуправляемой, как воды, раскинувшиеся перед ним. Мать таскала его за собой по всему свету, срываясь с места на место, но что же заставляло ее делать это?

Она все время от чего-то убегала, убегала...

Джек оторвал взгляд от воды и огляделся вокруг. Слева расположилась «Аркадия» – удивительный луна-парк, в летнее время такой шумный и многолюдный. Теперь он затих, словно остановившееся сердце. Серая громада «американских горок» одиноко торчала над верхушками деревьев. У ворот стоял его новый друг – Спиди Паркер, но Джеку сейчас было не до него. Справа возвышалось здание гостиницы «Альгамбра», окруженное живописными садами, где ему пришли в голову и с тех пор не давали покоя горькие мысли. В день их приезда Джеку на какое-то время показалось, что он видит радугу над крышей отеля. Добрый знак, обещание лучшей участи, каких-нибудь перемен. Но нет... Только флюгер, поймав порыв ветра, покачивался взад-вперед, а больше ничто не менялось. Он выбрался из

взятой напрокат машины, не обращая внимания на просьбу матери позаботиться о багаже, и посмотрел вверх. Над вращающимся медным петушком висело выпцветшее небо.

– Сыночек, открой багажник и достань сумки, – окликнула его мать. – Старая неудавшаяся актриса хочет чего-нибудь выпить.

– Например, простого мартини, – буркнул Джек.

– Ты, между прочим, мог бы сказать мне, что я не так уж стара, – заметила она.

– Ты не так уж стара.

Мать улыбнулась в ответ – улыбка постаревшей Лили Кевинью Сойер, одной ногой стоящей в могиле, королевы вторых ролей, погасившей свою собственную звезду.

– Все будет хорошо, Джеки, – прошептала она. – Здесь все должно быть хорошо. Это – прекрасное место.

Над крышей гостиницы пролетела чайка, и Джек вздрогнул – ему показалось, что ожил флюгер.

– Наконец-то мы уехали от этих телефонных звонков, правда?

– Конечно, – ответил Джек. Мать хотела спрятаться от дяди Моргана, она не желала больше спорить с деловым партнером умершего мужа, ей нужны были только постель и мартини...

Мама, что с тобой?

Слишком много смерти было вокруг, мир состоял только из смерти и крика чаек.

– Постой, сынок, постой! – крикнула мать. – Давай сначала зайдём в одно ужасно клевое место.

Ну, в конце концов, подумал Джек, *дядя Томми всегда поможет, если будет туго.*

Но дядя Томми в этот момент уже умер. Это была одна из новостей, которые висели сейчас на концах множества телефонных проводов.

2

«Альгамбра» возвышалась над водой – огромное викторианское здание на гигантских гранитных блоках, которые сливались с невысокими скалами, тянувшимися на несколько миль по побережью Нью-Хэмпшира. Очертания садов едва угадывались Джеком – только темно-зеленые тени, и ничего больше.

Медный петушок спокойно спал, повернувшись куда-то между западом и северо-западом. Надпись на памятной доске гласила, что здесь в 1838 году на конференции северных методистов было проведено первое в Новой Англии голосование за отмену рабства. На конференции с речью выступил Дэниэл Уэбстер, который, в частности, сказал: «Знайте, что к сегодняшнему дню рабство в Америке изжило себя как социальное явление и должно вскоре исчезнуть во всех штатах».

3

Итак, они появились здесь неделю назад. Этот день положил конец их беспокойной жизни в Нью-Йорке.

На пляже «Аркадии» не было людей, посланных Морганом Слоутом, высывающихся из машин и трясущих бумагами, которые должна срочно заполнить и подписать миссис Сойер. На пляже «Аркадии» телефон не звонил с полудня до трех часов ночи (дядя Морган очень часто забывал, что квартира на Сентрал-Парк-Уэст находится в другом часовом поясе, нежели Калифорния). Телефон на пляже «Аркадии» не звонил вообще.

По дороге в маленький курортный городок, куда везла его мать, Джек, как ни глазел по сторонам, увидел лишь одного человека – сумасшедшего старика-мороженщика, толкавшего пустую тележку.

И бледное, серое небо – неприветливое небо над головой. Полная противоположность Нью-Йорку. Здесь был слышен лишь шум ветра над пустынными улицами, которые казались из-за этого шире, чем были на самом деле. Магазины тоже пустовали, и таблички на дверях извещали: «Открыто только по выходным» – или еще хуже: «До встречи в июне». Перед гостиницей были автостоянка на добрую сотню мест и небольшое кафе. Но и здесь, как везде, было пусто. Только старый оборванец все толкал и толкал свою тележку.

– В этом веселом городке я провела три счастливейшие недели своей жизни, – сказала Лили, проезжая мимо старика (который обернулся и что-то недовольно пробормотал им вслед). Потом она нажала на газ, и они полетели к виднеющимся впереди садам.

До этого они упаковали все необходимое в сумки, чемоданы и коробки, повернули ключ в дверях своей квартиры, не обращая внимания на разрывающийся телефон, звон которого преследовал их даже на лестнице; они доверху набили вещами багажник и заднее сиденье и провели много часов в дороге. И все только потому, что Лили Кевинью Сойер когда-то была здесь счастлива. В 1968 году, за год до рождения Джека, Лили пригласили на роль в картине «Пламя». Это была ее лучшая работа, давшая возможность продемонстрировать свой талант, что не удавалось ей в прежних ролях «плохих девчонок». Никто, не говоря уже о самой Лили, не ожидал, что ее пригласят на пробы. Она искренне радовалась поздравлениям, и, чтобы отпраздновать этот час профессионального признания, Фил Сойер отвез ее в гостиницу «Альгамбра» на другой стороне континента, где они провели три прекрасные недели. Они пили шампанское в постели и смотрели лучшие американские фильмы.

(Если бы Джек был сейчас немного постарше и захотел бы сделать некоторые необходимые вычисления, то обнаружил бы, что именно здесь, в гостинице «Альгамбра», он и был зачат.)

Согласно семейной легенде, когда зачитывался список актеров, получивших роль в картине, Лили шепнула Филу: «Если меня здесь не будет, я всю оставшуюся жизнь буду чувствовать себя обезьяной на каблуках». Но когда выяснилось, что прошла Рут Гордон, Лили сказала: «Что ж, девочка это заслужила». И ткнула мужа в подбородок со словами: «Ты, между прочим, мог бы мне помочь!» Такой возможности уже не представилось. Через два года после смерти Фила Лили сыграла свою последнюю роль – старую проститутку в фильме «Маньяки на мотоциклах».

Джек был уверен, что именно об этом периоде своей жизни она сейчас вспоминала. Он доставал вещи из багажника, куда, помимо сумок, в беспорядке были свалены старые фотографии, шахматная доска, юмористические книги и много чего еще.

Лили медленно поднималась по ступеням, ведущим к входу в отель, тяжело, как старуха, опираясь о перила.

– Я пришла коридорного, – бросила она, не оборачиваясь.

Джек оторвался от разбухших сумок и снова взглянул на небо. Нет, все-таки радуга ему только привиделась. И вдруг кто-то тихо окликнул его.

– Что? – спросил он, оглядываясь, но позади него были только пустые сады и такая же пустая дорога.

– Что-то случилось, сынок? – Мать казалась сгорбленной на фоне большой деревянной двери.

– Да так, слышалось.

Не было никакого голоса, никакой радуги. Джек уже позабыл про это и теперь смотрел, как мать воюет с массивной дверью.

– Подожди, я помогу! – крикнул он и побежал вверх по ступенькам, не выпуская из рук чемодан и бумажную сумку со сладостями.

4

До того как Джек познакомился со Спиди Паркером, его жизнь в отеле напоминала бесконечный сон. Она была полна теней, но в ней отсутствовали какие бы то ни было ощущения. Даже новость о кончине дяди Томми, как ни была она ужасна, не смогла окончательно его разбудить. Если бы Джек был мистиком, он решил бы, что какие-то сверхъестественные силы управляют его собственной жизнью и жизнью его матери. Джек Сойер в свои двенадцать лет привык жить деятельно, и тишина этих дней после бурной, шумной жизни Манхэттена тяготила его.

Джек очутился на пляже, не имея ни малейшего представления о том, куда дальше идти и что делать. Он горевал о дяде Томми, но это происходило за пределами сознания, которое словно уснуло, предоставив тело самому себе. Он никак не мог сосредоточиться и разобраться в своих мыслях.

– Ты просто очень устал, Джеки, – говорила ему мать, глубоко затягиваясь сигаретой. – Все, что тебе сейчас нужно, – это расслабиться на некоторое время. Здесь прекрасное место. Наслаждайся им, пока есть возможность.

Боб Ньюарт в красном прямоугольнике телевизора со знанием дела рекламировал женские туфли.

– Вот что, например, делаю я? – Лили улыбнулась сыну. – Отдыхаю и наслаждаюсь.

Он взглянул на часы. Странно, вот уже два часа, как они сидят перед телевизором, а он не может вспомнить ровным счетом ничего из того, что показывали в программе.

Джек уже собирался ложиться спать, когда зазвонил телефон. Старый добрый дядя Морган Слоут все-таки разыскал их! Новости, которые обычно сообщал дядя Морган, никогда не были особенно значительными. Но на этот раз произошло нечто серьезное. Джек стоял посреди комнаты и видел, как лицо матери становится все бледнее и бледнее. Она судорожным движением тронула лоб, на котором за последние несколько месяцев появилось много новых морщин.

– Спасибо, Морган, – едва прошептала она и повесила трубку. Затем она повернулась к Джеку. Ее лицо, как тому показалось, еще более постарело и осунулось. – Джеки, ты только не волнуйся, ладно?

Но он не мог не волноваться. Она взяла его за руку и все объяснила:

– Вчера погиб дядя Томми.

У Джека перехватило дыхание.

– Он переходил через бульвар Ла-Сенега, и его сбил фургон. Это видел один человек, но он может сказать только, что фургон черный, а на боку у него надпись «ДИКОЕ ДИТЯ», и... и больше ничего. – Лили зарыдала. Секунду спустя к ней присоединился и Джек.

Все это произошло только три дня назад, но казалось, что прошла целая вечность.

5

15 сентября 1981 года юный Джек Сойер смотрел на тихие воды океана, стоя на пляже перед отелем, словно герой, сошедший со страниц романов сэра Вальтера Скотта. Ему хотелось плакать, но не было слез. Он был окружен смертями. Смерть охватила полмира. Черный фургон вычеркнул из жизни дядю Томми. Дядя Томми умер в Лос-Анджелесе, далеко от восточного берега, где даже такой маленький мальчик, как Джек, не знает, чем ему заняться.

А человеку, который завязывает галстук, прежде чем пойти в кафе съесть ростбиф, нечего делать и на Западном побережье.

Отец мертв, дядя Томми мертв, мать умирает. Он чувствовал смерть здесь, на пляже «Аркадии». Она ворвалась в их дом через телефонную трубку голосом дяди Моргана. Но это было ничто по сравнению со всеохватывающим чувством скуки курорта во время «мертвого сезона». Джеку было страшно, и этот страх не покидал его уже много дней. Ему казалось, что смерть сопровождала их всю дорогу из Нью-Йорка, смотрела на него из дыма сигарет, что курила мать, и слащавым голосом просила найти какую-то программу на автомобильном приемнике.

Он смутно вспоминал, как отец говорил ему, что он уже взрослый. Сейчас Джек чувствовал себя очень маленьким. Маленьким и испуганным.

Интересно, это и есть край света?

Чайки рассекали серое небо над головой. Тишина вокруг была такой же серой, как этот вечер, и такой же мертвенной, как круги под глазами матери.

6

С тех пор, как в луна-парке Джек повстречался со Спиди Паркером, чувство безысходности наконец-то начало покидать его. Паркер был негр с седыми выющимися волосами и густыми баками. Он выглядел весьма невзрачно, несмотря на то, что в молодости был талантливым блюзовым музыкантом. Говорил он тоже довольно бестолково. Однако, когда Джек во время одной из бессмысленных прогулок по парку увидел печальные глаза Спиди, он почувствовал, как отрешенность покидает его. Он снова стал самим собой. Ему казалось, что от старика исходят какие-то волшебные волны.

– Похоже, я нашел себе компанию, – улыбнулся Спиди. – Вот идет маленький странник!

Действительно, ощущение безысходности отпустило! Еще мгновение назад он был словно связан невидимыми путами. Теперь Джек чувствовал себя свободным. Ему показалось, что над головой старика сияет серебристый нимб, маленький ореол, который, правда, пропал, стоило Джеку моргнуть. Только сейчас он заметил, что в руках у Спиди большая метла.

– С тобой все в порядке, сынок? – Спиди положил ему руку на плечо. – В какую сторону изменился наш мир? В лучшую или в худшую?

– Конечно, в лучшую, – ответил Джек.

– Это потому, что ты приехал в правильное место, я бы так сказал. Тебя как зовут?

Маленький странник, назвал Джека Спиди в первый день их знакомства. *Маленький странник Джек*. Чтобы развеселить своего нового друга, старый негр обнял метлу, словно та была стройной девушкой, и закружил ее в танце:

Я – Лестер Спиди Паркер.
Сам по себе, как кот,
Люблю я путешествовать
По свету взад-вперед.

Я знаю все дороги
И все пути назад,
Играю на гитаре,
Пою про все подряд...

Каждый слог своей песенки он сопровождал каким-нибудь движением, не переставая отстукивать ритм. Он играл на метле, как на гитаре... Хотя он и был стар и совсем выжил из ума, но оставался музыкантом. Через несколько минут Джек был уверен, что любивший джаз отец одобрил бы такое знакомство. С тех пор он постоянно крутился возле Спиди, наблюдая за его работой и помогая по мере сил. Спиди разрешал ему забивать гвозди, а однажды даже дал подкрасить выцветшую от времени вывеску. Эта простая работа, выполнявшаяся под присмотром Спиди, отвлекала Джека от недавней тоски и нравилась ему. Первые дни, проведенные на пляже «Аркадии», казались ему теперь забытым сном, от которого пробудил его друг. Спиди Паркер был очень преданным другом, и казалось, что его преданность граничит с волшебством. За несколько дней, что прошли с тех пор, как Джек освободился от мучивших его мыслей, с тех пор, как Спиди освободил его от них сиянием своих глаз, Спиди Паркер стал для него ближе любого из его друзей, за исключением разве что Ричарда Слоута, которого Джек знал еще с колыбели. И сейчас, думая об ужасной смерти дяди Тома и о том, что он тоже может умереть, Джек чувствовал поддержку доброго сердца Спиди. Но вдруг к Джеку вернулось прежнее ощущение того, что кто-то направляет его, кто-то движет им, чья-то невидимая рука заставила их с матерью бросить все и нестись очертя голову сюда, на край света.

Кем бы *они* ни были, он был нужен *им* здесь. Или эта мысль – лишь плод безумия? Джек закрывал глаза и видел перекошенное лицо старика-мороженщика с пустой тележкой, ворчащего что-то себе под нос.

Чайка прокричала над головой, и Джек решил, что заставит себя поговорить о своих ощущениях со Спиди Паркером. Даже если Спиди сочтет его сумасшедшим и посмеется над Джеком. Но он не станет смеяться. Джек знал это. Они были настоящими друзьями. Первое, что понял Джек о старом стороже, было то, что с ним можно говорить обо всем. Но сейчас Джек не был готов к разговору. Все было настолько странно и ненормально, что он и сам до конца всего не понимал. Поэтому, отложив разговор на другой раз, Джек с неохотой повернулся и побрел к отелю, оставляя на песке длинную вереницу следов.

Глава 2

Дьявол в песках

1

Это случилось на следующий день.

Ночью Джеку приснился ужасный, кошмарный сон. Какое-то безобразное существо склонилось над его матерью – огнедышащий монстр с косыми глазами и черной бородавчатой кожей.

– *Твоя мать умерла, Джек! Скажи «аллилуйя»!* – прокричал монстр.

Джек знал наверняка (во сне все известно наверняка), что, если это чудовище дотронуется до него, он тоже умрет. Джек проснулся в холодном поту, сердце его бешено билось. Лишь спустя несколько часов он смог снова заснуть. Наутро Джек решил рассказать о кошмаре матери. Но Лили была явно не в настроении и сидела, спрятавшись за облаком сигаретного дыма. Лишь когда он под каким-то выдуманым предлогом собрался уйти, она наконец заметила его и слегка улыбнулась:

– Подумай, чего бы ты хотел сегодня на ужин.

– Я подумаю.

– Только это должно быть что-то действительно вкусное. Я проделала путь из Лос-Анджелеса в Нью-Хэмпшир не для того, чтобы питаться одними консервами.

– Давай сходим в рыбный ресторан на Хэмптон-Бич, – предложил Джек.

– Отличная мысль! Ну, иди погуляй.

Гулять? Прекрасно, мама. Но где? – Джек не заметил, что думает стихами. Это было совсем на него не похоже. *И с кем гулять? Ведь кругом никого нет!*

Но что с тобою, мама? Ты больна?
Зачем ты здесь? Зачем мы здесь живем?
Теперь вот умер бедный дядя Том.
А дядя Морган? Что он может? Что?..

Вопросы, вопросы... И ни на один нет ответа. Потому что некому на них отвечать. *Разве что Спиди?*

Но это было даже смешно. Как может какой-то старый негр решить его проблемы? И все же эта мысль не покидала Джека всю дорогу к пустому, унылому пляжу.

2

Интересно, это и есть конец света? – вновь подумалось Джеку. Чайки проносились над головой. На календаре еще было лето, но для пляжа «Аркадии» лето уже закончилось. Вокруг стояла ничем не нарушаемая тишина.

Джек взглянул на свои тапки. Они были перепачканы смолой. «Откуда она здесь? – удивился Джек. – Может, нефть принесло из моря?» Он не имел ни малейшего понятия, где он успел так измазаться, но на всякий случай отошел подальше от воды.

Чайки кружились над берегом. Одна из них пронзительно вскрикнула. Крик был какой-то неестественный, словно металлический. Чайка резко, механически повернула голову и, удостоверившись, что никого нет, опустилась на гладкий, утоптаный песок, куда она только что уронила раковину. Раковина треснула, словно яичная скорлупа. Что-то живое шевели-

лось внутри – или ему показалось? До того как Джек отвернулся, желтый изогнутый клюв впился в мясо моллюска, растягивая его, как резину. Джеку свело желудок. Он как будто слышал крик раздираемого тела, чувствовал его боль.

Джек снова попытался отвернуться, но не смог. Чайка открыла клюв, демонстрируя свою грязно-розовую глотку. В ее блестящих черных глазах Джек прочел истину: «Отцы умирают, умирают матери, умирают дяди, даже если они кажутся такими несокрушимыми, как скалы у берега. И дети, между прочим, тоже иногда умирают». То же самое, казалось, произносил и растерзанный моллюск.

– Эй! Хватит! – крикнул Джек, сам не зная зачем.

Чайка подняла на Джека глаза-бусинки. Затем снова стала клевать мясо.

«Что тебе надо, Джек? Смотри, он еще шевелится. Он еще сам не знает, что уже мертв. – Сильный желтый клюв снова вонзился в мякоть. – Хрусть!»

Чайка задрала голову в серое сентябрьское небо и сглотнула. Джеку опять показалось, что она смотрит на него. Так глаза на некоторых портретах все время смотрят на вас, куда бы вы ни отошли. Ее глаза... Он узнавал эти глаза. Вдруг Джеку нестерпимо захотелось к маме и к ее глазам, темно-синим и добрым. Он не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь так же безумно ему хотелось их увидеть. Разве что в раннем детстве... «А-а-а!» – зазвучала в ушах ее песенка, ее нежный родной голос:

Спи, мой Джеки, спи, дружок,
Под охотничий рожок.
Скоро папа твой придет,
Тебе песенку споет...
А-а-а! А-а-а!

Мать писала мемуары, куря одну сигарету за другой, потом перечитывала «голубые страницы», как она их называла. Он хорошо это запомнил – «голубые страницы». А-а-а... Все хорошо, Джеки... Я люблю тебя... Тс-с-с, тихо! Спи... а-а-а!

Чайка смотрела на него. Ужас охватил Джека. Он понял, что *она действительно смотрит на него*. Ее черные глаза (кого же они ему напоминают?) пронизывали насквозь. Чайка притягивала его к себе. Ее клюв раскрылся в сверхъестественной улыбке. Джек отвернулся и побежал, не оглядываясь. Слезы жгли его лицо, ноги увязали в песке.

Если бы кто-нибудь сейчас глядел вниз с высоты птичьего полета, он увидел бы только одинокого двенадцатилетнего Джека Сойера, бегущего по песку пляжа к отелю. Забыт Спики Паркер, голос его исчез в слезах и шуме ветра. Только стучит в висках: «Нет! Нет! Нет!»

3

Вдали от пляжа, вконец запыхавшись, Джек остановился. Острая боль пронизывала его левый бок от плеча до пояса. Джек сел на одну из скамеечек, на которых летом любили отдыхать старики, и уронил голову так, что волосы закрыли лицо.

Возьми себя в руки! Если сержант Фьюри уйдет в восьмой сектор, кто же возглавит Ревущих Коммандос?

Он улыбнулся и действительно почувствовал себя лучше. Здесь, вдали от берега, все казалось не таким уж мрачным. Конечно, то, что случилось с дядей Томми, было ужасно, но он должен научиться спокойнее принимать такие события.

«В конце концов, – думал Джек, сидя на скамейке и разгребая ногой песок, – с мамой ничего не может случиться. С ней ничего *не должно* случиться, это *невозможно*. Ведь ни

один врач не поставил ей точного диагноза, ни один! Нет, если бы у нее был рак, они не приехали бы сюда. Скорее всего они сейчас были бы в Швейцарии, принимали бы там минеральные ванны. Так что не может быть...»

Тихий сухой свист нарушил ход его мыслей. Джек глянул под ноги, и глаза его широко раскрылись от ужаса. Песок возле левого его тапка будто ожил. Белые песчинки стекали в маленькую воронку размером с палец. Внезапно края воронки обвалились, и образовалась ямка глубиной сантиметров в десять, а песок кружил и осыпался внутрь.

Ничего этого нет! – твердо сказал себе Джек. *Ничего нет. Просто мне напекло голову или я устал.*

Но сердце его бешено колотилось. Нет, это не усталость, это не может быть плодом его воображения, он никогда не видел и не воображал подобных вещей. И уж по крайней мере он никогда не задумывался над тем, как попадают в преисподнюю.

Песок осыпался все быстрее и быстрее. Сухой шорох напомнил ему о статическом электричестве – в прошлом году в школе они ставили опыты с лейденскими банками. Но уже через мгновение звук стал похож на протяжный тихий стон, на последний вздох умирающего.

Края отверстия обвалились вновь. Теперь это была уже не воронка, а что-то вроде печной трубы в песке, какая-то чертовщина. Ярко-желтая обертка от жевательной резинки то появлялась, то исчезала в потоке песка. Песок все осыпался, и Джеку стало видно ее название: «Ф-ФРУ-ФРУКТО». Дыра становилась шире и глубже. «ФРУКТОВАЯ», – прочитал наконец Джек. Песок осыпался все быстрее и быстрее, с яростным свистом *ш-ш-ш-у-у-ух!*..

Сначала Джек просто испугался. Теперь он был вне себя от охватившего его ужаса. Из песка на него смотрел огромный черный глаз – глаз чайки, вытягивающей живую плоть из моллюска, словно резину, словно жевательную резинку... *Ш-ш-ш-ш-ух!* – сухим, неживым голосом грохотал песок. Шумело вовсе не в голове у Джека, как он ни пытался себе это внушить. Нет, голос был вполне реальный: *Его вставные зубы вылетели, когда его ударили бампером. Как они затарахтели по дороге, ха-ха! Так что, как ни крути, черный фургон придет и за тобой, и за твоей мамочкой!*

Но Джек уже бежал без оглядки. Волосы его прилипли ко лбу, глаза были широко раскрыты, и в них застыл ужас.

4

Джек пронесся по тускло освещенному коридору отеля. Было тихо, как в библиотеке, и слабый свет из-за зашторенных окон падал на выцветшие ковры. Добежав до середины коридора, Джек перешел на быстрый шаг. Лифтер, выглянув из своей будки, ничего не сказал, но и без того хмурое его лицо стало еще более недовольным. Джек вдруг почувствовал себя так, будто его застали бегающим по церкви. Он вытер пот со лба и оставшийся путь до лифта прошел спокойно. Нажимая кнопку, он все еще чувствовал на затылке тяжелый взгляд лифтера. Только однажды ему удалось увидеть на его лице улыбку – когда тот узнал его мать. Видимо, улыбаться было совсем не в его правилах. «Интересно, какой же он старый, если помнит Лили Кевинью», – сказала тогда мать, когда они остались одни в своем номере. А ведь не так уж давно ее помнили, ее узнавали по тем пятидесяти фильмам, в которых она снималась в 50—60-х годах. Королева вторых ролей, королева однодневок, называла она сама себя. Но все же, когда ее останавливали на улице, она чувствовала себя настоящей звездой. А теперь... Теперь у нее не было и этого.

Джек сжался в комок перед неподвижными дверями лифта. Невыносимый потусторонний голос из песчаной воронки все еще звучал в его ушах. На мгновение он представил себе Томаса Вудбайна, доброго дядю Томми, своего опекуна. Этот человек заслонял их от всех

бед и напастей. Теперь он лежал мертвый на бульваре Ла-Сенег, и его вставная челюсть, пролетев несколько метров, утонула в сточной канаве. Джек снова нажал на кнопку.

Скорее наверх!

Теперь ему представилось нечто еще более ужасное. Два отвратительных существа запикивали его мать в машину. Джеку стало дурно, ему захотелось в туалет. Он изо всех сил жал на кнопку, и серый человек за его спиной что-то недовольно пробурчал. Джек сжал рукой некое место внизу живота, чувствуя резкую боль. Наконец-то послышался шум спускающегося лифта. Джек закрыл глаза и крепко сжал ноги. Он вновь увидел маму, одинокую и растерянную, и двух людей с лицами бешеных собак рядом. Джек знал, что ничего этого не было на самом деле, только он уже видел это во сне, и там это происходило не с матерью, а с ним самим.

Красно-коричневые двери лифта открылись, и Джек увидел себя в зеркале лифта. Сон пятилетней давности снова вернулся к нему, и он видел, как пожелтели глаза одного из чудовищ, почувствовал, как когтистая рука другого хватает его за горло тяжелой, нечеловеческой хваткой... Джек запрыгнул в лифт, как будто его толкнули туда.

Нет. Этого никогда не будет, такой сон не может сбыться. Он никогда не увидит этих желтеющих глаз. Его мать красива и счастлива. Ничего не было. Никто не умирал. Только чайка выела раковину. Джек закрыл глаза, а лифт медленно пополз вверх.

Голос из песка смеялся над ним. Едва двери начали открываться, Джек выскочил наружу. Он миновал закрытые рты других лифтов, повернул направо и побежал по обшитому панелями коридору мимо подсвечников и картин. Они с матерью занимали номера 407 и 408, состоявшие из двух спален, маленькой столовой и гостиной с видом на длинный ровный пляж и бесконечный простор океана. Мать каждый день откуда-то приносила цветы, расставляла их в вазы и возле каждой ставила фотографию: Джеку пять лет, одиннадцать, новорожденный Джек на руках у отца, Филипп Соьер за рулем старого «де сото», отец с Морганом Слоутом едут в Калифорнию – трудно вообразить, но тогда они были так бедны, что ночевали в машине. Джек рванул на себя дверь и громко позвал мать. Цветы приветствовали его, фотографии улыбались, но никто не отвечал.

– Мама!

Позади скрипнула дверь. Джек похолодел. Он кинулся в большую спальню.

– Мама!

И снова лишь вазы с красивыми, яркими цветами, аккуратно заправленная пустая кровать и солнечный зайчик прыгает по стеганому одеялу. На тумбочке расставлены коричневые пузырьки с таблетками. За окном вдали все катились и катились волны.

Два страшных существа из странной машины тянут руки к матери...

– Мама!

– Джек? – раздался ее голос из ванной. – Что случилось?

– Ох! – произнес Джек и почувствовал, как расслабились его мышцы. – Прости, я просто не знал, где ты.

– Я принимаю душ перед обедом. Ты не против?

Джек вспомнил, что давно уже не мылся. Он упал в кресло и закрыл глаза. С ней все в порядке.

«С ней пока все в порядке», – поправил насмешливый голос. И осыпающийся в бездну песок снова закружился вихрем в его воображении.

5

Милях в семи-восьми от городка стоял небольшой ресторанчик с романтическим названием «Замок омара». Джек очень хорошо запомнил этот день – он уже немного опомнился от того, что произошло с ним на пляже.

Официант в красном пиджаке с омаром на спине указал им на столик у окна.

– Что мадам будет пить? – У официанта было холодное, непроницаемое лицо среднего американца, и, вглядываясь в его голубые водянистые глаза, Джек почувствовал легкое недомогание.

Мама, ну если ты не больна, то какого черта мы здесь делаем? Здесь так пусто, так мрачно! О Господи!

– Принесите мне простой мартини.

Официант недоуменно вскинул брови:

– Мадам?

– Берете бокал, – стала объяснять она, – кладете в него кусочек льда, маслину и сверху наливаете джин. Затем... вы запомнили?..

Мама, ну посмотри ему в глаза. Ты думаешь, что очаровательна, а он думает, что ты издеваешься над ним! Ну разве ты не видишь?

Но она не видела. И эта ее неспособность разобраться в чувствах других людей каменной тяжестью лежала на душе Джека. Она была безрассудна... совершенно безрассудна...

– Да, мадам.

– Затем берете бутылку вермута – любого – и наливаете ее содержимое в бокал. Потом закрываете бутылку, ставите ее на полку, а бокал приносите мне. О'кей?

– Да, мадам.

Холодные глаза среднего американца бесстрастно смотрели на Лили. *А ведь мы здесь одни!* – только сейчас заметил Джек. *Господи Иисусе!*

– Чего желает молодой человек?

– Кока-колу, пожалуйста.

Официант ушел. Лили покопалась в сумке, вытащила пачку «Герберт Тэрритун» (вонючек, как она их называла: «Джеки, принеси мне с полки мои вонючки»), достала одну и закурила, глубоко затягиваясь. Это был еще один камень на сердце Джека. Два года назад мать совершенно бросила курить. Он тогда так радовался этому! Сейчас же она все время курила одну сигарету за другой, хотя еще три месяца назад в Нью-Йорке она не курила совсем. Джек вспомнил, как она ходила взад-вперед по комнате в их квартире на Централ-Парк-Уэст, окутанная клубами дыма, или сидела в уголке, слушая старые рок-н-роллы или джазовые записи умершего мужа.

– Ну что ты опять куришь, мама?! – не выдержал Джек.

– Капустные листья.

– Я не про это спрашиваю.

– Слушай, почему бы тебе не посмотреть телевизор? – с неожиданным раздражением сказала она, поджав губы. – Иди поищи Джимми Сваггерта. И, пожалуйста, оставь спасение моей души монашкам.

– Прости.

Ладно если бы это были «Карлтонз». Но она курила «Герберт Тэрритун» с темно-синей полоской вместо фильтра. Сейчас он вспомнил, как отец рассказывал кому-то, что он курит «Уинстон», а его жена «Блэк лангерз», «Черные легочные».

– Ты видишь в этом что-то плохое, Джек?

Ее глаза смотрели прямо на него; сигарета крутилась, как обычно, между средним и указательным пальцами правой руки. Она заставляла его сказать хоть что-нибудь и одновременно боялась услышать от него: «Мама, я стал замечать, что ты много куришь «Герберт Тэрритун». Значит ли это, что тебе теперь нечего терять?»

– Нет, – ответил он. Снова стало нехорошо и захотелось плакать.

– Смирись с этим. Такова жизнь.

Она посмотрела и улыбнулась. Два официанта, один худой, другой толстый, в красных пиджаках с золотыми омарами на спине о чем-то тихо переговаривались у входа на кухню. Длинная бархатная веревка огораживала ту часть ресторана, где стоял их столик, от банкетного зала. Столы там были заставлены перевернутыми стульями. В конце зала было огромное, во всю стену, окно в готическом стиле, напомнившее Джеку «Любимицу смерти» – фильм, где снималась его мать. Она играла молодую богачку, которая против воли родителей вышла замуж за красивого черного юношу. Тот привез ее в большой дом на берегу океана и пытался свести с ума. Эта роль была более или менее типична для Лили Кевинью. Она снималась во многих черно-белых фильмах, в которых красивые, но ничем не примечательные героини разъезжают на «фордах». Веревка с табличкой «Закрито» загораживала вход в темную пещеру банкетного зала.

– А здесь мрачновато, – сказала мать.

– Как в полночь, – ответил Джек, и она засмеялась своим нездоровым, болезненным, но таким любимым смехом.

– Да-да-да, Джеки. – Она протянула руку, чтобы потрепать его длинные волосы. На лице ее играла улыбка. Он улыбнулся в ответ и отвел ее руку. (Боже, как ее пальцы похожи на кости, *она уже почти мертва, Джек!..*)

– Не порть мне прическу.

– Открой мой ридикюль, – попросила мать.

– Прелестное название для старой, потрепанной сумки!

– Ах так! Тогда на этой неделе ты больше не получишь карманных денег!

– Ну и пусть!

Они улыбнулись друг другу. Джек не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь ему так хотелось плакать, чтобы он когда-нибудь так сильно любил свою мать. Теперь она стала совсем другой. Он увидел ее совсем другой.

Принесли напитки. Лили подняла свой бокал и посмотрела его на свет.

– За нас!

– О'кей!

Они выпили.

Официант принес меню и ушел.

– Как ты думаешь, Джеки, я его хоть немного задела?

– Ну, разве что совсем чуть-чуть.

На несколько мгновений это доставило ей удовольствие, а потом она забыла о своей шутке.

– Что у вас есть еще? – спросила Лили подошедшего официанта.

– Могу предложить палтуса.

– Давайте.

Официант раскланялся им обоим и ушел, чувствуя себя смешным и неуклюжим и понимая, что именно это и было ей нужно. Дядя Томми тоже часто подшучивал над официантами. Его излюбленной шуткой было: «Все навязчивые идеи замечательно лечатся плавленым сырком».

Принесли палтус. Джек набросился на горячую, аппетитную рыбу. Лили же лишь потыкала свою порцию вилкой, съела несколько фасолин из гарнира и отодвинула тарелку.

– В школе уже две недели идут занятия, – объявил Джек, не прекращая жевать. Глядя на желтые автобусы с надписью «Школа Аркадии», он чувствовал себя виноватым. Из-за совершенно абсурдных обстоятельств он не учился, а все время бездельничал.

Мать вопросительно посмотрела на него. Она только что допила второй бокал, и теперь официант нес ей третий.

Джек опомнился:

– Да это я так, не обращай внимания.

– Ты хочешь пойти в школу?

– Я? Нет! Только не здесь.

– Ну вот и хорошо, – сказала мать. – Потому что я забыла дома все твои медицинские карты, а без них тебя не допустят к занятиям, малыш.

– Не называй меня «малыш», – пробурчал Джек. Но Лили даже не улыбнулась.

Мальчик! Почему ты не в школе? – прогремел в голове Джека голос. Он вздрогнул.

– Что такое? – спросила мать.

– Нет, ничего. Дядька в парке, сторож. Взрослый черный дядька. Он спросил меня, почему я не в школе.

Она наклонила лицо к нему. Теперь ее лицо было серьезным, даже чуть испуганным.

– И что ты ему ответил?

Джек пожал плечами:

– Я сказал ему, что переутомился. Помнишь, как Ричард? Доктор сказал дяде Моргану, что Ричард не должен шесть недель ходить в школу, но может просто гулять. – Джек слегка улыбнулся. – Я думаю, он был доволен.

У Лили отлегло от сердца.

– Я бы не советовала тебе разговаривать с незнакомыми людьми.

– Мама, но он же просто...

– Мне все равно, *кто* он. Повторяю, я не хочу, чтобы ты разговаривал с незнакомыми.

Джек снова подумал о старом негре, вспомнил его жесткие седые волосы, черное точечное лицо, добрые искрящиеся глаза. Он видел, как он подметает пирс – единственную часть луна-парка, которая была открыта круглый год. Но теперь и здесь не было ни души, за исключением Джека, Спида и двух стариков, вдалеке играющих в теннис.

Сейчас, сидя в этом мрачном ресторане, Джек сам начинал задавать себе этот вопрос: *почему это я не в школе?*

Все именно так, как она сказала! Сынок, нет прививок, нет медкарт. Ты думаешь, она взяла с собой твое свидетельство о рождении? А что ты думаешь? Она все время бежит, сынок, и ты бежишь вместе с ней, ты...

– Тебе рассказал об этом Ричард? – услышал он голос матери.

И на него снова что-то нашло. Что-то ворвалось в него. Руки его судорожно сжались, бокал упал со стола и разбился об пол.

Она уже почти мертва, Джек.

Голос из отверстия в песке, только его слышал сейчас Джек. Это был голос дяди Моргана, не просто похожий на него, а *именно его* голос, в этом не было никаких сомнений. Голос Моргана Слоута.

6

По дороге домой мать спросила его:

– Что с тобой произошло, Джек?

- Ничего. Просто стало не по себе.
- Не пытайся меня обмануть, Джеки.

В свете приборной доски она выглядела бледной и изможденной. Сигарета тлела в ее руке, как обычно, между большим и указательным пальцами. Мать вела машину очень медленно, не больше сорока миль в час. Она всегда ездила так, когда была пьяна. Ее сиденье то и дело наклонялось вперед, юбка задралась, обнажив худые колени, подбородок, казалось, упирался в руль. Она была так похожа на ведьму, что Джек не выдержал и отвернулся.

- Нет, – произнес он.
- Что нет?
- Я просто неловко повернулся. Извини.
- Брось. Давай забудем об этом. Я думала, что все это как-то связано с Ричардом Слоутом.

- Нет.

Только что его отец разговаривал со мной на пляже из дыры в песке. Вот и все. Он разговаривал прямо во мне. Он сказал, что ты уже почти мертва.

- Ты скучаешь по нему, Джек?
- По Ричарду?
- Нет, по Микки-Маусу! Конечно же, по Ричарду!
- Так. Иногда.

Ричард Слоут... Сейчас он был в школе в Иллинойсе. Это была одна из частных школ, где обучение было принудительным и ни у кого не было желания учиться.

- Ты скоро увидишь его. – Мать потрепала его волосы.
- Мама, с тобой все в порядке? – Эти слова сами собой выплеснулись из него. Руки больно жжали колени.
- Да, – ответила она, закуривая еще одну сигарету.

Чтобы это сделать, она резко затормозила. Старый пикап пронесся мимо них, громко сигналя.

- Никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас.
- Ты так похудела. Сколько ты уже сбросила?
- Много будешь знать, скоро состаришься! – Она улыбнулась ему. Эта усталая, вымученная улыбка открыла ему все, что он хотел знать.

- Мама...

– Не надо, – остановила его она. – Все в порядке. Поверь мне. Если хочешь, поищи какую-нибудь музыку.

- Но, мама...
- Поищи какую-нибудь музыку, Джек. И помолчи.

На бостонской волне Джек нашел какой-то джаз. Саксофон играл «Все, что ты есть». За окном расстилался равнодушный океан. Спустя несколько минут что-то замаячило впереди. Это огромной уродливой птицей с нелепо раскинутыми крыльями высился над дорогой отель «Альгамбра». Если это был их дом, то они были дома.

Глава 3 Спиди Паркер

1

Следующий день выдался ясным. Из окон спальни Джек видел, словно на картинке, сияющее солнце над пляжем и красную полосу черепичной крыши. Яркие лучи отражались от застывших вдали волн и слепили глаза. Джеку показалось, что здешнее солнце отличается от солнца Калифорнии. Оно было как будто меньше, холоднее. Темные волны океана то таяли, как снег, то снова появлялись из глубины, и широкие ослепительные полосы пробегали по ним. Джек отвернулся от окна. Он уже умылся и оделся, и сознание подсказывало ему, что пора идти на остановку школьного автобуса. Пятнадцать минут восьмого. Но и сегодня он, конечно, не пойдет в школу. Ничего не изменилось, и они с матерью будут бесцельно убивать время в течение ближайших двенадцати часов. Ни расписания, ни занятий, ни домашних работ – ничего...

Да учебный ли сегодня день? Джек замер перед кроватью с неприятным ощущением, что его мир окончательно потерял очертания. Он не помнил, какой сегодня день недели.

Джек попытался восстановить в памяти последний хоть чем-нибудь примечательный день. Им оказалось прошлое воскресенье. Или вторник, но с большой натяжкой. По вторникам у него были занятия в компьютерном классе с мистером Белгоу и физкультура. Но это время – время нормальной, наполненной событиями жизни – казалось безвозвратно ушедшим.

Джек вышел из спальни. Солнечные блики играли на стенах гостиной. Он нажал кнопку телевизора и тихо опустился в кресло. Мать не проснется еще минут пятнадцать, а может, и дольше, учитывая, сколько она выпила.

Джек взглянул на дверь спальни матери. Двадцать минут спустя он тихо постучал.

– Мама?

Невнятные звуки послышались из-за двери. Джек заглянул внутрь. Мать подняла голову с подушки и попыталась открыть глаза.

– А, Джеки... Доброе утро. Который час?

– Около восьми.

– О Господи... Ты, наверное, голодный? – Она села на кровати и протерла глаза.

– Да нет, не очень. Мне просто надоело здесь сидеть... И мне захотелось, чтобы ты поскорее встала.

– Что-то не верится... Слушай, ты не обиделся? Знаешь, сходи пока позавтракай или погуляй по пляжу. Просто, чтобы прийти в норму, мне надо поспать еще час-другой.

– Хорошо. Я пошел.

В лифте резко пахло нашатырным спиртом. Кто-то опрокинул бутылку. Двери открылись, и седой лифтер бросил на него сердитый взгляд исподлобья и демонстративно отвернулся. Даже если ты сын кинозвезды, это еще не дает тебе права делать все, что заблагорассудится, сынок... И вообще, почему ты не в школе? Джек подошел к входу в кафе «Серый ягненок» и увидел ряды пустых столиков в затемненном зале. Только шесть из них были заняты. Официантка в белой блузке и красной кружевной юбке на секунду обратила на него внимание. В другом конце зала, через столик друг от друга, сидели двое пожилых людей болезненного вида. Больше здесь никого не было. Пожилой джентльмен разрезал яйцо на четыре равные части.

– Что желаете? – Официантка словно выросла перед ним из пустоты и жестом фокусника извлекла откуда-то меню.

– Простите, я передумал, – неожиданно для себя ответил Джек. Чувство голода бесследно испарилось от мысли, что ему придется сидеть здесь одному, глядя, как скучный повар бросает кусок свинины на противень. Нет, лучше подождать, когда мама проснется. А сейчас он найдет пирожок с курицей и стакан молока.

Джек толкнул тяжелую входную дверь и оказался на улице. В первое мгновение яркий солнечный свет ослепил его. Джек зажмурился и пожалел, что не взял с собой темные очки. Он спустился по кривым, выщербленным ступенькам и побрел в сад.

Что будет, если она умрет? Что будет с ним? Куда он пойдет? Кто позаботится о нем, если произойдет худшее и она *навсегда* уйдет от него? Джек мотнул головой, пытаясь отогнать от себя мрачные мысли и не дать им завладеть собой. Он никогда больше не будет думать ни про сигареты, ни про потерянный вес, ни про то, как она бывает беспомощна временами.

Джек повернулся и быстро зашагал от отеля прочь. И она все время убегает, и ты убегаешь вместе с ней. Но от кого? И куда? Сюда, на этот заброшенный курорт? Джек перешел через широкую дорогу, ведущую в город. Теперь все пустое пространство вокруг него превратилось в гигантский водоворот, в огромную песчаную воронку. Она засасывала его, чтобы выбросить в темном мире, где никогда не бывает покоя.

Чайка сделала большой круг над дорогой и полетела к пляжу. Джек проводил ее взглядом, пока та не превратилась в маленькую белую точку над серой гладью воды.

Лестер Спиди Паркер, кучерявый негр с густыми бакенбардами, сейчас был скорее всего в парке. Именно он был немедленно нужен Джеку. Он понял это сразу, как только до него дошло, *кто такой* Морган Слоут. Вскрикнула чайка; солнечный луч, отразившись от воды, ослепил его, и он представил дядю Моргана и своего нового друга Спиди символами Дня и Ночи, Луны и Солнца, Мрака и Света. Спиди понравился бы отцу, снова подумал Джек. Он был бы близок ему, ведь он бывший музыкант. А дядя Морган близок ему с другой стороны, дядя Морган – деловой человек, он всю свою жизнь отдал бизнесу и бирже. Но он так тщеславен, что позволяет себе мошенничать в азартных играх даже с собственным сыном. Впрочем, он мошенничает всегда, во всех своих делах. Он не из тех, кто умеет красиво проигрывать.

НОЧЬ И ДЕНЬ, ЛУНА И СОЛНЦЕ, МРАК И СВЕТ. Черный Спиди в этой системе отсчета означал свет.

Внезапно новая волна неудержимого, беспричинного страха накатила на Джека. Он вскочил и побежал.

2

Спиди сидел около пирса, опираясь на одно колено, – наматывал толстый кабель на барабан. Грязная рабочая куртка задралась, обнажив потную спину. Увидев его, Джек с удивлением обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия, о чем он будет говорить. Да и собирався ли он говорить о чем-либо вообще?

Спиди перевязал барабан, вынул из кармана складной нож и с ловкостью хирурга отсек конец кабеля. Джеку захотелось уйти, и он ушел бы, если бы мог. Ведь сюда его никто не звал, Спиди занят, да и глупо надеяться, что старый негр сможет хоть чем-то помочь ему. Что может сделать простой зритель опустевшего парка?

Спиди обернулся и увидел Джека. Лицо негра выражало искреннюю и дружескую радость. Улыбка тронула его губы, и Джек понял, что пришел вовремя.

– А, маленький странник! – поприветствовал Джека Спиди. – Я уже начал бояться, что ты не придешь больше. Рад снова видеть тебя, сынок!

– Я тоже рад.

Спиди убрал нож в карман и распрямился. Его длинное худое тело поднялось так легко и красиво, словно было невесомым.

– Все кругом приходит в упадок, – сообщил он. – Я все укрепляю, укрепляю, но... – Он смолк на полуслове и ласково посмотрел на Джека. – Мир не настолько хорош, как кажется. Маленький странник Джек чем-то встревожен. Я угадал?

– Почти. – Джек до сих пор не знал, как рассказать о том, что так мучило его. Он не мог уложить свои мысли в слова, простые слова, понятные всем. Во-первых, во-вторых, в-третьих... Мир Джека больше не умещался в привычных рамках. Он не мог произнести ни слова.

Рядом со Спиди он казался маленьким. Руки Лестера сжались в кулаки, и глубокая морщина прорезала лоб между густыми седыми бровями. Его лучистые глаза цвета моря на мгновение встретились с глазами Джека, и тот почувствовал себя лучше. Он не мог понять, почему. Спиди, казалось, умел передавать ему свое настроение, как будто они встретились не неделю назад, а знали друг друга уже много лет.

– Ладно, хватит работать, – сказал Спиди, глядя в сторону «Альгамбры». – Если я возьмусь за что-то еще, то обязательно испорчу. Ты ведь никогда не был у меня в домике?

Джек кивнул.

– Сейчас самое время подкрепиться.

Спиди пошел вперед своей размашистой походкой. Джек едва поспевал за ним, когда они спустились со ступенек и затопали по чахлой, сухой траве к строениям в дальнем конце парка. Спиди снова удивил Джека, начав петь:

Запомни, маленький мой Джек,
Запомни попрочней:
Был путь твой из дому далек —
Но путь домой длинней...

Он не просто пел, он как будто разговаривал с ним. И если на слова Джек не обратил особого внимания, то мягким, глубоким голосом Спиди он просто заслушался.

Был путь твой из дому далек,
Но путь домой длинней...

Спиди озорно взглянул на него.

– Послушай, почему ты меня так называешь? – спросил его Джек. – Почему я «маленький странник»? Потому что я из Калифорнии, да?

Они прошли мимо бледно-голубого билетного киоска у парковой ограды. Спиди засунул руки в карманы своих потрепанных зеленых брюк, развевающихся на щиколотках, и прислонился к низкому голубому заборчику. Привычность и быстрота его движений казались театральными, наигранными, словно он заранее знал, что мальчик задаст именно этот вопрос именно в этот момент.

Приехал он из Калифорнии,
И вновь он будет там, —

пропел Спиди, и его глаза затуманились грустью.

Наш маленький бродяга
скучает по друзьям.

– Что? – удивился Джек. – Я вернусь домой? Но ведь мама продала дом или сдала кому-то. Я не пойму, какого черта ты мне все это говоришь?

Спиди ответил на этот раз прозой:

– Держу пари: ты не помнишь, что мы с тобой раньше встречались. Угадал?

– Мы встречались? Где? Когда?

– По крайней мере в Калифорнии. Хотя, я думаю, мы встречались и позже. Не пытайся вспомнить, мы виделись всего несколько минут. Даже сейчас скажу, когда. Четыре или пять лет назад... Дай Бог памяти... В 1976 году.

Джек посмотрел на Спиди, вконец обескураженный. В 1976-м? Ему тогда было семь лет...

– Зайдем в мою избушку, – предложил Спиди и оттолкнулся от заборчика все с той же легкой грацией. Джек последовал за ним.

Бледные тени, похожие на клетки для игры в крестики-нолики, лежали на мусорном баке, забитом пустыми пивными банками и конфетными обертками. Громада «американских горок» висела над ними, как недостроенный небоскреб. Спиди шел, стройный, как баскетболист, подняв голову и размахивая руками. Его тело в перекрещивающихся тенях горок выглядело очень молодо – видимо, Спиди находился сейчас в том далеком времени, когда он был двадцатилетним парнем. Потом он вышел на солнце, и тяжелый груз пятидесяти с лишним лет вновь окрасил в пепельный цвет его волосы и согнул спину. Миновав последний ряд опор, Джек почувствовал, что видения опять обступают его. О том же свидетельствовало и мимолетное преобразование Спиди.

1976-й? Калифорния? Джек шел следом за Спиди к маленькому красному домику у забора в самом дальнем конце удивительного парка. Джек был уверен, что никогда не встречался со Спиди в Калифорнии... но воспоминания вернули его в другой, не менее странный вечер. Джеку было тогда шесть лет. Он играл с черной игрушечной машиной на тахте в офисе своего отца. Отец и дядя Морган тихо и таинственно разговаривали о чем-то непонятном:

– *Они используют магию так же, как мы используем физику, понимаешь? Безумная держава, предпочитающая магию науке! А теперь попробуй понять, что нам грозит, если мы дадим им электричество, если мы дадим этим дикарям современное оружие. У тебя есть какие-нибудь соображения?*

– *Слушай, Морган. У меня много идей, которые могли бы тебя заинтересовать...*

Джек все еще слышал голос отца, когда ему показалось, как что-то шевельнулось в тени опор аттракциона. Он поспешил за Спиди, который уже открывал дверь своей маленькой хижины, на его губах блуждала ухмылка.

– О чем задумался, маленький странник? Твоя голова гудит от мыслей, как пчелиный улей. Давай-ка снимай свою куртку и рассказывай.

Если бы Спиди улыбнулся чуть шире, Джек повернулся бы и убежал. Боязнь насмешек все еще преследовала его. Но лицо Спиди не выражало ничего, кроме добродушного приглашения к разговору. И Джек вошел в комнату.

Комната Спиди была прямоугольной и такой же красной внутри, как и снаружи. В ней не было ни стола, ни телефона. Две незаконченные тростниковые корзины висели на стене. На полу стоял электрообогреватель без корпуса, похожий на старый «понтак». Посреди комнаты расположились деревянный школьный стул и кресло, обтянутое грубой серой материей. Его подлокотники, казалось, драло несколько поколений котов. Вытертые куски обивки свисали бахромой. На спинке стула были нацарапаны какие-то глупые над-

писи. Должно быть, эта мебель попала сюда прямо со свалки. В одном углу лежали две стопки книг, в другом стоял проигрыватель, накрытый дерматином.

Спиди кивнул на обогреватель:

– Попади ты сюда в январе или феврале, ты бы понял, зачем мне нужна эта штука. Здесь зверски холодно зимой.

Но Джек уже рассматривал картинки, висевшие на стенах. Все до единой они были вырезаны из журналов для мужчин. Женщины, с грудями больше, чем головы, в неудобных позах сидели на деревьях, свесив толстые ноги. Их лица казались Джеку одновременно красивыми и хищными, как будто они хотели в поцелуе сорвать с вас кожу. Некоторые из них были чуть моложе его матери, другие – едва старше его самого. Джеку казалось, что все они: молодые и не очень, розовые и шоколадные или желтые, словно мед, – все хотели наброситься на него. Он спиной ощущал, что Спиди Паркер стоит сзади и наблюдает за ним. Вдруг среди этого праздника нагого тела он увидел пейзаж, и на секунду у него перехватило дух. Это тоже была фотография. Она притягивала взгляд, словно была объемной. Горы, ярко-зеленая трава, а над всем этим сияло глубокое ясное небо. Он узнал это место! Он никогда не был там, но, как ни странно, узнал все. Он видел это место во сне.

– Нравится? – спросил Спиди.

Джек вспомнил, где находится. Женщины улыбались ему со стен.

– Да, нравится, – ответил Джек.

– Вот эту, – Спиди указал на фотографию с пейзажем, – я повесил сам. Все остальные были здесь еще до меня. Но рука не поднялась их сорвать. Они напоминают мне о моем возвращении.

Джек удивленно, ничего не поняв, посмотрел на Спиди. Старый негр подмигнул.

– Ты ведь знаешь это место, Спиди? – спросил Джек. – Где оно?

– Может быть, знаю, а может быть, не знаю. Такой пейзаж может быть в Африке – где-нибудь в Кении. А может быть, просто в моем воображении. Садись, где тебе удобно, маленький странник.

Джек поставил стул так, чтобы было видно картину.

– Неужели это Африка?

– Может быть, намного ближе. Может быть, любой из нас может попасть туда, когда захочет. Если захочет.

Джек внезапно обнаружил, что он дрожит, и дрожит уже давно. Он сжался в комок и почувствовал, как дрожь перебралась в желудок. Он не был уверен, что когда-нибудь захочет побывать в этом месте, но все же вопросительно посмотрел на Спиди, усевшегося рядом.

– Так это все-таки в Африке?

– Ну, я не знаю. Может быть. Я сам придумал для него название – Долины.

Джек взглянул на фотографию снова. Огромная зеленая равнина, невысокие бурые горы. Долины... Правильно. Именно так и надо называть это.

– ...Они используют магию так же, как мы используем физику, понимаешь? Безумная держава... Этим дикарям современное оружие...

Дядя Морган говорил не останавливаясь. В редких паузах отец возражал:

– Мы должны действовать осторожно. Не забывай, что мы многим им обязаны.

– Долины... – прошептал Джек, пробуя слово на вкус.

– Воздух там похож на душистое вино. Там всегда идет мелкий дождик. Прекрасное место, сынок!..

– Ты там был, Спиди? – спросил Джек, горячо надеясь, что услышит «да».

Но Спиди разочаровал его. Сторож улыбнулся ему, и на сей раз это была настоящая улыбка, а не обычная доброжелательность. Он сказал:

– Нет, черт возьми, я никогда не был нигде, кроме Соединенных Штатов, мой маленький Джек! Даже во время войны я никогда не заезжал дальше Техаса или Алабамы.

– А откуда ты знаешь про Долины? – Джек уже начал привыкать к этому слову.

– Такой человек, как я, слышит много всякого. Истории про двухголовых попугаев, про крылатых людей, про оборотней. Про больных королей...

...магию так же, как мы используем физику, понимаешь?

– Ангелы и оборотни? Я слышал истории про оборотней. Они есть даже в мультиках. Это ничего не значит, Спиди.

– Может, и не значит. Но я слышал, что если в Долинах один человек надкусывает яблоко, то другой чувствует его запах – такой там чистый воздух.

– А ангелы?

– Люди с крыльями.

– И больные королевы, – попытался пошутить Джек. *Ты, мол, сам не веришь в то, что говоришь, старый плут.* Но не успел он произнести эти слова, как вдруг почувствовал себя больным. Ему вспомнилась чайка, терзающая моллюска, черный глаз этой чайки, говоривший ему, что он тоже смертен; он слышал громкий голос дяди Моргана, спрашивавший про королеву Лили.

Королева вторых ролей, королева Лили Кевинью.

– Да, – тихо сказал Спиди. – Несчастья окружают нас везде, сынок. Больные королевы... Они иногда умирают. *Умирают*, сынок. Остается только ждать, что кто-нибудь их спасет.

Джек замер с открытым ртом. Он чувствовал себя так, будто получил удар ниже пояса. Спасти ее? Спасти его мать? Его снова охватил страх. Как может *он* ее спасти? И означает ли этот безумный разговор, что она действительно может умереть?!

– Теперь у тебя есть дело, – сказал Спиди. – Сам Бог дал его тебе. Я надеюсь, ты справишься.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Джек. Ему стало трудно дышать.

В темном углу комнаты на стене Джек заметил гитару. Под ней лежал свернутый матрац. Спиди потянулся за гитарой.

– Я мечтаю, – сказал он, – что наступит такое время... Ты знаешь, о чем я говорю. Ты знаешь намного больше, чем тебе кажется. Один Господь Бог знает больше.

– Но я не понимаю... – начал Джек и осекся.

Теперь он испугался еще больше. Еще одно воспоминание о прошлом вернулось к нему, захватив все его мысли. Он весь покрылся холодным потом. Он вспомнил, как вчера стоял перед лифтом и его мочевой пузырь готов был лопнуть.

– Не говорил ли я тебе, что нам пора перекусить? – спросил Спиди, поворачиваясь лицом к шкафу.

Два чудовища снова всплыли в памяти Джека. Тяжелые ветви огромного дерева нависли над крышей их автомобиля.

Спиди осторожно извлек из шкафа бутылочку. Она была темно-зеленого стекла, и жидкость в ней казалась темной.

– Это должно помочь тебе, сынок. Попробуй. Только чуть-чуть. Ты многое поймешь. Ты поймешь, о каком деле я тебе говорю.

– Мне пора идти, – выпалил Джек. – Я должен поскорее вернуться в гостиницу.

Старик удивился. Он поставил бутылку обратно. Джек был уже у двери.

– Я волнуюсь, – сказал он.

– О маме?

Джек кивнул.

– Что ж. Тогда тебе действительно стоит пойти посмотреть, все ли с ней в порядке. Я жду тебя в любое время, маленький странник.

– Хорошо, – сказал мальчик. Перед самой дверью он остановился. – Мне кажется, я вспомнил, где мы раньше встречались.

– О Господи, мои мозги сейчас лопнут! – воскликнул Спиди. – Мы никогда не встречались до прошлой недели, я просто пошутил. Ну, давай иди к маме.

Джек вышел и побежал по дорожке к широкой арке, которая вывела его на улицу.

«ЯИДАКРА КРАП-АНУЛ», – прочитал он. Ночью с этого места тоже будет видно эту надпись, светящуюся в темноте яркими лампочками.

Пыль клубилась под ногами. Джек бежал, заставляя себя с каждым шагом бежать все быстрее. Пробегая под аркой, он уже готов был взлететь.

1976-й... Джек медленно брел по Родео-драйв в один из июньских дней. Или июльских? В один из жарких дней. Сейчас он даже не помнил, куда он шел тогда. Может быть, к друзьям? По крайней мере дел у него в тот день не было. Он только начал приходить в себя после смерти отца. Еще много месяцев после того, как с Филом Соьером произошел несчастный случай, его тень, его призрак преследовал Джека, куда бы он ни пошел. В семь лет детство для него закончилось. Сейчас он вспоминал, каким глупым и наивным был еще год назад. Теперь он научился доверять своей матери. Опасности больше не мерещились в темных углах, в туалете, на вечерних улицах, в пустых комнатах. Но события трагического летнего дня 1976 года нарушили его душевный покой. Полгода после этого Джек спал, не выключая свет: каждую ночь его мучили кошмары.

Он вспомнил, как недалеко от их дома остановилась машина зеленого цвета. Это был не «мерседес» – все, что Джек тогда мог сказать о ней. «Мерседес» – единственная марка автомобилей, которую семилетний Джек узнавал по внешнему виду. Водитель улыбнулся ему из окошка. Джек подумал, что этот человек – знакомый его отца Фила Соьера. И решил с ним поздороваться. На заднем сиденье пристроился человек в круглых очках, настолько черных, что они едва ли пропускали солнечный свет. Он был одет в недорогой белый костюм. Водитель, не переставая улыбаться, что-то шепнул своему пассажиру, затем обратился к Джеку:

– Мальчик, ты случайно не знаешь, как добраться до отеля «Бeverли-Хиллз»?

Значит, он не местный. Джек хорошо знал, где находится этот отель. Он указал направо. Отель был недалеко. Отец иногда ходил в ресторан «Бeverли-Хиллз».

– Не сворачивая? – продолжая улыбаться, спросил водитель.

Джек кивнул.

– Ты славный парень, – сказал ему водитель. Пассажир хихикнул. – Это не очень далеко?

Джек отрицательно мотнул головой.

– Кварталах в двух отсюда или дальше?

– Где-то так. – Джеку стало не по себе. Водитель все еще улыбался, но теперь эта улыбка была холодной и насмешливой. А тихий хохоток человека в очках походил на мокрые шлепки.

– Может быть, пять или шесть? Как ты думаешь?

– Да, точно, пять или шесть, – сказал Джек, отступив назад.

– Ну что же, спасибо, дружок, – сказал водитель. – Ты, наверное, любишь конфеты?

Он протянул руку в окно кабины и разжал ладонь.

– «Тутси Ролл». Возьми, это тебе.

Джек неуверенно шагнул вперед, вспоминая тысячи жутких рассказов про незнакомцев с конфетами. Но этот человек не выходил из машины. Даже если бы он собрался что-

нибудь сделать, ему пришлось бы по крайней мере открыть дверь, а за это время Джек смог бы отбежать достаточно далеко. К тому же не взять конфету было бы невежливо. Джек подошел ближе и заглянул в глаза водителю – голубые и такие же холодные, как его улыбка. Какой-то инстинкт вдруг шепнул ему: отдерни руку и беги! – но он дотянулся до конфеты и взял ее. Рука водителя тут же сомкнулась вокруг его запястья. Человек в черных очках громко захохотал. Джек еще раз взглянул в глаза державшего его за руку и с ужасом увидел, что они изменились: теперь они были желтыми. Пассажир в белом костюме открыл дверцу с другой стороны и вышел из машины. Маленький золотой крестик блеснул на лацкане его пиджака. Джек попытался вырваться, но водитель только усмехнулся и еще крепче сжал его руку.

– НЕТ! – закричал Джек. – ПОМОГИТЕ!

Человек в черных очках открыл заднюю дверцу со стороны Джека.

– СПАСИТЕ! – еще громче крикнул Джек, чувствуя, что его пытаются запихнуть в машину. Он задергался изо всех сил, не переставая кричать, но человек в очках лишь усилил хватку. Джек бился в его руках, пытаясь вырваться; с ужасом и отчаянием он ощутил, что под его пальцами вовсе не кожа. Он увидел, что его держит когтистая черная лапа, и снова закричал.

Вдруг он услышал чей-то громкий голос:

– Эй, вы! Перестаньте мучить мальчика! Оставьте ребенка в покое, вам говорят!

Джек с трудом вдохнул воздух и, вывернув голову, насколько позволяла хватка чудовища, – именно чудовища, это не было человеком, нет! – увидел, как к ним бежит худой высокий негр. Существо, державшее Джека, бросило его на тротуар. Хлопнула дверца автомобиля.

– Быстрее, быстрее! – крикнул водитель, нажимая на акселератор. Человек в белом костюме прыгнул на заднее сиденье. Машина резко тронулась с места и понеслась по Родео-драйв, едва не врезавшись в длинный белый «клене», за рулем которого сидел загорелый мужчина в теннисной кепке, отчаянно сигналивший.

Джек поднялся на ноги; у него кружилась голова. Лысый мужчина в кожаной охотничьей куртке появился рядом.

– Кто это был? – спросил он. – Ты знаешь, как их зовут?

Джек отрицательно помотал головой.

– Может, вызвать полицию?

– Я хочу сесть, – сказал Джек, и лысый отошел на шаг.

– Так, может, все-таки вызвать полицию?

Джек еще раз мотнул головой.

– Ты живешь здесь, поблизости? – не отставал лысый. – Мне кажется, я видел тебя раньше.

– Я Джек Сойер. Мой дом через квартал отсюда.

– А, такой белый! – закивал мужчина. – Дом Лили Кевинью! А ты ее сын? Давай я провожу тебя до дома?

– А где тот, другой? – спросил его Джек. – Тот черный человек, который кричал?

Джек с трудом поднялся и отошел от человека в кожаной куртке. Кроме них двоих, на улице никого не было.

Тот черный человек был Лестер Спиди Паркер. Именно он спас Джеку жизнь в страшный летний день.

3

– Ты позавтракал? – спросила мать, выпустив облако дыма. Ее волосы были убраны под шарф, завязанный наподобие тюрбана, и от этого лицо ее казалось еще более худым и болезненным. Увидев, что Джек не отрываясь смотрит на полуистлевшую сигарету в ее руке, она повернулась и быстро погасила ее в пепельнице, стоявшей на туалетном столике.

– Да. То есть нет, – ответил Джек, прикрывая дверь в ее спальню.

– Так да или нет? – Она повернулась к зеркалу. – Твои двусмысленные ответы меня просто убивают.

Ее лицо в зеркале, ее рука, накладывающая грим, казались совсем старческими.

– Нет.

– В таком случае подожди минутку. Как только твоя мама сделает себя красивой, мы спустимся с тобой вниз и купим все, что твоей душе будет угодно.

– Хорошо, – сказал Джек. – Там просто было слишком уныло. Мне стало скучно одному.

– Знаю я, почему ты скучаешь. – Она наклонилась к зеркалу, рассматривая свое лицо. – И все-таки посиди немного в зале. Мне надо кое-что сделать тут. Это мой маленький секрет.

Джек, не говоря ни слова, вышел. Вдруг зазвонил телефон. От неожиданности Джек чуть не подпрыгнул.

– Снять трубку? – спросил он.

– Да, конечно, – ответил ее спокойный голос.

– Алло? – сказал в трубку Джек.

– Привет, малыш! Наконец-то я тебя нашел, – промолвил дядя Морган Слоут. – О чем, в конце концов, думает твоя мать? Ты знаешь, что бывает, когда кто-нибудь перестает обращать внимание на детали? Она рядом? Скажи ей, что она должна поговорить со мной. Мне плевать, хочет она этого или не хочет, она должна!

Джек взял аппарат. Ему хотелось повесить трубку, сесть с матерью в машину и уехать в другой отель, в другой штат. Но вместо этого он крикнул:

– Мама! Это дядя Морган. Он говорит, что ему нужно поговорить с тобой.

Несколько секунд она молчала, и Джек представил себе ее лицо. В конце концов она ответила:

– Джеки! Я возьму трубку.

Он не знал, что ему делать дальше. Дверь в спальню была плотно закрыта, но Джек услышал, как она подошла к столику и взяла трубку.

– О'кей, Джеки, клади! – крикнула она.

– О'кей, – сказал он в ответ. Затем Джек поднес трубку к уху и плотно закрыл рукой микрофон, чтобы никто не услышал его дыхания.

– Твои дела плохи, Лили, – сказал дядя Морган. – Просто ужасны. Конечно, можно попытаться запустить какую-нибудь «утку» вроде того: «Почему исчезла эта актриса?» Но...

– Как ты меня нашел? – спросила мать.

– Ты думаешь, тебя сложно найти? Не перебивай меня. Я хочу, чтобы ты оторвала свою задницу от кровати и вернулась в Нью-Йорк. Ты просто зря теряешь время из-за этой беготни.

– Почему ты так думаешь, Морган?

– Лили, послушай. У тебя не так уж много времени, да и мне некогда гоняться за тобой по всей Новой Англии. И пусть твой отпрыск отойдет от телефона!

– Он давно уже отошел.

– Малыш, повесь трубку! – сказал дядя Морган.

У Джека замерло сердце.

– Не будь смешным, Слоут, – сказала мать.

– Смешным? Сейчас я объясню тебе, кто из нас смешон, детка. Ты торчишь на каком-то занюханном курорте в то время, как тебе надо было бы быть в больнице! Вот это смешно! Ведь можно найти тысячу разных выходов, тысячу разумных решений. Я могу позаботиться об образовании твоего сына и много еще о чем. Я смотрю, ты совсем распустилась.

– Я не хочу больше с тобой разговаривать.

– Не хочешь? А надо. Если будет нужно, я сам приеду и силой положу тебя в больницу. Я приведу в порядок твои дела. Твою часть компании я пока возьму на себя. Потом ее получит Джек, когда подрастет. А если ты думаешь, что сейчас заботаешься о нем, притащив его за собой в это Богом забытое место, значит, тебе еще хуже, чем я думал.

– Что тебе нужно, Слоут? – спросила Лили усталым голосом.

– Ты знаешь, что мне нужно. О каждом человеке кто-то должен заботиться. Я хочу взять опеку над Джеком. Он будет получать от меня по пятьдесят тысяч долларов в год – подумай об этом, Лили. Я устрою его в хороший колледж. Ведь ты не можешь отдать его даже в школу!

– О, какое великодушие!

– Это не ответ. Лили, тебе нужна помощь, и только я могу тебе ее оказать.

– Да пошел ты знаешь куда!

– Знаю. Слушай меня дальше. Я все равно добьюсь того, чего я хочу. Я лез из кожи, чтобы компания «Сойер и Слоут» процветала, и она должна стать моей. Мы оформим все, и я стану вам помогать.

– Как Томми Вудбайну? – спросила она. – Иногда мне кажется, что вы с Филом были слишком удачливы. Но «Сойер и Слоут» была куда более кредитоспособной до того, как ты стал вкладывать деньги в недвижимость и промышленность. Кто теперь твои клиенты? Пара измотанных сатириков, полдюжины сумасшедших актеров и несколько безвестных писателей? Нет, раньше мне твои дела нравились больше.

– Слушай, кого ты учишь? – взорвался дядя Морган. – Ты не можешь содержать даже себя...

Он попытался взять себя в руки.

– Я забуду, что ты упомянула Томми Вудбайна, но это было низко с твоей стороны, Лили.

– Я вешаю трубку, Слоут. Не звони сюда больше и оставь Джека в покое.

– Ты ляжешь в больницу, Лили, и твои побеги...

Мать повесила трубку, не дав ему договорить. Джек аккуратно положил свою трубку и тихо отошел подальше от телефона, чтобы мать ни в чем не заподозрила его. В спальне было тихо.

– Мама! – позвал он.

– Что, Джек? – Ее голос слегка дрожал.

– С тобой все в порядке?

– Со мной? Да, конечно. – Она тихо приоткрыла дверь. Их глаза встретились. Какое-то напряжение возникло между ними. – Конечно, все в порядке. Почему что-то должно быть не так?

Джек опустил глаза. Она что-то поняла, почувствовал он. Догадалась, что он подслушал разговор? А может, она просто подумала о том же, о чем и он, – о своей болезни?

– Да пото... – сказал Джек смущенно.

Болезнь матери стала запретной темой в их маленькой семье.

– Я точно не знаю, но мне показалось, что дядя Морган... – Джек запнулся.

Лили вздрогнула, и Джек понял, что с ней происходит. Мать боялась точно так же, как и он. Она достала сигарету и щелкнула зажигалкой. Еще один острый взгляд упал на Джека.

– Не обращай внимания на этого паразита, Джек. Я разозлилась, потому что поняла: от него никуда не спрячешься. Твоему дяде Моргану просто доставляет удовольствие выводить меня из себя. – Лили выпустила тоненькую струйку дыма. – Боюсь, у меня пропал аппетит для завтрака. Почему бы тебе не поесть одному?

– Сходи со мной, – попросил Джек.

– Я хочу немного побыть одна. Постарайся меня понять, Джеки.

Постарайся меня понять. Поверь мне. Когда взрослые говорят так, они часто подразумевают под этим нечто совсем иное.

– Я буду разговорчивее, когда ты придешь. Пожалуйста, я прошу тебя.

На самом деле она хотела сказать: *Я хочу выплакаться. У меня никак не укладывается в голове все это... Прошу тебя, уйди!*

– Тебе принести чего-нибудь?

Она отрицательно покачала головой. Джек вышел из комнаты и только сейчас почувствовал, как он голоден. Он побрел по коридору к лифту.

Лишь в одно место он мог отправиться прямо сейчас. Он понял это, еще выходя из дверей номера.

4

Спиди Паркера не было ни в маленькой красной хижине, ни около пирса, ни под аркой, где двое старичков все еще играли в теннис. Его не было и под темной громадой «американских горок». Джек в отчаянии огляделся по сторонам, всматриваясь в пустынные аллеи парка. Все внутри у него сжалось. Вдруг со Спиди что-то случилось? Этого не может быть, хотя если бы дядя Морган узнал о нем (впрочем, что он мог узнать?), то... Джек представил, как черный фургон выворачивает на бешеной скорости из-за угла...

Джек пошел вперед, еще не зная, куда и зачем. В голове его был сплошной сумбур: ему представился дядя Морган, бегущий по коридору, из кривых зеркал на него смотрели ужасные монстры и бесформенные темные фигуры; рога вырастали на его лысине, за плечами наливался горб, руки превращались в когтистые звериные лапы...

Джек резко повернул направо и увидел, что приближается к странному круглому строению из тонких белых досок. Изнутри донеслось ритмичное постукивание, словно молотком били по наковальне или гаечным ключом по водосточной трубе. Джек нашел грубо сбитую дверь без ручки и толкнул ее вперед.

Внутри было темно. Звук был слышен отчетливее. Глаза Джека постепенно привыкали к темноте, и вскоре он разглядел смутные очертания стен. Он пошарил руками по стенкам и отыскал выключатель. Под потолком загорелась лампочка, испускавшая тусклый желтый свет.

– А, маленький странник! – раздался голос Спиди.

Джек обернулся и увидел своего друга, сидящего на земле перед разобранной каруселью. В руке он держал гаечный ключ. Перед ним лежала белая лошадь с поролоновой гривой. Серебристая трубка торчала из ее брюха. Спиди положил ключ на землю и спросил:

– Ну что, сынок, теперь ты готов поговорить?

Глава 4

Джек становится другим

1

– Да, я готов, – совершенно спокойным голосом ответил Джек.

И внезапно расплакался.

– Успокойся, маленький странник, – сказал Спиди, подойдя к нему. – Не плачь, сынок, успокойся.

Но Джек не мог успокоиться. Он только зарыдал еще громче, и ничто не могло остановить этот плач, как ничто не может осветить вечную тьму.

– Ну что ж, раз плачется – плачь. – Спиди положил руку Джеку на плечо. Джек уткнулся носом в его куртку. Она пахла какими-то приправами, чем-то вроде корицы, и старыми книгами, завалывшимися на полке. Приятный, успокаивающий запах. Джек обнял Спиди. Его пальцы вцепились в худую жилистую спину друга.

– Поплачь, если тебе легче от этого, – сказал Спиди, похлопывая его по спине. – Иногда это помогает. Я знаю. Спиди знает, что с тобой, маленький странник. Он знает, как ты устал. Так что поплачь.

Джек не разбирал слов. Только тихие, успокаивающие звуки голоса долетали до его сознания.

– Мама серьезно больна, – сказал наконец Джек, глядя в глаза Спиди. – Она надеялась, что здесь спрячется от компаньона отца, от Моргана Слоута.

Джек всхлипнул и вытер заплаканные глаза тыльной стороной ладони. Он удивился, что не чувствует ни капли смущения, – раньше он всегда стыдился слез. Может, из-за того, что мама была такой твердой? Это была одна из причин. Лили Кевинью действительно очень редко давала волю слезам.

– Но ведь она приехала сюда не только за этим?

– Нет, – тихо ответил Джек. – Я думаю... Я думаю, что она приехала сюда умирать.

Его голос сорвался на последнем слове, словно скрипнула несмазанная дверь.

– Может быть, – сказал Спиди, глядя в глаза Джеку. – А ты здесь, может быть, для того, чтобы спасти ее. Ее... и женщину, очень похожую на нее.

– Кого? – еле выговорил Джек. Его язык словно окаменел. Но тут же он понял. Он не знал, как ее зовут, но был уверен, что понимает, о ком говорит Спиди.

– Королеву, – ответил Спиди. – Ее имя – Лаура де Луизиан, она – Королева Долин.

2

– Помоги-ка мне, – попросил Спиди. – Возьми Серебряную Леди за хвост. Это, конечно, непозволительная вольность, но, думаю, она простит тебя, если ты поможешь мне поставить ее на место.

– Как ты ее назвал? Серебряная Леди?

– Ну да, – улыбнулся Спиди, показав все свои тридцать два зуба. – Ведь все лошади на карусели имеют свои имена. Разве ты не знал? Ну, взяли!

Джек вцепился в белый деревянный хвост лошади. Спиди, кряхтя, взял ее за голову. Вместе они дотащили ее до края карусели, где торчал предназначавшийся для нее столбик, густо намазанный машинным маслом.

– Левее! – скомандовал Спиди, запыхавшись. – Так! Теперь опускаем! Опускай!

Они стояли рядом. Джек, тяжело дыша, и Спиди, улыбаясь. Негр вытер пот со лба и хитро подмигнул Джеку.

– Как ты думаешь, не замерзли ли мы сегодня? И не надо ли нам согреться?

– Ну, если ты так считаешь...

– Да, именно так я и считаю!

Спиди полез в карман и вынул оттуда все ту же темно-зеленую бутылочку. Он открыл пробку. Они выпили, и на мгновение Джек почувствовал себя крайне странно – ему показалось, что он видит сквозь тело Спиди. Тот стал прозрачным, как привидение из «Топпер-шоу», которое он видел в Лос-Анджелесе. «Спиди исчез! *Исчез!* – подумал Джек. – Или куда-то улетел!» Но это была безумная, глупая мысль. Спиди вскоре стал таким же, как был, непрозрачным. Он снова хитро прищурился.

«Кошмар какой-то. Его же здесь не было секунду назад. Бред. Чертовщина!»

Спиди посмотрел на Джека серьезно. Он забрал у него бутылочку и покачал головой. Плотнo закрутив пробку, он отправил бутылку в карман. Серебряная Леди застыла на своем обычном месте в карусели. Спиди улыбнулся:

– По-моему, мы ни капельки ни согрелись, мой маленький странник.

– Но, Спиди!.. – начал было Джек.

– Каждая из них имеет свое имя, – сказал Спиди, медленно обходя карусель.

Шаги его гулко отдавались вверху. Тихо перекликались ласточки, мелькая в переплетениях солнечных лучей. Джек шел за Спиди.

– Серебряная Леди... Полуночица... Вот этот чалый – Скаут... А это Элла Спид.

Негр откинул голову и запел, распугав при этом ласточек:

Очень любит Элла Спид
Бегать и играть,
И не знает Билли Мартин,
Как ее поймать?

– Смотри, она сейчас взлетит! – Спиди громко расхохотался, но когда он повернулся к Джеку, его лицо снова было совершенно серьезным. – Ты не догадываешься, как спасти жизнь твоей матери? Ей и той женщине, про которую я тебе сказал?

– Я...

«Я не знаю», – хотел было сказать Джек, но внутренний голос – голос, донесшийся из закрытой комнаты, из детских воспоминаний, – прогремел в его голове: *Знаешь! Ты не справишься без Спиди, но ты знаешь, что нужно делать!* Джек сразу узнал этот голос. Голос своего отца.

– Расскажи мне... – Голос Джека дрожал.

Спиди отошел к дальней стене комнаты – огромный полукруг, сбитый из тонких досочек, был расписан грубыми, но очень живыми силуэтами скачущих коней. Глядя на него, Джек вспомнил круглый стол в конторе отца; теперь этот стол стоял в кабинете Моргана Слоута – Джек видел его, когда последний раз ходил туда с матерью. Это воспоминание злобой и болью отозвалось в его сердце.

Спиди вытащил огромную связку ключей, нашел среди них нужный и вставил в висячий замок. Затем раскрыл его, снял и положил в один из бесчисленных карманов. Он потянул за петлю, и вся стена отъехала назад. Яркий свет ворвался внутрь, ослепив Джека. Солнечные лучи весело заиграли на полу. Джек наслаждался великолепным видом на море, который открывается маленьким всадникам карусели, когда Серебряная Леди, или Полуночица, или Скаут пролетают по этой стороне. Легкий ветерок растрепал волосы Джека.

– Об этом лучше говорить при солнечном свете, – сказал Спиди. – Подойди ко мне, маленький странник. Я расскажу тебе, что смогу, что я знаю.

3

Спиди заговорил тихим голосом, мягким и успокаивающим. Джек слушал, иногда хмурился, иногда поднимая брови от удивления.

– Ты часто мечтаешь?

Джек кивнул.

– Так вот, Джек. Это не просто мечты, это не фантазии и не сны. Все, о чем ты мечтаешь, все, что тебе снится, есть на самом деле. Все места, где ты побывал в своих снах, действительно существуют. Они не в нашем мире, но они есть.

– Спиди, моя мама говорит...

– Ерунда. Она не знает о Долинах. Хотя она должна знать о них, потому что твой отец знал о них. И еще один человек.

– Морган Слоут?

– Кажется, да. Он тоже знает. А я знаю, кто он там, – продолжил Спиди загадочно.

– Так, значит, это... не Африка?

– Не Африка.

– А ты не врешь?

– Не вру.

– И мой отец был там? – спросил Джек, хотя знал, что Спиди ответит, и знал, что его ответ прояснит многое. Джек не был уверен, что ему хочется во все это верить. Волшебные земли? Больные королевы? Джеку стало тревожно и неудобно. Разве мама в детстве не повторяла ему столько раз, чтобы он не путал свои сны с тем, что есть на самом деле?.. Она была очень строгой в эти минуты, и это пугало Джека. Теперь он понял, что она тоже боялась. Могла ли она прожить с отцом столько времени и ничего не знать? Джек так не думал. Может быть, она не знала многого, но того, о чем она только подозревала, оказалось достаточно, чтобы ее напугать. «Сумасброд», – часто называла она отца. Для нее все, кто не видел разницы между реальностью и фантазией, были сумасбродами. Но отец знал всю правду. Он и Морган Слоут.

Они используют магию так же, как мы используем физику, понимаешь?..

– Твой отец там часто бывал. Он и этот другой – Гроут.

– Слоут.

– А? Да-да. Он тоже бывал там. Только твой отец – он там бывал для того, чтобы смотреть и изучать. А тот, другой, – для того, чтобы помешать ему.

– Это Морган Слоут убил моего дядю Томми? – спросил Джек.

– Об этом я ничего не знаю. Слушай меня, маленький странник. У нас очень мало времени. Если ты действительно думаешь, что этот человек, Слоут, собирается приехать сюда, то значит...

– Значит, он сошел с ума, – сказал Джек. Его раздражала и бесила одна только мысль о том, что дядя Морган может появиться на пляже «Аркадии».

– Значит, у нас с тобой совсем мало времени. Потому что скорее всего ему нужно, чтобы твоя мать умерла. А его двойник желает смерти Королеве Лауре.

– Двойник?!

– У некоторых людей в нашем мире есть двойники в Долинах, – отвечал Спиди. – Их куда меньше нашего, и только один из ста тысяч имеет там двойника. Эти люди могут с легкостью переходить из одного мира в другой.

– Эта Королева... Она двойник моей мамы?

- Да. Лаура в точности такая же, как она.
- Но ведь моя мама...
- Нет. Она никогда там не бывала. Ей это не было нужно.
- А у отца там тоже был двойник?
- Конечно. Очень хороший человек!

Джек облизнул пересохшие губы. До чего же странный разговор они вели! Долины, двойники...

- А когда мой отец умер здесь, его двойник там тоже умер?
  - Да. Не сразу, но очень скоро.
  - Спиди...
  - Что, Джек?
  - И у меня есть двойник? В Долинах?
- Спиди посмотрел на Джека так серьезно, что тот вздрогнул.
- Нет, сынок. Ты особенный. Ты один, только здесь. И этот Смоут...
  - Слоут, – поправил Джек, слегка улынувшись.
  - Да, Слоут. Так вот. Он это знает. Это одна из причин, по которой он скоро будет здесь.

Тебе пора начинать действовать.

– Но как? – воскликнул Джек. – Что я могу сделать? Это же рак! А мама совсем не лечится. Если она здесь, значит, она решила... – Слезы брызнули из его глаз. – ...что все бесполезно.

Все бесполезно.

Да, это тоже была правда, которую знало только его сердце. Это объясняло, почему она так быстро похудела, и круги под ее глазами. «Но, Боже мой, ведь она моя мама!»

- Чем нам может помочь это место? – закончил Джек сдавленным голосом.
- По-моему, мы уже достаточно поговорили, – сказал Спиди. – Я не стану объяснять тебе, куда ты должен идти и что делать, пока ты сам не почувствуешь в себе силы помочь ей.
- Но...
- Помолчи, маленький странник. Нам больше не о чем говорить до тех пор, пока я не покажу тебе кое-что. Иначе я ничем не смогу тебе помочь. Пойдем.

Спиди обнял Джека и обвел его вокруг карусели. Потом они вместе пошли по пустынным аллеям парка. Слева был умолкший автодром, пустой, как и все здесь в это время года. Справа – ряды торговых палаток «Знаменитая пицца и пончики», «Мороженое», тир и зверинец. Звери: тигры, львы, медведи – выглядывали из-за решеток. Спиди и Джек вышли на Центральную набережную. Так ее называли, наверное, в подражание Атлантик-Сити. В «Аркадии» никакой набережной не было и в помине, был только пирс, и сейчас они шли в сотне ярдов от него. Ярдах в двухстах справа виднелась арка входа в парк. Джек слышал равномерный грохот разбивающихся о берег волн, одинокие крики чаек. Он посмотрел на Спиди, как бы спрашивая: «Что же теперь? Что дальше? Все это серьезно или просто идиотская шутка?» Но он промолчал. Спиди достал из кармана зеленую бутылочку.

- Это... – произнес Джек.
- Поможет тебе попасть туда, – продолжил за него Спиди. – Большинство людей, которые бывали там, не нуждаются в подобных вещах. Но ты ведь ни разу там не был, Джеки?
- Нет.

Когда же он в последний раз погружался в волшебный мир своих мечтаний, под его глубокое чистое небо? В прошлом году? Нет, это было еще в Калифорнии, после смерти отца. Тогда ему было...

Глаза Джека широко открылись от удивления. Девять лет?! Так давно, три года назад? Страшно подумать, как тихо, как бесследно все его сны, иногда прекрасные, иногда страшные, уходят в никуда, умирая без вести, без печали... Джек взял бутылку из рук Спиди и

открутил пробку. Легкий трепет охватил его. Конечно, многие его видения были беспокойными, и мать постоянно твердила, чтобы *он не путал* реальность и вымысел – иными словами: «Не сходи с ума, Джеки!» Но только сейчас он понял, что на самом деле не хочет покидать этот мир. Джек взглянул в глаза Спиди и подумал: *Наверное, он тоже все это знает. Он знает наперед каждую мою мысль. Кто ты такой, Спиди?*

– Когда первый раз попадаешь туда, можно забыть, как вернуться обратно по собственной воле. – Спиди кивнул на бутылку. – Для этого я достал немного магической жидкости. Это – особое вещество!

Последнюю фразу Спиди произнес с благоговением.

– Она оттуда, из Долин?

– Нет. Волшебство бывает и в нашем мире. Они принесли часть его сюда. Эта бутылочка из Калифорнии.

Джек посмотрел на Спиди с сомнением.

– Выпей столько, сколько тебе нужно, чтобы отправиться в путешествие, ты сам должен почувствовать. Когда выпьешь, окажешься там, где пожелаешь. Это я говорю тебе.

– Здорово, Спиди, но... – Джек испугался. Во рту у него пересохло; солнце казалось слишком ярким; кровь застучала в висках. Он почувствовал под языком горечь и подумал: *У его магической жидкости, наверное, такой же ужасный вкус.*

– Если ты испугаешься и захочешь вернуться, сделаешь еще один глоток, – сказал Спиди.

– Так я возьму эту бутылку с собой? – Мысль о том, что он может остаться один в каком-то далеком, таинственном мире, в то время как его мать больна и Слоут собирается приехать за ней, была невыносима для Джека.

– Да. Мое слово.

– Хорошо. – Джек поднес бутылку к губам... И снова опустил. Запах был резкий и прогорклый. – Я не могу, Спиди, – прошептал он.

Лестер Паркер взглянул на него. Его губы улыбались, но глаза оставались серьезными и строгими. Страшно, но выбора нет. Джек подумал о черных глазах: глаз чайки, глаз песчаной воронки... Ужас охватил его. Он протянул бутылку Спиди.

– Забери ее, – попросил он слабым голосом. – Пожалуйста.

Спиди молчал. Он не стал напоминать Джеку, что его мать умирает и что Морган Слоут скоро будет здесь. Он не назвал Джека трусом, хотя тот ни разу в жизни не трусил сильнее, чем сейчас. Спиди просто медленно отвернулся и начал что-то тихо насвистывать себе под нос. Теперь к страху добавилось ощущение одиночества. Спиди отвернулся от него. Спиди повернулся к нему спиной.

– Ладно, – неожиданно для себя сказал Джек. – Я знаю, что это важно. Я сделаю это.

Джек снова поднял бутылку и, не раздумывая ни секунды, выпил.

Вкус был хуже, чем он предполагал. Он раньше пробовал вино, и оно ему даже нравилось. Особенно он любил белые сухие вина, которыми угощала его мать. Это тоже было слегка похоже на вино. Вернее, это была какая-то ужасная пародия на все, что он пробовал раньше. Вкус гнилого, заплесневевшего винограда. И тут же Джек увидел этот виноград – белый, пыльный, скользкий и тошнотворный, сваленный у какой-то грязной стенки. Над ним тучей вились мухи. Горло горело огнем. Джек скривился, закрыл глаза. Его тошнило. Джек подумал, что, если бы он хоть что-нибудь съел на завтрак, его бы обязательно вырвало.

– Спиди! – Джек открыл глаза, и все слова застыли у него на губах. Он забыл о своей тошноте, он забыл мать, дядю Моргана, отца. Он забыл все. Спиди исчез. Исчезла темная громада «американских горок», исчезла Центральная набережная. Он был совсем в другом месте. Он был...

– В Долинах... – прошептал Джек. Все его существо было охвачено смесью страха и безудержного веселья. Он чувствовал, как вставшие дыбом волосы щекочут затылок и глупая улыбка расплывается по лицу.

– Господи, Спиди! Я здесь, я в Долинах!

Джека охватило любопытство. Он зажал рот рукой и медленно оглядел место, куда перенесла его магическая жидкость Спиди.

4

Океан был там же, но теперь он был темнее – индигового цвета.

Минуту Джек стоял замороженный, обдуваемый морским ветерком, пристально вглядываясь в линию горизонта, где темно-синий океан сливался с небом цвета выцветших джинсов. Горизонт незаметно, но явно искривлялся.

Джек мотнул головой и, нахмурившись, повернулся. Высокая трава, волнуемая под ветром, росла там, где минуту назад стояла карусель. Пирс тоже исчез. Вместо него Джек увидел беспорядочное нагромождение каменных глыб, уходящее далеко в океан. Волны перекатывались через них и задерживались в древних трещинах и впадинах на берегу. Ветер сдувал плотную пену, похожую на взбитый крем.

Джек ущипнул изо всех сил себя за щеку. Он почувствовал резкую боль, глаза его наполнились слезами, но вокруг ничего не изменилось.

– Да... Это все на самом деле, – прошептал Джек. И еще одна волна разбилась о берег, превратившись в миллионы брызг.

Джек неожиданно обнаружил, что Центральная набережная была и здесь: изрезанная колеями дорога начиналась от оставшегося в реальном мире пирса, проходила мимо места, где сейчас стоял Джек, и уходила дальше на север. В этом же направлении тянулась и Центральная набережная, переходившая в авеню «Аркадии», начинаясь от входа в парк.

Между колеями росла трава. Она была грязной, истоптанной, и Джек понял, что дорогой пользуются. По крайней мере время от времени.

Джек пошел на север, все еще держа бутылку в руке. И представил себе, как там, в другом мире, лежит в кармане у Спиди снятая с нее пробка.

Интересно, я для него тоже исчез? Наверное, да. Вот здорово-то!

Пройдя шагов сорок вдоль дороги, Джек наткнулся на заросли ежевики. Он никогда не видел таких крупных, сочных ягод. В его животе, еще не оправившемся после магической жидкости, протяжно заныло.

Ежевика? В сентябре?

А, не стоит обращать внимания! После всего, что произошло сегодня (а ведь было еще всего десять часов утра!), такая находка уже не удивляла.

Джек нагнулся, собрал пригоршню ягод и отправил их в рот. Они были удивительно сладкими, приятными на вкус. Улыбаясь посиневшими губами, Джек подумал, что он, должно быть, сошел с ума. Он собрал еще горсть... Потом еще одну... Ничего слаще он не пробовал никогда в жизни! Казалось, в ягодах был весь неправдоподобный вкус и аромат здешнего воздуха.

Потянувшись за четвертой горстью, Джек поцарапался. Кусты словно говорили ему: «Хорошего понемножку». Он пососал ранку, поднялся и медленно пошел вдоль дороги на север, стараясь ничего не упустить из виду.

Пройдя совсем немного, он остановился и взглянул на солнце. Оно было меньше, чем обычно, и казалось более ярким и горячим. Был ли у него чуть оранжевый оттенок, как на средневековых картинах? Пожалуй, да. К тому же...

Резкий хриплый крик, будто гвоздь медленно вытаскивали из доски, раздался справа от Джека, спутав все его мысли. Джек обернулся. Плечи его приподнялись, а глаза расширились от страха.

Это была чайка – чайка умопомрачительных, абсолютно неправдоподобных размеров, но такая же реальная здесь, как он сам. Она была размером с большого орла. Чайка сидела, неестественно вывернув свою круглую белую голову, и пронзительно смотрела на Джека. Массивный, загнутый на конце клюв то раскрывался, то захлопывался. Трава вокруг нее колыхалась от взмахов огромных крыльев.

Чайка направилась к Джеку, ничуть его не боясь. Где-то вдали послышались едва различимые звуки, словно медные трубы играли похоронный марш. Джек, сам не зная почему, вдруг вспомнил о матери. Он повернулся на север, откуда доносилась эта музыка, – что-то ужасающее было в звуках труб. Чувство, охватившее Джека, походило на страстное желание чего-то особенного, что бывает столь редко, что даже назвать это невозможно... О нем не думаешь, пока не увидишь, но как только увидишь, желание будет преследовать тебя постоянно.

Вдалеке Джек разглядел флажки и верхушку чего-то похожего на палатку или шатер. «На этом месте должна стоять «Альгамбра», – подумал он. Чайка пронзительно крикнула над самым ухом, как ему показалось. Он посмотрел в ее сторону и с ужасом обнаружил, что она всего лишь в двух метрах от него. Вновь открылся желтый клюв, и Джек увидел грязно-розовую глотку. Это заставило его вспомнить вчерашний день, чайку, уронившую моллюска на песок. Та чайка так же пристально смотрела на него. Она смеялась над ним, он был уверен в этом. Когда она на своих кривых лапах подошла поближе, Джек почувствовал исходящий от нее противный запах мертвой рыбы и гниющих водорослей. Чайка зашипела и хлопнула крыльями.

– Пошла прочь! – крикнул Джек. Сердце его иступленно билось, во рту пересохло, но Джек не желал, чтобы его напугала какая-то чайка, пусть даже очень большая. – Ну, пошла!

Чайка снова открыла клюв. Теперь в ее крике Джек, казалось, разобрал слова:

А-а а-а-а-эк! А-а а-а-а-эк, эк!
Мама умирает, Джек!

Чайка сделала еще один маленький шаг к нему. Чешуйчатые когтистые лапы, открывающийся и закрывающийся клюв, пристальный взгляд черных глаз... Не совсем понимая, что он делает, Джек схватил зеленую бутылку и сделал глоток.

Снова отвратительный вкус заставил его крепко зажмурить глаза.

Когда он открыл их, то увидел перед собой желтый дорожный знак: бегущие маленькие мальчик и девочка. «Осторожно: дети!» – гласила надпись под ним. Чайка, на этот раз нормальных размеров, с криком вылетела у него из-под ног. Джек огляделся, у него закружилась голова. Желудок, полный ежевики и магической жидкости, вывернуло наизнанку. Мышцы ног начали неприятно подрагивать, и он опустился на бетонное основание знака. Резкая боль пронзила позвоночник и заставила крепко стиснуть зубы. Джек упал на колени и широко открыл рот, уверенный, что сейчас его вырвет. Но вместо этого он только пару раз икнул и почувствовал, как желудок опустился на место. «Наверное, это из-за ягод, – подумал Джек. – Если бы из-за жидкости, меня бы вырвало еще в первый раз».

Джек поднялся и почувствовал, что все окружающее его снова кажется неестественным и ненастоящим. Он прошел не больше шестидесяти шагов в Долинах по дороге, в этом он был уверен. За один шаг он делал по полметра, ну пусть даже метр. Однако... Джек посмотрел вперед и увидел арку с большими красными буквами: ЛУНА-ПАРК «АРКАДИЯ». Хотя зрение у него было отличное, он не мог прочесть эту надпись – так далеко от

него она была. Справа он увидел многокрылую «Альгамбру», раскинувшиеся вокруг сады и океан. В Долинах он прошел меньше чем полкилометра. Здесь же они превратились в целых полтора.

– О Господи! – прошептал Джек и закрыл лицо руками.

5

– Джек! Джек! Маленький странник!

Голос Спиди едва был слышен из-за рева мотора. Джек поднял отяжелевшую голову и почувствовал, как все части его тела наливаются усталостью. Он увидел, что старый грузовик медленно катится прямо на него. Самодельные борта грузовика, сделанные из разнокалиберных досок, походили на кривые зубы. Кабина была выкрашена в бирюзовый цвет. За рулем сидел Спиди.

Он остановился напротив знака, «расстрелял» двигатель (*бах-бах-ба-бах!*) и «прикончил» его (*фи-и-и-у!*). Затем быстро выскочил из кабины:

– С тобой все в порядке, Джек?

Джек протянул ему бутылку:

– Твое колдовское зелье – редкая гадость, Спиди.

Спиди обиженно посмотрел на Джека, потом улыбнулся:

– А кто тебе сказал, что все лекарства должны быть вкусными?

– Никто, – ответил Джек. Силы медленно возвращались к нему. Головокружение прекратилось.

– Теперь ты веришь в это, Джек? – спросил Спиди.

Джек кивнул.

– Нет, скажи громко.

– Долины, – сказал Джек, – они есть, они на самом деле. Я даже видел птицу...

Джек вздрогнул и запнулся.

– Какую птицу? – быстро спросил Спиди.

– Чайку, огромную говорящую чайку! – Джек встряхнул головой. – Ты, наверное, не согласишься. – Он задумался на секунду и сказал: – Нет, я думаю, ты согласишься. Никто на свете не поверит, а *ты* согласишься.

– Говорящую? Ну и что? Здесь тоже многие птицы разговаривают. Правда, в их речах, как правило, нет смысла. У некоторых есть только намек на смысл. Но такой слабый...

Джек снова кивнул. Слушая рассуждения Спиди (как будто во всем этом не было ничего необычного), Джек постепенно успокоился.

– Мне кажется, она говорила. Но это было похоже... – Джек задумался. – В нашей школе в Лос-Анджелесе учился один мальчик, Брендан Льюис. У него был дефект речи, и его трудно было понять. Птица говорила точно так же. Но я понял, что она сказала. Она сказала, что моя мама умирает.

Спиди положил руку ему на плечо, и они присели на бетонную тумбу дорожного знака. Портье, бледный и худой, подозревающий всех и вся, вышел из отеля с пачкой писем в руке. Спиди и Джек молча наблюдали за ним, пока тот не дошел до угла авеню «Аркадии» и Пляжного проезда и не опустил всю корреспонденцию в почтовый ящик. Сделав это, портье обернулся, смерил Спиди и Джека пронизывающим взглядом и скрылся в отеле. Скрип двери был слышен далеко и четко, и Джек снова почувствовал, как тихо и безлюдно все вокруг на этом осеннем курорте. Широкие пустынные улицы, пляж с пустынными дюнами. Опустевший парк. Вагончики «американских горок», задернутые брезентом. Закрытые ларьки.

И опять Джек подумал, что мать привезла его в место, очень похожее на край света.

Спиди снял руку с плеча Джека и спел мягким приятным голосом:

Слишком долго смотрю я на эти дома.
Надоела мне эта дыра.
Лето уходит, приходит зима:
Уходить мне, пожалуй, пора...

Вдруг он замер и взглянул на Джека:

– Не пора ли тебе, маленький странник, тоже отправляться в путь?

Джек вздрогнул.

– Я отправлюсь, – сказал он. – Если это поможет. Если это только поможет ей. Я могу помочь ей, Спиди?

– Можешь! – торжественно ответил Спиди.

– Но...

– Да тут целый грузовик всяких «но»! Нет, даже целый вагон. Я не говорю, что удача достанется без труда. Я не обещаю, что ты вернешься живым или что не сойдешь с ума...

– Как ты думаешь, Спиди, почему я прошел в Долинах всего несколько шагов, а здесь оказался на целую милю дальше? Потому что Долины намного меньше?

– Да.

– Странно все это.

Вопрос, заинтересовавший Джека раньше, снова вернулся к нему. И хотя сейчас он был не совсем уместен, Джеку все же хотелось задать его.

– Спиди, а я исчезал? Ты видел, как я исчезал?

– Ты ушел вот так. – Спиди хлопнул в ладоши.

Джек почувствовал, как невольная улыбка медленно расплывается по его лицу. Спиди улыбнулся в ответ.

– Хотел бы проделать такое как-нибудь на уроке у мистера Белгоу! – сказал Спиди и захохотал как ребенок.

Джек присоединился к нему. Смех был легким и приятным, как вкус ежевики из Долин. Но минуту спустя Спиди вновь стал серьезен.

– Знаешь, зачем тебе надо быть в Долинах, Джек? Ты должен достать кое-что. И это кое-что обладает огромной силой.

– И оно там?

– Ну конечно, там, где же еще?

– И оно может помочь маме?

– Да, и не только ей.

– И Королеве?

Спиди кивнул.

– А что это? Где оно? Как его...

– Ну, ну, хватит. Остановись. – Спиди поднял руку. Лицо его было очень серьезным. – Все по порядку, Джек. Не стоит спрашивать меня о том, чего я не знаю... или не могу рассказать.

– Не можешь? – удивленно переспросил Джек. – Но кто тебе не разрешает?

– Вот-вот, опять! – одернул Джека Спиди. – А теперь слушай, маленький странник. Чем быстрее ты отправишься в путь, тем лучше. До того, как этот человек, Блоут или как его там...

– Слоут.

– Вот именно. В общем, до того, как он будет здесь.

– Но он отравит мою маму! – сказал Джек, сам удивляясь своим словам. Сказал ли он так потому, что это было правдой? Или же хотел оправдаться перед Спиди за попытку

уклониться от путешествия, решиться на которое было, как казалось Джеку, все равно что есть отраву, заранее зная о результате. – Ты не знаешь его. Он...

– Я знаю его, – спокойно сказал Спиди. – Я знаю его давно, маленький странник, и он знает меня. На нем есть отметины моих рук. Он прячет их, но не может от них избавиться. Твоя мама вполне может постоять за себя. По крайней мере она собирается за себя постоять. А ты должен идти.

– Куда?

– На запад. К другому океану.

– К какому? – воскликнул Джек, испугавшись мысли о таком расстоянии.

Вдруг он вспомнил рекламу авиакомпании, которую видел дня три назад по телевизору. В ней молодой человек оказывался в воздухе на высоте десяти тысяч метров и парил там как ни в чем не бывало, невозмутимый, словно огурец на грядке. Джеку подумалось, что и они с мамой могут так сколько угодно перелетать с одного побережья на другое, и никто не поймают их.

– Надо лететь самолетом?

– Нет! – воскликнул Спиди, своей сильной рукой схватив Джека за плечо. – Ни в коем случае не позволяй ничему поднимать тебя в воздух! Тебе это нельзя. Если ты поднимешься в воздух в Долинах...

Спиди умолк. Продолжать он не мог. Джек на мгновение представил себя парящим в чистом, безоблачном небе. Летающий мальчик в джинсах и красно-белой спортивной куртке...

– Ты пойдешь пешком. Я запрещаю тебе даже думать о... Ты должен быть осторожен. Там слишком много незнакомых людей. Некоторые из них сумасшедшие. Ты можешь встретить там девочек, которые захотят дружить с тобой, а можешь встретить злодеев, которые захотят напасть на тебя. Там есть странные люди: одной ногой они стоят в этом мире, а другой – в том. Боюсь, они сразу узнают о твоём появлении и будут следить за тобой.

– Это... двойники?

– Некоторые. Но не все. Больше я ничего не могу тебе сказать. Но ты должен туда добраться. Добраться до другого океана. Через Долины путь короче. Возьми бутылочку.

– Терпеть не могу эту гадость!

– Это не страшно! – строго перебил Спиди. – В Долинах ты найдешь другую «Альгамбру». Это плохое место, темное. Но надо.

– Как же я ее найду?

– Она позовет тебя. Ты услышишь это громко и ясно, сынок.

Джек облизнул губы:

– А почему я должен идти именно туда, если это плохое место?

– Потому что там Талисман, – ответил Спиди. – Он – в той, другой «Альгамбре».

– Не пойму я, о чем ты говоришь.

– Тебе и не надо ничего понимать. – Спиди поднялся и протянул Джеку руку. Джек тоже встал. Так они стояли лицом к лицу, старый негр и белый мальчик. – Слушай. – Голос Спиди звучал медленно и торжественно. – Талисман как раз поместится в твою руку. Он не больше и не меньше ее. Такой маленький прозрачный шарик.

Маленький Джек отправляется в путь,
Чтоб Талисман раздобыть и вернуть.
Но нужен к нему особый подход:
Его потеряешь – и все пропадет!

– И все-таки я не понимаю, о чем ты говоришь, – упрямо повторил Джек. – Ты должен...

– Ничего я не должен, – сказал Спиди, но голос его остался тем же. – Я должен к утру починить карусель. Больше я ничего не должен. Не стоит тратить время на болтовню. Мне пора возвращаться, а тебе – отправляться в путь. Вот и все, что я могу сказать. До скорой встречи. Здесь... Или там...

– Я не знаю, что делать! – крикнул Джек, но Спиди уже садился в кабину грузовика.

– Ты знаешь достаточно, чтобы начать. Иди за Талисманом, Джек. Он спасет твою мать.

– Но я не представляю, как выглядит Талисман. Я даже не знаю, что это такое.

Спиди рассмеялся и включил зажигание. Мотор взревел, и голубое облако вылетело из выхлопной трубы.

– Посмотри в словаре! – крикнул он, и грузовик тронулся с места.

Джек стоял, держась за столб дорожного знака, глядя, как грузовик удаляется в сторону парка. Он еще никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

Глава 5

Джек и Лили

1

Когда грузовик Спиди свернул с дороги и исчез за аркой, Джек медленно побрел в отель. Талисман. Другая «Альгамбра». На берегу другого океана... Его сердце было опустошено. Без помощи Спиди задача выглядела трудной, абсолютно непонятной и совершенно невыполнимой. Пока Спиди говорил, Джека не покидало ощущение, что мешанина намеков, угроз и наставлений до него не доходит. Это было похоже на макароны, которые никак не наматываются на вилку. Долины существуют – он сам в этом убедился. Это и радовало, и огорчало его. Долины – совершенно реальное место, и он должен отправиться туда. Даже если он ничего до конца не понял, даже если он – одинокий странник, все равно он *должен*. Не все, что ему предстоит сделать, будет иметь отношение к его маме. «Талисман», – повторил он, пробуя на язык и словно овеществляя это слово, и перешел через Центральную набережную. Джек прыгнул на ступеньки, которыми начиналась дорожка, ведущая в гостиницу. Темнота в «Альгамбре» и гром закрывающейся двери напугали его. Коридор был похож на длинную пещеру. Казалось, здесь не обойтись без огня. Бледный портье высился над длинным столом, уставившись на Джека своими абсолютно белыми глазами. Джек читал в них слишком многое. Он отвернулся и пошел дальше. Безмолвное послание водянистых глаз делало его сильнее, потому что оно было насмешливым и оскорбительным. Он подошел к лифту неторопливо, гордо выпрямившись.

Якшаешься с черномазыми? Позволяешь себе обниматься с ними, да?

Лифт опустился, как большая тяжелая птица. Двери раскрылись, и Джек вошел внутрь. Он нажал кнопку «4». Портье продолжал разглядывать его своим колючим взглядом.

Тебе нравятся негры? Они черные и горячие. Вот что тебе нужно?

Двери лифта наконец-то закрылись, и Джека слегка придавило к полу. Лифт поехал вверх. Джеку казалось, что весь воздух первого этажа пропитан ненавистью. Лифт поднимался, и дышать становилось все легче. Теперь все, что ему оставалось сделать, – это сообщить матери, что он отправляется в Калифорнию. Один.

...не подписывай дяде Моргану никаких бумаг...

Выйдя из лифта, Джек впервые задумался, понимал ли Ричард Слоут, что представляет собой его отец.

2

За длинной галереей картин, которые все, как одна, изображали суденышки на бурном море, находилась дверь с номером 408. Она открылась, показав край выцветшего ковра. Солнечный свет, падающий из окна в зале, прямоугольником застыл на стене.

– Мама! – позвал Джек, входя. – Мне нужно с тобой...

В комнате никого не было.

– ...поговорить, – закончил он. – Мама?!

В комнате был беспорядок – перевернутая пепельница, недопитый бокал с водой...

Джек пообещал себе, что не станет паниковать. Он медленно повернулся к двери в ее спальню. Она была открыта, в комнате царил полумрак – Лили никогда не раздвигала шторы.

– Мама! Я знаю, что ты здесь!

Джек постучал в дверь ванной. Никто не ответил. Тогда он вошел. На столике перед ним лежали зубная щетка и расческа со светлыми волосками, застрявшими в ней.

Лаура де Луизиан! – отчетливо произнес внутренний голос, и Джек поспешно вышел из ванной – это имя ужалило его, как пчела.

– Нет, только не это, – сказал он себе. – Куда она могла деться?

Он зашел в свою спальню и окинул взглядом кровать, лежащий на полу портфель, маленькую стопку книг на столе, полотенца, разбросанные у входа в его собственную ванную.

И тут он снова увидел...

Морган Слоут, с грохотом распахнув дверь, врывается в комнату, выкручивает ей руки и тащит вниз...

Джек вернулся в гостиную. На этот раз его взгляд остановился на пустом кресле, в котором обычно сидела мать.

...выталкивает ее на улицу через черный ход и запикивает в машину. Его глаза желтеют...

Джек бросился к телефону:

– Это Джек Сойер говорит, то есть я... из комнаты... ой, 408... Моя мама не оставляла никакой записки? Она должна быть здесь, но... по какой-то причине... ой...

– Сейчас посмотрю, – сказала девушка на том конце провода. Джек судорожно сжал трубку, ожидая, когда она вернется. – Нет, для 408-й – ничего.

– А для 407-й?

– Это в одной ячейке.

– У нее не было никого последние полчаса или больше? Никто не приходил сегодня утром? Ну, в смысле, к ней?

– Это надо узнать у портье. Хотите, я спрошу?

– Ой, пожалуйста!

– Я рада хоть что-нибудь сделать. Такая скука!

Снова томительное ожидание.

– Никто не приходил. А может быть, она оставила записку где-нибудь в номере?

– Спасибо. Я посмотрю.

Джек повесил трубку. Сказал ли портье правду? Или двадцатидолларовая бумажка перекочевала из рук Моргана Слоута в его цепкие пальцы? Больше Джек ничего не мог придумать. Он сел в кресло, преодолевая желание заглянуть под кровать. Нет, дядя Морган не мог здесь побывать, он сейчас еще в Калифорнии. Хотя он мог прислать кого-нибудь. Спики что-то говорил о людях, живущих сразу в обоих мирах...

Джек больше не мог здесь находиться. Он встал с кресла и вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Сделав два шага, он остановился, вернулся, закрыл дверь на ключ и побежал к лифтам. Может быть, она просто пошла купить какой-нибудь журнал и не взяла с собой ключа?..

Нет, последний раз она держала в руках газету в начале лета...

Ну, значит, просто вышла погулять.

Да, как же, позаниматься физкультурой. Или, может быть, Лили Кевинью вдруг решила стать чемпионкой по гимнастике? Сейчас она расставила снаряды по всему пляжу и усиленно готовится к следующей Олимпиаде.

Когда лифт добрался до первого этажа, Джек решил заглянуть в магазин. Пожилая светловолосая продавщица взглянула на него поверх очков. На стенде стояли журналы: «Ю Эс», «Пипл», «Нью-Хэмпширский журнал».

– Прошу прощения, – сказал Джек и вышел.

Около входа стояла кадка с большим унылым папоротником. Сбоку на стене висела бронзовая табличка.

...как явление и скоро должно исчезнуть...

Джек побежал по коридору к выходу. Ненавистный портье еще сильнее нахмурил брови и отвернулся к лестнице. Джек заставил себя подойти к нему.

– Мистер, – сказал он. У портье было такое выражение лица, будто он пытается вспомнить столицу Северной Каролины или важнейший продукт экспорта Республики Перу.

– Мистер!

Портье был всецело погружен в себя. Он занят, ему нельзя мешать.

Джек ни на минуту не сомневался, что все это – спектакль, и снова сказал:

– Мистер, помогите мне!

Портье наконец-то оторвал глаза от стола:

– Смотря чем, сынок. – Он сделал особое ударение на последнем слове. Джек решил не обращать внимания на эту насмешку.

– Скажите, моя мама не выходила из отеля некоторое время назад?

– Которое время? – Портье явно издевался над ним.

– Вы видели ее или нет? Это все, что я хочу знать.

– Боишься, что она увидит тебя с твоим дружкой?

– Ну что вы как баран, ей-богу! – Джек и сам испугался своих слов. – Ничего я не боюсь, я только хочу знать, выходила она или нет? Если бы вы не были бараном, вы ответили бы мне сразу!

Лицо его пылало, руки сами собой сжались в кулаки.

– Ну, хорошо. Она выходила. – Портье снова устался в стол. – На твоем месте я бы не давал воли языку. Тебе следовало бы извиниться передо мной, маленький Соьер, потому что у меня тоже есть глаза и мне кое-что известно.

«Мое дело – работать, ваше – говорить!» – припомнил Джек любимое отцовское изречение, хотя оно и пришлось не совсем к месту. Портье удовлетворенно моргнул.

– Может быть, она в саду? – предположил он, все еще издевательски улыбаясь, но Джек уже был за дверью.

В саду королевы вторых ролей и звезды мотокинотеатров не было. Впрочем, Джек заранее знал, что не найдет ее там. Ведь если бы она была там, он увидел бы ее по дороге в отель. К тому же Лили Кевинью вообще вряд ли пришла бы сюда. Это было так же похоже на нее, как если бы она занялась гимнастикой на пляже.

Несколько машин проехали мимо него по набережной. Высоко над головой крикнула чайка – у Джека замерло сердце. Прикрыв ладонью глаза, он вгляделся в ярко освещенную солнцем улицу.

«Может быть, она захотела познакомиться с его новым другом? Со Спиди?» Но он так же не мог представить ее в луна-парке, как и в саду.

Он стоял, бесцельно вглядываясь в дорогу, ведущую в город.

Отделенное от сада высокой массивной оградой, кафе «Аркадский чай с вареньем» стояло первым в ряду ярко раскрашенных магазинов. Кроме него и телеантенн, ничто не работало в городе после окончания курортного сезона. Джек на секунду задержался у входа. Кафе, тем более такая забегаловка, как эта, не самое подходящее место для кинозвезды. Но это оставалось единственным местом, где он мог надеяться ее найти. Джек свернул с дороги и заглянул в окно.

Женщина с высокой прической в одиночестве курила за кассой. Официантка в розовом платье сидела за столиком у дальней стены. Ни единого посетителя не было, только пожилая женщина медленно потягивала кофе. Джек видел, как она отставила чашку. В руках ее появилась длинная сигарета. Только сейчас Джек узнал в ней свою мать. Словно сквозь

бифокальные очки Джек видел Лили Кевинью и эту стареющую, слабую женщину в одном лице.

Он тихо приоткрыл дверь, но еще до того, как звякнул колокольчик, Джек знал, что будет дальше. Светловолосая кассирша кивнула, улыбаясь. Официантка вскочила и поправила фартук. Мать посмотрела на него с удивлением. На ее лице появилась улыбка.

– О, это Джек-скиталец! Ты так вырос. Когда ты стоял за дверью, то был очень похож на своего отца! Иногда я забываю, что тебе всего лишь двенадцать.

3

– Ты назвала меня Джеком-скитальцем? – удивился Джек, придвинув к себе стул.

Круги под глазами на ее лице были похожи на синяки.

– А разве отец тебя так не называл? Я просто подумала, что ты все утро где-то шатался.

– Отец называл меня Джеком-скитальцем?

– Вроде бы, я точно не помню. Ты был тогда совсем маленьким. Нет, вот как: «маленький странник». Он называл тебя маленьким странником, когда смотрел, как ты ползаешь по газону. Это было так забавно... Знаешь, когда я уходила, я не заперла дверь. Никак не могла вспомнить, взял ты ключ или нет.

– Я взял, – сказал Джек, пытаюсь уместить в голове то, что она ему сейчас сказала.

– Ты голоден? Знаешь, мне так надоела эта еда в отеле. Даже думать о ней противно.

Официантка подошла к их столику.

– Что желает молодой человек? – спросила она, раскрыв блокнот.

– Почему ты пришел именно сюда? – спросила мать.

– А куда здесь еще можно пойти?

Мать повернулась к официантке:

– Принесите ему, пожалуйста, тройной завтрак. Он растет прямо на глазах.

Джек откинулся на спинку стула. С чего же начать? Мать взглянула на него вопросительно, и он сказал. Он должен был сказать это именно сейчас.

– Мама, если мне придется уехать на время, с тобой ничего не случится?

– А что со мной может случиться? И что значит «на время»?

– Ты сможешь сама защититься от дяди Моргана?

– Я побью старого Слоута, – сказала она улыбаясь. – Я уложу его одной рукой. О чем ты говоришь, Джеки? Ты никуда не поедешь!

– Я должен, – сказал он. – Правда.

Это звучало так, будто он выпрашивал у нее игрушку.

Как нельзя кстати появилась официантка. С гренками и стаканом томатного сока. Джек посмотрел ей вслед. Когда он вновь повернулся к матери, она намазывала джем на один из гренков.

– Я должен, – повторил он. Мать закончила мазать хлеб и протянула его сыну. Лицо ее стало задумчивым, но она промолчала. – Ты не увидишь меня какое-то время. Я хочу помочь тебе, мама. Но для этого мне нужно уехать.

– Помочь мне? – В ее глазах читалось холодное недоверие.

– Я хочу спасти тебе жизнь.

– И всего-то?

– Но я могу это сделать.

– Ты? Ты можешь спасти мне жизнь? Забавно! Это будет такой сенсацией, Джеки. Можно даже объявить об этом по радио, как ты думаешь?

Она взяла со стола нож с красной пластмассовой ручкой и театрально закатила глаза. Но за этим театром Джек заметил два чувства: растущий страх и слабую, неосознанную надежду.

– Что бы ты сейчас ни сказала, я все равно уеду. В любом случае. Так что лучшее, что ты можешь сейчас сделать, – это отпустить меня.

– Превосходная мысль! Особенно если учесть, что я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

– Мне кажется, ты все-таки догадываешься. Знаешь, о чем я говорю. Потому что отец это знал. Он бы сразу понял.

Ее лицо исказилось. Губы вытянулись в прямую линию, щека нервно задергалась.

– Это подло с твоей стороны, Джек. Не смей использовать Филиппа как оружие против меня! Мало ли что он мог знать!

– Не просто мог знать, а знал.

– Ты несешь чушь, сынок.

Официантка, уже полчаса державшая тарелку с яйцами всмятку, жареным картофелем и сосисками, громко вздохнула. Отпустив ее, мать продолжила:

– Мне кажется, я не смогу найти правильный тон, чтобы говорить с тобой. Но, как говорила Гертруда Стайн, чушь останется чушью, кто бы ее ни нес.

– Я собираюсь спасти тебе жизнь, мама, – снова повторил Джек. – Мне нужно уехать далеко отсюда и кое-что привезти. Вот зачем я еду.

– Я надеюсь, ты наконец объяснишь мне внятно, что ты имеешь в виду?

«Обычный, совершенно обычный разговор, – подумал Джек, – будто я выпрашиваю разрешения провести пару дней у друга!» Он разрезал сосиску на две половинки и отправил одну из них в рот. Мать не отрываясь смотрела на него. Джек доел сосиску и принялся за яйца. Бутылочка Спиди оттопыривала его карман.

– И еще я надеюсь, что ты будешь прислушиваться к моим словам, как бы тихо я ни говорила.

С яйцами тоже было покончено, и Джек приступил к картофелю. Лили опустила руки на колени. Джек молчал. Он попытался сосредоточиться на завтраке: яйца, картофель, яйца, сосиска. Это продолжалось до тех пор, пока он не почувствовал, что она готова окликнуть его.

«Отец называл меня маленьким странником, – подумал он. – Сейчас я понимаю, как он был прав».

– Джек!

– Мама, – спросил Джек. – Отец никогда не звонил тебе издалека, когда ты точно знала, что он в городе?

Она удивленно вскинула брови.

– И не бывало ли такого, что ты заходила в комнату, думая или даже точно зная, что он там, а его там не было?

Пожалуй, больше не стоит ничего говорить.

– Нет, – ответила она, но в ее словах не было убедительности. – Никогда.

– А со мной это часто случалось, мама.

– Но ведь всегда находились объяснения. Ты же сам знаешь.

– Для отца, и ты это знаешь, никогда не представляло труда что-либо объяснить. Особенно совершенно необъяснимое. Потому-то его дела и шли так хорошо.

Мать молчала.

– Так вот, я знаю, где он бывал, – сказал Джек. – Я тоже был там. Я был там сегодня утром. И если я отправлюсь туда снова, я смогу спасти тебе жизнь.

– Моя жизнь не нуждается в том, чтобы ты ее спасал. Она не нуждается в том, чтобы ее вообще кто-то спасал!

– Я думаю, что как раз в этом она и нуждается.

Их взгляды встретились.

– Можно ли мне поинтересоваться, как же ты будешь ее спасать?

– Я не могу тебе этого сказать. Я, честно говоря, сам точно не знаю. Мама, я же не хожу в школу. Дай мне попробовать. Меня не будет всего около недели.

Мать посмотрела на него удивленно.

– Ну, может быть, немного дольше, – глухо добавил он.

– Ты сошел с ума! – сказала мать. Но Джек заметил, что в голосе ее появилась какая-то надежда, что она хочет верить ему. Ее следующие слова подтвердили его догадку: – Даже если бы... если бы я была достаточно сумасшедшей, чтобы отпустить тебя в это бессмысленное таинственное путешествие, – даже тогда я должна была бы сначала убедиться, что тебе ничто не угрожает.

– Но ведь отец всегда возвращался! – сказал Джек.

– Лучше я буду рисковать своей жизнью, чем твоей, – сказала она.

Они снова надолго замолчали.

– Я позвоню тебе, как только смогу. Но ты не волнуйся особенно, даже если и пройдет две недели. Я все равно вернусь, ведь отец всегда возвращался.

– Все это очень странно, – сказала она. – Как ты собираешься добраться туда? Где это? У тебя же нет денег.

– У меня есть все, что нужно, – ответил Джек, надеясь, что она не заставит его отвечать на первые два вопроса.

Молчание снова затянулось, и наконец он сказал:

– Мне нужно отправиться туда как можно быстрее. Я больше не могу ничего тебе рассказать.

– Маленький странник, я пытаюсь поверить...

– Да, поверь мне, – сказал Джек. «И может быть, – думал он, – ты знаешь кое-что из того, что знает *она*, настоящая Королева, и тебе легче в это поверить». – Если ты согласишься мне, это будет правильно. Ведь я тоже верю в это.

– Ну что ж, если ты говоришь, что уедешь, несмотря ни на что...

– Да, я все равно уеду.

– Тогда я ничего не буду говорить. – Она вызывающе посмотрела на него. – Я хочу, чтобы ты вернулся как можно скорее, мой мальчик. Хотя это не имеет значения, но я думаю... Джек, может быть, ты все-таки никуда не поедешь?

– Я должен. – Он глубоко вздохнул. – Я уеду. Прямо сейчас.

– Я, конечно, могу поверить в твои хитрости. Ты ведь сын Филиппа Сойера... Уж не нашел ли ты где-нибудь себе девочку? – Она пристально посмотрела ему в глаза. – Впрочем, что я говорю, какая девочка!.. Хорошо. Спасай мою жизнь. Бог с тобой. – Она тряхнула головой, и Джек увидел, что ее глаза стали влажными. – Иди, Джек. Отправляйся. Позвони мне завтра.

– Если смогу. – Он поднялся.

– Да, конечно, если сможешь. Прости.

Мать опустила глаза, и Джек увидел, что она плачет. Красные пятна появились у нее на щеках. Джек подошел и поцеловал ее, но она оттолкнула его. Официантка пялилась на них так, словно они разыгрывали спектакль. Джек подумал, что мать начинает доверять ему, но еще не знает, во что ей верить. Она взглянула на него, и снова слезы появились на ее глазах.

– Будь осторожен, – сказала она и подозвала жестом официантку.

– Я люблю тебя, – сказал Джек.

– Оставайся всегда таким. – Теперь она почти улыбалась. – Иди, Джек, и постарайся уйти до того, как я пойму, насколько безумна эта затея.

– Я пошел, – ответил он и вышел на улицу.

Голова казалась неестественно тяжелой. Желтый солнечный свет ударил в глаза. Джек услышал, как за спиной хлопнула дверь и звякнул колокольчик. Он сорвался с места и побежал по Центральной набережной, не обращая внимания на проезжающие мимо машины. В голову пришла мысль, что нужно вернуться в отель и взять с собой хоть что-нибудь из одежды. Мать еще сидела за столиком в кафе, когда он открывал парадную дверь отеля.

Портье привстал со своего стула и угрюмо посмотрел на него. Тихая злоба застыла на его лице. Джек смутно догадывался, почему он так реагирует на его появление, но в чем точно заключалась причина этого, не мог вспомнить. Разговор с мамой, оказавшийся намного короче, чем он мог себе представить, казалось, был несколько дней назад. Где-то на другом берегу широкой реки времени он беседовал с портье. Кажется, оскорбил его. Назвал ослом или бараном. Извинился ли он тогда?

Джек никак не мог вспомнить, за что он обидел портье, – он вообще не помнил их разговора...

Мама согласилась с тем, что ему нужно было уехать. Она отпустила его в это страшное путешествие. Проходя под обстрелом водянистых глаз, он наконец-то понял, почему она сделала это. Он ни словом не обмолвился о Талисмане, но даже если бы он сделал это, если бы рассказал о самом непонятном, она приняла бы и это. Даже если бы он сказал, что ее жизнь будет спасена, если она съест огромную бабочку, за которой он отправляется, мать и это приняла бы за чистую монету. То было бы чуть ироничное, но искреннее согласие. Она поверила бы во всю эту ерунду – это говорило о величине ее страха. Но скорее всего мама согласилась потому, что в какой-то мере знала, что он недоговаривает. Потому что какая-то часть ее души жила в Долинах.

Просыпалась ли она среди ночи оттого, что в ушах ее звучало имя Лауры де Луизиан?

Джек собирался наспех. Руки его выхватывали какую-нибудь вещь из комода и, если она была не слишком большой, отправляли ее в рюкзак. Рубашки, носки, свитер, брюки. Джек выудил из кучи протертые джинсы и тоже запихнул в рюкзак, ставший уже совершенно неподъемным. Обнаружив это, Джек выкинул почти все рубашки и носки, немного подумав, отправил следом и свитер. Через минуту он вспомнил, что забыл зубную щетку.

Наконец-то сборы были закончены. Джек закинул рюкзак за спину и пару раз подпрыгнул. Нет, не слишком тяжелый. С таким грузом можно спокойно идти хоть целый день.

Джек на минуту задержался у двери. В голове промелькнула мысль, что ему не с кем даже попрощаться. Мама не вернется до тех пор, пока не будет уверена, что он ушел. Если она увидит его, то уже не сможет отпустить. С этой комнатой прощаться ему не хотелось – это не был тот дом, который он так любил; всего-навсего равнодушный гостиничный номер. Наконец Джек взял телефонную книгу с изображением отеля на обложке, открыл ее на первой странице и написал красным карандашом три строчки, в которые уложил все, что хотел сказать:

**Спасибо
я люблю тебя
до встречи**

4

Джек шел по Центральной набережной под маленьким холодным солнцем, представляя себе, как он... перенесется. Вот самое подходящее слово! Интересно, увидит ли он Спиди перед тем, как перенесется в Долины? Ему обязательно нужно поговорить с ним,

ведь он так мало знает о том, куда направляется. Кого он может встретить? Что искать? «Он похож на маленький прозрачный шарик...» Это все, что сказал ему Спиди про Талисман. И еще: его нельзя терять.

Джек чувствовал себя очень глупо – как будто сдавал экзамен по предмету, который никогда не изучал. Он чувствовал, что не может перенестись прямо сейчас, он просто не способен на это...

«А ведь мне хочется снова отправиться в Долины!» – неожиданно для себя подумал Джек.

Ему захотелось снова дышать этим воздухом, он соскучился, изголодался по нему. Широкие равнины и вершины чужих гор звали его. Поле с густой высокой травой оживало в душе. Все его существо стремилось туда. Он уже собирался достать бутылку и сделать глоток ужасной жидкости... Но тут увидел ее истинного владельца, который сидел под деревом, обхватив колени руками. Коричневая хозяйственная сумка стояла рядом, а на ней лежал огромный сэндвич из чего-то похожего на ливерную колбасу с луком.

– Уезжаешь? – спросил Спиди улыбаясь. – Уже собрался, я вижу. Ну что ж, давай прощаться. Кстати, мама знает о том, что тебя не будет?

Джек кивнул. Спиди протянул ему сэндвич.

– Есть хочешь? Возьми, для меня тут слишком много.

– Спасибо, я только что поел. Я рад, что могу попрощаться с тобой.

– Наш Джек весь горит и рвется в путь, – сказал Спиди, поднимая голову. – Мальчик собрался в дорогу.

– Спиди...

Негр искоса посмотрел на него.

– Ты знаешь о том, что отец называл меня маленьким странником?

– Да, я слышал об этом. – Спиди широко улыбнулся. – Подойди поближе, посмотри, что я принес. И еще: я хочу рассказать тебе, куда идти сначала.

Джек молча подошел.

– Рождественский подарок, – пошутил Спиди и вытащил из сумки старую, потрепанную книгу – дорожный атлас Неда Макнелли.

– Спасибо, – сказал Джек, взяв книгу из руки негра.

– Здесь нет карт *той* местности, но по этому атласу можно более или менее ориентироваться. Сначала иди по этой дороге. – Спиди ткнул пальцем в одну из карт.

– Хорошо, – сказал Джек и, сняв рюкзак, положил туда книгу.

– А этому нечего делать в твоём рюкзаке, – сказал Спиди. – Лучше носи в кармане.

Что-то мелькнуло у него между указательным и средним пальцами, словно сигарета Лили, – это был маленький белый треугольник, в котором Джек без труда узнал гитарный медиатор.

– Возьми и не теряй его. Ты покажешь его одному человеку, и он поможет тебе.

Джек повертел медиатор в руке. Он никогда не держал в руках таких вещей. Медиатор был сделан из слоновой кости, и на нем были вырезаны узоры, напоминавшие какие-то письмена. Он был очень красивым, но слишком тяжелым и сложным, чтобы можно было использовать его по назначению.

– Что это за человек? – спросил Джек, кладя медиатор в один из карманов.

– Ты сразу узнаешь его. У него шрам через все лицо. Ты встретишь его, как только попадешь в Долины. Он офицер, Капитан королевской охраны. Он приведет тебя к женщине, которую тебе больше всего нужно увидеть. Ты просто обязан с ней встретиться. Теперь ты знаешь еще одну причину, зачем тебе нужно попасть туда. Мой друг в Долинах знает, что тебе делать. Он будет помогать тебе.

– А эта женщина...

– Да, ты угадал. Это Королева. Она понравится тебе, Джек. Смотри на нее внимательно, Джек, и все запоминай. Ты сразу поймешь, кто она такая... Затем ты должен будешь отправиться на запад... – Голос Спиди зазвучал печально, будто он не надеялся больше увидеть Джека. – Остерегайся этого Блоута. И его двойника тоже. Он найдет тебя где угодно, если ты не будешь осторожен. А уж если найдет, будь уверен, обойдется с тобой, как лиса с гусем.

Спиди опустил руки в карманы. Джек видел, что он хочет сказать намного больше, чем может.

– Найди Талисман, сынок, – закончил Спиди. – Найди его и привези сюда. Он много возьмет у тебя, но даст еще больше.

Джека не покидала мысль о словах Спиди про человека со шрамом. Капитан королевской охраны. Сама Королева. Морган Слоут – хищник, охотящийся за ним. Зловещее дыхание другого мира. Тяжелое бремя Талисмана.

– Ладно, – ответил Джек и почувствовал внезапное желание вновь оказаться за столиком в кафе рядом с мамой.

Спиди широко и тепло улыбался.

– Ну что ж, мой мальчик, я рад, что ты решился. – Улыбка его стала еще шире. – Помоему, тебе пора плотать колдовское зелье. Как ты думаешь?

– Думаю, пора.

Джек достал бутылку из кармана джинсов, открутил пробку, затем посмотрел на Спиди и встретил его взгляд.

– Спиди поможет... Как сможет.

Джек кивнул, подмигнул ему и поднес бутылку к губам. От резкого запаха, вырвавшегося наружу, Джека едва не стошнило. Он наклонил бутылку, и к запаху добавился не менее мерзкий вкус. В который раз свело желудок. Он заставил себя проглотить «особенное вещество» и почувствовал, как жидкий огонь обжигает его внутренности.

Еще не открывая глаз, по богатству и чистоте запахов, окруживших его, Джек понял, что перенесся в Долины. Голову кружил аромат трав, цветов и простого чистого воздуха.

Интерлюдия Слоут в этом мире (I)

– Я знаю, что слишком много работаю, – говорил Морган Слоут своему сыну Ричарду в этот вечер. Они разговаривали по телефону: Ричард – стоя в холле одного из зданий школьного городка, отец – сидя за столом на верхнем этаже одного из центральных офисов компании «Сойер и Слоут» в «Бeverли-Хиллз».

– Но пойми, малыш, иногда бывают очень важные и неотложные дела, которыми лучше заниматься самому. Особенно когда осиротела семья моего бывшего партнера. Я обещаю тебе, что скоро вернусь. Это не займет у меня много времени. По крайней мере я надеюсь. Может быть, я улажу все в этом проклятом Нью-Хэмпшире не больше чем за неделю. Я позвоню тебе, когда все закончится. Потом мы сможем съездить в Калифорнию, как когда-то, в старые добрые денечки. Я думаю, это будет справедливо по отношению к тебе. Поверь своему старику. Мы обязательно поедем.

Дела со строительством шли неплохо благодаря готовности Слоута заниматься каждым вопросом лично. После того как они с Сойером договорились сначала о краткосрочной, а потом (после бурных споров) о долгосрочной аренде, они отказали всем своим бывшим арендаторам, произвели необходимые изменения, зафиксировали расценки на небывало низком уровне и объявили о поиске новых клиентов. Единственным арендатором, с которым был продлен контракт, остался китайский ресторанчик, расположенный в подвале одного из зданий, принадлежащих компании. Он платил в три раза меньше, чем другие, за такую же площадь. Слоут попробовал уладить с китайцами этот вопрос, но как только до них дошло, что он говорит об увеличении платы, они внезапно утратили способность говорить и понимать по-английски. Несколько дней он пытался возобновить переговоры, но все было тщетно. И вот однажды ему удалось увидеть, как из задней двери кухни выходит человек с ведром топленого свиного жира. В голове Слоута мелькнула шальная мысль. Он тихо проследовал за китайцем в темный узкий тупичок и увидел, как тот выливает жир в мусорный бак. Слоуту больше ничего и не нужно было.

Через день у входа в тупичок вырос высокий забор, а еще через день хозяина ресторана вызвали в суд за загрязнение окружающей среды. Все работники кухни, естественно, в один голос заявили о своей непричастности к этому. А сало медленно, но верно протухало за выстроенным Слоутом забором. Дела у китайцев пошли из рук вон плохо. Клиенты перестали посещать ресторан, отпугиваемые неприятными запахами с помойки. Хозяева быстро вспомнили английский язык и согласились платить по полным расценкам. Слоут ответил на это красивой и громко звучащей, однако ничего не значащей речью. Этой же ночью, изрядно накачавшись мартини и вооружившись бейсбольной битой, он отправился к ресторану и повыбивал все стекла. Теперь сквозь пустые глазницы окон был виден тупичок, загроможденный мусорными баками.

Когда он делал подобные вещи... он уже не был Слоутом.

На следующий день китаец вновь посетил его офис и на этот раз предложил учетверить арендную плату.

– Вот это уже деловой разговор, – сказал Слоут, глядя в окаменевшее лицо клиента. – И вот что я вам скажу! Чтобы подтвердить, что мы играем в одну игру, я согласен заплатить за разбитые стекла.

Девять месяцев назад, когда компания «Сойер и Слоут» вступала во владение этим зданием, дела компании выглядели как нельзя более мрачно. Теперь оно давало намного больше

прибыли, чем все остальные здания, и Морган Слоут гордился им так же, как новыми массивными сооружениями под землей, строительство которых сейчас велось. Однажды утром, по дороге на работу, Слоут, проходя мимо поставленного им забора, вспомнил, сколько денег и сил вложил он в компанию «Сойер и Слоут», и с удовлетворением подумал, как оправдались его надежды.

Разговаривая с Ричардом, он чувствовал, что все его желания абсолютно справедливы – ведь именно Ричарду он собирался отдать долю Сойера в компании. В Ричарде он видел своего преемника. Его сын ходит в лучшую школу бизнеса и получит образование к тому времени, когда ему нужно будет приступить к работе. Вооруженный знаниями, Ричард Слоут должен быстро вникнуть во все сложные и специфические принципы бизнеса компании «Сойер и Слоут». Его смехотворное желание стать химиком не может устоять перед решимостью отца. Ричард не настолько глуп, чтобы не видеть, насколько бизнес интереснее, не говоря уже о том, насколько выгоднее, чем копанье в колбах и ретортах. Эту «химическую болезнь» нужно как можно быстрее вылечить, нужно открыть ему глаза на настоящее мужское дело.

А если Ричард будет беспокоиться о справедливости по отношению к Джеку Сойеру, он должен понять, что 50 000 долларов в год и гарантированное обучение в колледже – это не просто справедливо. Это великодушно. Это по-королевски! Да и кто может быть уверен, что Джек захочет вступить в дело или что он обладает хотя бы малейшими способностями к этому? И вообще, мало ли что может случиться? Кто может быть уверен, что Джек доживет до двадцати лет?

– Это прекрасная возможность получить все бумаги и вступить в единоличное владение компанией, – говорил Слоут сыну. – Лили слишком долго пряталась от меня. Ее мозги стали похожи на голландский сыр... Она и года не протянет. И если я сейчас же не увижусь с ней, у нее будет достаточно времени, чтобы оформить завещание или вложить деньги в какие-нибудь ценные бумаги. Я думаю, мать твоего друга не обратится ко мне за помощью в составлении документов. Не думай, я не собираюсь впутывать тебя в свои проблемы. Просто хочу сказать, что меня не будет дома несколько дней, на случай если ты позвонишь. Можешь написать письмо... И не забывай об учебе, ладно?

Ричард обещал писать, хорошо учиться и не волноваться ни об отце, ни о Лили Кевинью, ни о Джеке.

Когда-нибудь, несколько лет спустя, когда его послушный сын немного подрастет, Слоут познакомит его с Долинами. Ричард будет лет на шесть-семь младше, чем был он сам, когда Фил Сойер, растянувшись на травке около их первого маленького офиса в Северном Голливуде, сначала озадачил, потом взбесил (потому что Слоут был уверен, что Филипп смеется над ним), а потом заинтриговал своего партнера (по правде говоря, у Сойера не было достаточной фантазии, чтобы сочинить такую наукообразную абракадабру про другой мир). И когда Ричард увидит Долины, они, если к этому времени это не произойдет само собой, изменят все его мировосприятие. Даже краткий взгляд на Долины способен подорвать вашу веру во всеведение ученых.

Слоут пробежал пальцами по голове, пригладил усы. Голос сына все еще звучал в его ушах, только как-то неясно и отдаленно. Всегда, когда Ричард был рядом, все шло хорошо, все удавалось, легко и спокойно было на душе. За окном стояла глубокая звездная ночь. Ночь была и в Спрингфилде, штат Иллинойс, и в Домике Нельсона в школьном городке, где Ричард Слоут медленно брел по коридору с выкрашенными в зеленый цвет стенами обратно в свою комнату, вспоминая славное, почти забытое время, когда они с отцом уезжали на тихий океанский берег Калифорнии. Быть может, скоро они вновь отправятся туда... В это же время, несколькими милями севернее, Морган Слоут подошел к широкому окну своего

кабинета, открыл его створки и выглянул наружу, наслаждаясь свежим ночным воздухом и ровным светом бледной луны, окруженной вереницами облаков.

Он хотел немедленно вернуться домой, дом был всего в тридцати минутах ходьбы от офиса, переодеться, перекусить, может быть, выпить немного кока-колы перед тем, как отправиться в аэропорт. Но вместо этого он должен был сесть в машину, мчаться по автострате к месту встречи с зарвавшимся клиентом, с которым надо было давно расторгнуть контракт. Потом беседа с толпой чиновников, предъявляющих претензии компании «Сойер и Слоут», будто их новый проект, связанный с заводом в Марина-дель-Рей, загрязняет пляж. И то и другое нельзя было ни отменить, ни отложить.

Слоут дал себе слово, что, как только он «позаботится» о Лили Кевинью и ее отпрыске, он начнет потихоньку избавляться от своих теперешних клиентов. Мелкая рыбешка. У него теперь более серьезные планы. Грандиозные планы! У него множество помощников, на которых можно возложить почти все его сегодняшние обязанности. Оглядываясь назад, Слоут удивлялся, как он мог выносить Фила Сойера в течение стольких лет. Его партнер никогда не играл, чтобы выигрывать, он был несерьезен, его голова была забита всякими сентиментальными штучками вроде чести и совести. Он был похож на неразумное дитя с завязанными глазами. Он был слишком земной, слишком светский, насколько это возможно, если учесть, что он ставил на кон. Слоут не мог забыть, что он должник Сойера. Ему стало не по себе, когда он подумал, чем обязан ему. По дороге к автостоянке Слоут выудил леденец из смятого пакета и положил его под язык.

Фил Сойер недооценивал Слоута, и того это мучило. Фил обращался с ним, как факир с дрессированной коброй, заставляя раскачиваться и извиваться под свою дудку.

Водитель – простоватый парень в заношенной ковбойской шляпе – затравленно смотрел, как Слоут крутится вокруг машины, выискивая вмятины и царапины. Леденец таял во рту, ворот пиджака стал мокрым от пота. Водитель знал, что ему грозит, – неделю назад Слоут устроил ему хорошую взбучку, найдя маленькую царапинку на дверце «BMW». В середине своей напыщенной речи он обратил внимание, каким удрученным стало лицо парня, и в накатившей волне безудержного веселья Слоут, смеясь, похлопал его по плечу, не переставая, хотя уже и шутливо, отчитывать. Но водителя это не взбодрило. Слабым, извиняющимся голосом он начал оправдываться, что, может быть, эта пустяковая царапина появилась совсем не по его вине. Может, в этом виноват автосервис. «Вы ведь знаете, как эти идиоты обращаются с машинами. К тому же по ночам...»

– Заткни свою вонючую глотку! – крикнул Слоут, окончательно выйдя из себя. – Эта «пустяковина», как ты ее изволил назвать, выльется мне в две твои недельные зарплаты! Я прибил бы тебя на месте, скотина, если бы полностью был уверен, что ты не прав. На твое счастье, я не помню, была царапина на дверце или нет, когда я вчера забирал машину из мойки. Но как бы то ни было, если ты еще хоть раз посмеешь сказать мне что-нибудь, кроме «Здравствуйте, мистер Слоут» или «До свидания, мистер Слоут», я придушу тебя на месте! Не успеешь даже глазом моргнуть.

И вот теперь шофер не отрываясь следил за тем, как Слоут осматривает машину, зная, что, если тот найдет какие-нибудь повреждения на ее лакированной поверхности, ему сразу можно будет класть голову на плаху. Выудив из кармана тряпку, он принялся яростно стирать несуществующие пятна с ветрового стекла. Хитрая уловка, дружище.

На этот раз Слоут решил вести машину сам. Выехав со стоянки, он заглянул в зеркало заднего вида. На лице шофера, оставшегося стоять на дороге, застыло такое же выражение, как на лице Фила Сойера в последние секунды жизни. Это почему-то очень развеселило Слоута, и весь путь до автостреды был освещен его широкой улыбкой.

Филипп Сойер недооценивал Моргана Слоута еще со времени их первой встречи, когда они оба были первокурсниками в театральном колледже. Может быть, размышлял Слоут, это

произошло из-за того, что его легко было недооценить. Толстенький коротышка из Акрона, ничем не примечательный, честолобивый и всегда встревоженный, он первый раз в жизни выбрался из своего захудалого городишка в штате Огайо.

Слушая, с какой легкостью его одноклассники говорят о Нью-Йорке, об игре в очко, о клубе «Аист» и о многих других неизвестных ему вещах, он страдал от своего невежества.

– Мне больше нравится нижняя часть города, – бросил он тогда так небрежно, как только мог. Ладони взмокли, пальцы судорожно сжимались в кулаки (по утрам Слоут часто просыпался с кровоподтеками на руках из-за того, что ногти впивались в кожу).

– Какая нижняя часть, Морган? – спросил его Том Вудбайн. Остальные захохотали.

– Ну там, где Бродвей и Виллидж, – выдавил из себя Слоут. Шквал грубых насмешек с новой силой обрушился на него.

Он был некрасив и плохо одет. Весь его гардероб состоял из двух костюмов; оба они были угольного цвета и сшиты как будто специально на пугало. Еще в университете у него начали выпадать волосы, и розовая лысина проступала из-под короткой прически.

Нет, в Слоуте не было абсолютно никакой привлекательности, и он это осознавал. Он чувствовал себя словно сжатым в кулак, и эти кровоподтеки на ладонях были маленькими фотографиями его души.

Все остальные любили театр (впрочем, как и они с Сойером), гордились красивыми профилями, здоровыми желудками, хорошими манерами и вели беззаботный образ жизни. Развалившись на диванах в холле одного из зданий студенческого городка в Дэйвенпорте, они напоминали собрание богов Олимпа; кашмирские свитера облегали их плечи, словно золотое руно (а Слоут в это время не мог себе позволить купить новые брюки). Все они двигались к своей цели – стать актерами, драматургами, поэтами. Слоут хотел быть режиссером. Но больше всего на свете он желал стать человеком, способным расставить сети всем этим богатым мальчикам, из которых потом только он сможет их выпутать.

Сойер и Том Вудбайн, которые казались Слоуту *невообразимо* богатыми, были соседями по комнате. Том проявлял довольно вялый интерес к театру. В выпускном спектакле он принимал участие только из чувства солидарности с Филом. Томас Вудбайн отличался от других своей необычайной серьезностью и целеустремленностью. Уже окончив театральный колледж, он вдруг решил стать юристом, обнаружив в себе тягу и способности к юриспруденции. (Действительно, большинство знакомых Вудбайна легче представляли его заседающим в Верховном суде, чем занимающимся театральной деятельностью.) Выражаясь языком Слоута, Томас был человеком без мечты, он был больше заинтересован в том, чтобы жить правильно, чем в том, чтобы жить хорошо. Конечно, у него было все, что нужно, а если вдруг чего-то не хватало, люди охотно ему это давали. Как мог он, настолько избалованный жизнью, о чем-то мечтать? Слоут подсознательно ненавидел Вудбайна и не мог заставить себя называть его Томми.

За четыре года обучения в колледже Слоут поставил две пьесы: «Нет выхода», которую студенческая газета назвала безыдейной и бездарной, и «Воздушная кукуруза». Эта, в свою очередь, была описана как «взбалмошная, циничная и редкостно пошлая». Большинство из этих эпитетов подошло бы и самому Слоуту. Скорее всего у него попросту отсутствовал режиссерский талант – он не умел глубоко прочувствовать пьесу, в его мыслях не было гармонии. Нельзя сказать, чтобы он растерял все свои стремления, жизненную цель, – нет, они просто коренным образом изменились. Его больше не устраивало оставаться человеком за кадром, он должен быть на виду. Филиппа Сойера тоже начали посещать подобные мысли. Он не представлял себе, что может дать ему карьера артиста, но чувствовал в себе силы стать импресарио.

– Давай поедem в Лос-Анджелес и откроем свое дело, – предложил Фил Слоуту в день их выпуска. – Это, конечно, чертовски сложно, и родители вряд ли будут довольны, но, может быть, у нас получится? Пусть даже поголодаем пару лет.

Филипп Сойер – Слоут понял это еще в первый год их знакомства – не был богат на самом деле. Он только *выглядел* богатым.

– А когда встанем на ноги, пригласим Томми быть нашим адвокатом. Он к тому времени получит юридическое образование.

– Неплохая идея! – сказал Слоут. На самом деле у него было другое мнение по этому поводу, но его время еще не пришло. – А как мы себя назовем?

– Как тебе больше нравится? Можно «Слоут и Сойер». Или наоборот?

– Да! «Сойер и Слоут»! Это намного лучше звучит.

У Слоута был цветущий вид, но внутри все кипело... Фил *вечно* намекал ему, что его место на заднем плане.

Оба семейства с порога отметили предложенную Филом идею, но, несмотря на это, «компаньоны» все же отправились в Лос-Анджелес в маленьком старом «де сото» (что еще раз показывало, как Морган зависел от своего партнера). В обшарпанном здании в Северном Голливуде с веселеньким «населением», состоящим из крыс и блох, они открыли свой первый офис и принялись распространять свои напечатанные на машинке «рекламные проспекты». Никакого толку. Около четырех месяцев сплошного невезения. За все это время к ним обратился пьяный комик, двое придурков, считавших себя великими драматургами, и писатель-юморист, который, прочитав свои бездарные «творения», принялся настойчиво требовать, чтобы ему заплатили. И вот однажды принявший чрезмерное количество виски и накурившийся марихуаны Фил Сойер поведал Слоуту о Долинах: «А знаешь, что я умею делать? Я умею путешествовать! Повсюду! И ты тоже сможешь...»

Вскоре после этого в одной из театральных студий Фил повстречал молодую начинающую актрису, и в течение часа они обзавелись своим первым серьезным клиентом. У этой актрисы было трое друзей, жутко недовольных своими менеджерами, а у одного из друзей был приятель, написавший довольно приличный киносценарий, а у приятеля был знакомый... К концу третьего года их деятельности компания «Сойер и Слоут» переехала в новый офис, а они сами – в новые квартиры. Слоут знал, что это Долины осчастливили их, хотя никак не мог понять, каким образом.

Сойер занимался клиентами, Слоут – деньгами, инвестициями... В общем, деловой стороной их деятельности. Соьер тратил деньги на обеды с деловыми партнерами, на авиабилеты, Слоут зарабатывал их. Именно он начал заниматься развитием новых площадей, недвижимым имуществом, промышленностью... К тому времени как Томас Вудбайн появился в Лос-Анджелесе, компания «Сойер и Слоут» имела капитал размером в пять миллионов долларов.

Слоут все еще недолюбливал своего бывшего однокашника. Томми Вудбайн, изрядно погрузневший, в своем синем костюме-тройке, сильнее, чем раньше, был похож на Верховного судью. С его щек никогда не сходил яркий румянец (алкоголь?), манеры остались такими же тяжеловесными. Жизнь уже оставила на нем свой отпечаток – маленькие аккуратные морщинки по углам глаз, да и сами глаза более печальны, чем у студента театрального колледжа. Слоут понял сразу, а Филу Соьеру нужно было это еще объяснять, какую страшную тайну носит в своем сердце Томас Вудбайн. Еще в студенческие годы он стал гомосексуалистом. Это все упрощало – Слоуту теперь ничего не стоило от него избавиться.

Голубых нужно убивать! Или, может, кто-нибудь хочет доверить активному педикуну воспитание своего малолетнего сына? Вы можете сказать, что Слоут пытался уберечь Фила Соьера от возможных последствий его серьезной ошибки. Но если бы Соьер сделал Слоута

опекуном Джека, не было бы никаких проблем. Наемные убийцы из Долин – те самые двое – знают свое дело.

Все было бы проще, думал Слоут в тысячный раз, если бы Фил никогда не женился. Если бы не было Лили и Джека... Если бы не было Джека – не было бы проблем. Жаль, что Фил так и не заглянул в старые вырезки из газет, рассказывающие о молодости Лили Кевинью. Слоут долго собирал их. Там было все: и когда, и с кем, и как часто. Сойеру это бы вряд ли понравилось. Это убило бы его любовь быстрее, чем ребята на черном фургоне переехали Тома Вудбайна. Но как Слоут ни подсовывал ему эту коллекцию, Фил так и не обратил внимания. Он хотел жениться на Лили Кевинью, и он женился. Так же, как и его двойник обвенчался с Королевой Лаурой. Но Фил его недооценивал – за это и поплатился.

Осталось кое-что подправить, с удовлетворением думал Слоут, и все встанет на свои места. Из «Аркадии» он вернется, имея в кармане всю компанию, – то, о чем он столько лет мечтал. И в Долинах все будет так же: взвешено, упаковано и поднесено Моргану на блюдечке. Как только умрет Королева, страну возглавит бывший представитель ее покойного супруга, и они со Слоутом произведут там небольшие, но интереснейшие изменения. А потом останется оттопыривать карман и смотреть, как туда сыплются деньги. Смотреть, как туда сыплется все!

Слоут свернул с автострады и остановил машину. Его клиент – Ашер Дондорф – жил в полуподвальном помещении в новом доме на одной из узких, словно парковые аллеи, улиц Марина-дель-Рей. Дондорф был старым актером на характерных ролях, достигшим удивительного уровня популярности в конце 70-х благодаря одному из телесериалов. Он играл хозяина дома, сдававшего комнату двум молодым частным детективам. Дондорф произвел такой головокружительный эффект своим появлением в первых сериях, что в редакцию посыпался шквал писем. Авторы сериала быстро взялись за дело, и он сначала стал отцом одного из детективов, потом совершил несколько убийств и т. д. и т. п. Его жалование удвоилось, утроилось, учетверилось, и, когда спустя шесть лет сериал подошел к концу, Дондорф решил вернуться в кинематограф. Вот тут-то и возникла проблема. Он считал себя звездой, но режиссеры и продюсеры все еще относили его в разряд второстепенных актеров – популярных, но не подходящих на главные роли. Дондорф хотел цветов в прихожей, личного парикмахера, черный «мерседес»; он хотел много денег, роскоши, любви. Он хотел всего, и побольше. Честно говоря, Дондорф был идиотом.

Слоут вышел из машины, даже не позаботившись о том, чтобы захлопнуть дверцу. Его посетила внезапная мысль: если в течение ближайших нескольких дней он узнает или хотя бы заподозрит, что Джеку известно о существовании Долин, ему придется убить его. Он не может позволить себе так рисковать.

Слоут улыбнулся сам себе, кинул в рот еще один леденец и постучал в дверь квартиры Дондорфа. Он был уверен – после их разговора тот покончит с собой. Он сделает это в зале, попытавшись произвести как можно больше шума. Такое темпераментное ничтожество, как его-в-скором-времени-бывший-клиент, обязательно позаботится об эффектном самоубийстве.

Когда бледный, трясущийся Ашер Дондорф открыл дверь, теплота приветственной улыбки Слоута была искренней и неподдельной.

Часть вторая Дорогой тяжелых испытаний

Глава 6 В покоях королевы Лауры

1

Твердые стебли травы прямо перед глазами Джека были длинными и острыми, словно сабли. Таковую траву не очень-то раскачает ветер. Она сама способна разрезать его на множество маленьких ветерков. Джек вздохнул: ему бы обладать таким же достоинством, с каким держатся здесь все растения!

В желудке все еще бурлило колдовское зелье, голова была совершенно неподъемной, а глаза не выдерживали солнечного света. Джек оперся коленями о землю и с превеликим трудом поднялся. По пыльной дороге к нему приближалась телега с запряженной в нее лошадью. Кучер – бородач с красным от жары лицом, похожим на лежащие в телеге бочки, – вытянулся вперед, разглядывая его. Джек вздрогнул и принялся придумывать сколько-нибудь правдоподобную версию своего внезапного появления. Но человек в телеге, видимо, принял его за рядового бездельника, сбежавшего в укромное место, чтобы вздремнуть лишний часок.

Джек уже немного отошел от переброса и больше не чувствовал себя больным. Наоборот, он чувствовал себя лучше, чем когда бы то ни было после отъезда из Лос-Анджелеса. И дело было даже не в здоровье, а в каком-то комфортном мистическом равновесии между мыслями и телом. Теплый, мягкий воздух Долин ласково гладил его лицо, благоухая всеми ароматами рая. Джек протер кулаками глаза и уставился на кучера – первого человека, повстречавшегося ему в Долинах. Ему не давал покоя вопрос: что он будет делать, если тот решит с ним заговорить? Говорят ли здесь по-английски? А если говорят, то тот ли это английский, к которому он привык? Джек на секунду представил себе, как может звучать здесь человеческая речь:

Крошу промщения, вы, скучайно,
не Каварер Ордена Подмяски?

Может быть, лучше прикинуться немым?

Кучер бросил еще один безразличный взгляд на Джека и что-то крикнул своей лошади явно не на современный американский манер:

– Ну, пшла!

С другой стороны, ведь с лошадьми всегда так разговаривают. Внезапная усталость обрушилась на Джека, и он снова упал в траву. Кучер опять посмотрел на него и кивнул. Это удивило Джека. Кивок был не дружелюбный, не враждебный, просто приветствие равного себе: «Как жизнь, браток?» Джек кивнул в ответ, пытаясь в это же время засунуть руки в карманы. Вид у него в этот момент был до смешного растерянный, и кучер весело захохотал.

Теперь Джек был одет совершенно не так, как в тот момент, когда подносил к губам бутылку. На нем были широкие шерстяные штаны вместо его любимых потертых джинсов и плотно облегающая куртка из светло-голубой ткани. Вместо пуговиц на куртке (или на

камзоле) был длинный ряд крючков и петелек. Так же, как и штаны, она была явно домо-тканая. Кроссовки тоже исчезли, уступив место легким сандалиям. Рюкзак превратился в мешок, болтавшийся на тонкой веревке, перекинутой через плечо. Кучер был одет точно так же. Грязь на его кожаную куртку ложилась, видимо, медленно, но верно в течение долгих лет, словно годовые кольца на ствол дерева.

Окутанная облаком пыли телега прогрохотала мимо Джека. Бочки излучали сладкий аромат пива. По краям телеги были вбиты колья, на которые, возможно, натягивался холст, служивший крышей в дождливую погоду. Джек уловил еще какой-то непонятный вкусный запах, очень приятный, и только сейчас почувствовал, как он голоден. Скорее всего это был сыр, но такой сыр, какого он никогда не пробовал. На самом краю телеги лежала бесформенная груда мяса – длинные, покрытые кожей окорока, большие плоские вырезки и груда липких внутренних органов, происхождение которых Джек не смог определить. Над всем этим роилось множество мух. Эта мерзкая картина мгновенно убила чувство голода, разбуженное запахом сыра.

Джек вышел на середину дороги, провожая взглядом подпрыгивающую на ухабах телегу. Несколько секунд спустя он пошел по ее следу на север.

Пройдя совсем немного, он вновь увидел вершину огромного шатра между двумя рядами трепещущих на ветру флагов. Вероятно, это и было то место, куда он должен попасть. Еще несколько шагов (проходя мимо кустов ежевики, Джек все-таки сорвал пару ягод – так понравились они ему в прошлый раз), и теперь он мог видеть весь шатер. Это было огромное, причудливой формы сооружение с длинными крыльями с каждой стороны. Вход во внутренний двор закрывали решетчатые ворота. Как и «Альгамбра», эта эксцентричная постройка, скорее всего Летний дворец, располагалась недалеко от океана. Люди вертелись вокруг да около, движимые какими-то могущественными и невидимыми силами. Все это напоминало муравейник – группки сталкивались, разбегались и снова сливались в единую массу.

Некоторые были одеты в яркие, богатые наряды, но большинство выглядело так же, как Джек. Несколько женщин в сверкающих белых платьях, или мантиях, прошествовали через двор, невозмутимые, как полководцы.

За воротами находилось множество маленьких палаток и наскоро построенных деревянных домиков. Здесь, как и внутри, люди ели, покупали, продавали, разговаривали, только более легко и непринужденно. Где-то в этой суетливой толпе Джеку предстояло найти человека со шрамом.

Но перед тем как искать его, он решил узнать, что стало с луна-парком.

Увидев двух маленьких черных лошадей, впряженных в плуги, Джек поначалу решил, что удивительный парк превратился в ферму. Но, заметив толпу людей на вершине холма, понял, что идут соревнования. Потом его взгляд остановился на огромном рыжем мужчине, яростно размахивающем над головой своими ручищами, в одной из которых он держал длинный тяжелый предмет. Внезапно он резко затормозил свои чудные движения, и предмет, вырвавшись из его рук, пролетел довольно приличное расстояние, прежде чем упасть в густую траву. То был молот.

Луна-парк стал не фермой, он стал ярмаркой. Теперь Джек видел заставленные едой прилавки и детей, сидящих на плечах у отцов.

Был ли здесь Спиди Паркер? Джек очень на это надеялся. Он подумал о матери: интересно, она все еще сидит в кафе, удивляясь себе, почему его отпустила?

Джек обернулся и увидел, что повстречавшаяся ему телега въезжает в ворота Летнего дворца и поворачивает налево, разделяя копошащихся людей на два потока, как машины на Пятой авеню. Постояв еще немного, он двинулся в том же направлении.

2

Джек боялся, что люди во дворе сразу обратят на него внимание, почувствуют разницу между ним и собой. Он решил ни за что не поднимать глаза, изображая мальчишку робкого десятка, – его послали сделать покупки, и все его лицо показывает, как он сосредоточен на том, чтобы все запомнить: лопата, две мотыги, моток веревки, бутылъ гусиного жира...

Но несколько минут спустя он с удивлением обнаружил, что ни один из пробегающих мимо людей даже не посмотрел в его сторону. Все суетились, рассматривая товары: ковры, металлическую посуду, серебряные украшения, разложенные в маленьких палатках, – пили из деревянных кружек, дергали друг друга за рукава, пытались завязать разговор, спорили с охранниками у ворот – каждый был занят своим делом. Маскироваться, как оказалось, было совершенно ни к чему. Джек тоже решил заняться своим делом и направился к воротам.

Но почти сразу же понял, что ему вряд ли удастся войти в них. Двое охранников, по одному с каждой стороны, останавливали и опрашивали каждого, кто пытался проникнуть в Летний дворец. Все подошедшие к воротам должны были показать либо свои бумаги, либо печать или клеймо, дававшее право на вход. У Джека был только медиатор Спиди Паркера, но он не думал, что это удовлетворит охранников.

Еще один человек, показавший серебряную печать, был пропущен. Следующего остановили. Он принялся спорить, но вскоре тон его голоса изменился, стал умоляющим. Но привратники только покачали головами.

– *Его* люди могут входить беспрепятственно, – услышал Джек за спиной, – проблема языка Долин решилась сама собой. Он обернулся и увидел человека, которому принадлежали эти слова. Но этот человек, мужчина средних лет, обращался вовсе не к нему, а к своему спутнику, одетому так же просто, как все мужчины и женщины за пределами дворца.

– Лучше бы этого не было, – ответил второй. – Я слышал, он собирается быть здесь со дня на день?

Джек тихонько пристроился сзади и, прячась за спинами ничего не подозревающих собеседников, пошел к воротам. Охранники выступили вперед. Пока один из них проверял документы, другой обнаружил Джека. Ни у того, ни у другого не было шрама на лице, а других офицеров Джек не видел. Те солдаты, которых он встретил за сегодняшний день, стояли перед ним; оба были молоды и имели простоватый вид. Их широкие красные лица, подчеркнутые тщательно выглаженной униформой, делали их похожими на фермеров в маскарадных костюмах.

Проверка была окончена, и после короткого разговора привратники отступили назад и пропустили тех двоих. Джека же встретил такой взгляд, что он счел за благо ретироваться.

Нет, пока он не найдет Капитана, ему нечего и думать о том, чтобы попасть во дворец.

Еще несколько человек подошли к солдатам и немедленно пустились в пререкания: у них назначена встреча там, внутри, это связано с большими деньгами, а бумаг, как ни прискорбно, нет. Один из охранников сделал отрицательный жест и поскреб подбородок. Джек, все еще размышляя, как найти Капитана, наблюдал за разговором.

Но вот предводитель этой маленькой группки возвел руки к небу. Его лицо стало таким же красным, как и лица солдат. Он попытался обойти их, но это было бесполезно. Те стояли плечо к плечу, хмурые и негостеприимные.

Стройный высокий человек в одежде, почти не отличающейся от формы охранников (разве что тем, как она на нем сидела), бесшумно появился сзади. Джек заметил, что на нем нет кружевного воротника и шляпа не треугольная, а круглая.

Он что-то сказал охранникам, затем подошел к тем, кто желал попасть внутрь. Они больше не кричали, не размахивали руками.

Человек говорил тихо и спокойно. Джек заметил, что страх овладевает людьми. Колени задрожали, головы вжались в плечи. Они начали медленно отступать назад. Офицер проводил их взглядом, потом похвалил привратников за хорошую службу.

В тот момент, когда офицер разговаривал с людьми, он на секунду посмотрел в сторону Джека. Этого было достаточно, чтобы тот увидел длинный бледный боевой шрам, рассекающий лицо от правого глаза до уголка рта.

Человек распрощался с солдатами и зашагал прочь. Он шел, не оглядываясь по сторонам, уверенно пробираясь сквозь толпу. Джек кинулся за ним.

– Сэр! – крикнул он, но офицер не обратил на него никакого внимания, он медленно отмерял шаги.

Джек обежал стороной новую толпу, штурмующую ворота, потом еще одну, загоняющую свинью в палатку, и вскоре вновь увидел офицера. Теперь он был так близко, что можно было до него дотронуться.

– Капитан!

Человек обернулся, и Джек замер на месте. С близкого расстояния шрам казался необычайно широким и абсолютно самостоятельным, словно существовал отдельно от властного лица.

– Что тебе, мальчик?

– Капитан, мне нужно с вами поговорить. У меня есть дело к Госпоже, но мне никак не попасть во дворец. Ах да! Я должен вам кое-что показать.

Он порылся в широком кармане необъятных штанов и нащупал треугольный предмет. Вытащив его наружу, он был сильно потрясен – то, что лежало на его ладони, не было гитарным медиатором. Это был длинный зуб, скорее всего акулий, инкрустированный золотом.

Джек поднял глаза на Капитана и понял, что потрясение постигло не только его. Угрюмость и несговорчивость, казавшиеся столь характерными, исчезли с лица офицера. Неуверенность, быть может, даже страх исказили его черты.

Капитан протянул ему руку, и Джек подумал, что должен отдать этот богато украшенный зуб, ведь Спиди говорил об этом, но тот лишь сомкнул его собственные пальцы вокруг лежащего на ладони предмета и отдернул руку.

– Иди за мной.

Они вернулись к воротам дворца. В тени, отбрасываемой парусиновыми палатками, лицо Капитана казалось нарисованным толстым розовым карандашом.

– Этот знак, – тихо спросил он, – где ты его взял?

– Мне его дал Спиди Паркер. Он сказал, чтобы я вас нашел и показал это.

Капитан покачал головой:

– Я не знаю этого имени. Отдай мне эту вещь сейчас же! – Он схватил Джека за ворот. – Отдай ее мне и рассказывай, где ты ее стащил.

– Но я сказал правду, – ответил Джек, – мне дал ее Лестер Спиди Паркер. Он работает в луна-парке. Но тогда это не был акулий зуб. Он давал мне гитарный медиатор.

– Мне кажется, ты не вполне понимаешь, что тебе грозит...

– Вы его *знаете*, – голос Джека стал умоляющим, – он описал вас. Он сказал, что вы Капитан королевской стражи. Я *должен* был вас найти.

Капитан снова покачал головой и еще сильнее притянул к себе Джека.

– Опиши его, но смотри: если будешь врать, тебе живым отсюда не уйти. Так что на твоём месте я бы рассказал всю правду.

– Спиди уже старый, – начал Джек. – Он музыкант...

Ему показалось, что человек что-то припоминает.

– Он черный, то есть у него черная кожа и седые волосы. Он очень худой, но на самом деле он намного сильнее, чем кажется.

– Черная кожа... Ты хочешь сказать, что у него *коричневая* кожа?

– Ну да. Ведь черные люди, они на самом деле не черные, как и белые на самом деле не белые.

– Коричневого человека зовут Паркер... – Капитан отпустил ворот Джека. – Здесь он называл себя Паркус. Так, значит, ты... – Он указал куда-то за горизонт.

– Ну да!

– И Паркус... Паркер... послал тебя встретиться с нашей Королевой.

– Он сказал, что я должен увидаться с Госпожой. И что вы можете мне помочь.

– Ты не мог это сказать сразу? Я знаю, что нужно делать, но нам нельзя терять ни минуты. А теперь слушай меня внимательно. Здесь очень много незаконнорожденных детей. Так вот запомни: ты мой внебрачный сын. Ты меня не слушаешься, и я зол на тебя. Я *думаю*, нас никто не остановит, если мы устроим небольшое представление перед воротами. Ну что? Сможешь? Сможешь всех убедить, что ты мой сын?

– Моя мама – актриса! – сказал Джек с гордостью.

– Ну что ж, посмотрим, чему ты у нее научился, – ответил Капитан и подмигнул ему. – Я постараюсь не причинить тебе боли.

Он снова схватил Джека за шиворот и поволок за собой.

– Вырывайся, – тихо прошептал он, затем, не глядя на него, сердито закричал: – Сколько раз тебе повторять: мой плиты на кухне, мой плиты на кухне! Ах ты дрянь! Ах ты негодный мальчишка! Ты слушаешь меня? Повторяю еще раз: *ты должен выполнять свою работу!* А если будешь отлынивать, я не знаю, что с тобой сделаю!

– Но я помыл несколько плит!.. – ныл Джек.

– Я не говорил тебе помыть *несколько* плит! – кричал Капитан. Люди расступались перед ними, некоторые с сочувствием смотрели на Джека.

– Но я как раз собирался вернуться и помыть остальные, честное слово...

Капитан с силой толкнул его, так что он кубарем полетел во двор, и прошел сам, даже не взглянув на охранников.

– Не надо, папа! – всю ревел Джек. – Мне больно!

– Ничего, сейчас ты еще получишь!

И он отвесил ему тяжелый подзатыльник. Пройдя таким образом через двор, они подошли к деревянным ступеням дворца.

– Теперь кричи, что исправился, – шепнул Капитан и повел его по длинному коридору, так сильно сжимая руку, что Джек испугался, не останутся ли синяки.

– Я больше не буду! Обещаю! – орал Джек во всю глотку.

Они повернули в другой, более узкий коридор. Дворец, как оказалось, вовсе не был шатром, просто полотнище было натянуто поверх здания. Внутри Джек увидел мозаичные галереи и маленькие комнатки.

– Поклянись! – орал Капитан.

– Клянусь, я исправлюсь!

Зайдя еще в один коридор, они повстречали несколько богато одетых людей – те повернули головы, пытаясь понять, откуда такой шум. Один из них, до этого отдававший приказания двум женщинам с простынями в руках, оглянулся и подозрительно осмотрел сначала Джека, потом Капитана.

– А я клянусь, что выколочу из тебя всю душу! – не унимался Капитан.

Люди в коридоре громко рассмеялись. На них были широкополые шляпы с лентами и бархатные туфли. Лица тупые и жадные. Мужчина, говоривший с девушками, одна из которых, похоже, была беременна, телосложением напоминал скелет. Его бегающие, напряженные глаза усталились на мальчика и офицера.

– Прошу, не надо! Ну пожалуйста!

– За каждое «не надо» – дополнительная порка.

Воздух в коридоре снова взорвался от смеха. «Скелет» обнажил зубы в холодной и острой как нож улыбке и вернулся к дамам.

Капитан втащил мальчика в пустую комнату, заставленную пыльной деревянной мебелью, и наконец-то отпустил его ноющую руку.

– Это были *его* люди, – прошептал он. – Какая жизнь нас ждет, если...

Он понурил голову и, казалось, забыл о спешке.

– В Библии сказано, что смиренные наследуют Землю. Но в этих людях нет ни капли смирения. Они отбирают все, что попадется им на глаза. Они хотят богатства, они хотят... – Он остановился на полуслове, не желая или не имея права сказать, чего еще хотят эти люди. Затем снова посмотрел на мальчика: – Нам нужно поторопиться. Здесь, во дворце, есть потайные ходы, о которых его людям неизвестно. – Он указал на деревянную стену.

Джек ничего не мог понять, пока Капитан не нажал на два ржавых гвоздя в углу пыльной панели. Она отъехала вбок, открывая темный узкий проход, напоминавший поставленный вертикально гроб.

– Отсюда ты сможешь только взглянуть на нее, но, я думаю, этого тебе будет достаточно. В любом случае это все, на что ты можешь рассчитывать.

Джек, следуя молчаливому указанию, вошел в коридор.

– Иди прямо, пока я не остановлю, – тихо сказал Капитан и вернул панель на место.

Джек в полной темноте пошел вперед, скользя руками по стенам. Через несколько шагов пространство впереди него неожиданно осветилось. Тонкий луч пробивался через трещину или окошко где-то высоко над головой. Джек уже давно потерял чувство направления и шел, лишь внимая голосу своего проводника. Его постоянно окружали какие-нибудь запахи. В одном месте он почувствовал аромат жареного мяса, в другом – зловоние сточных вод.

– Стой! – внезапно сказал Капитан. – Сейчас я тебя приподниму. Дай мне руку.

– И я смогу что-либо увидеть?

– Сейчас узнаешь.

Капитан схватил Джека под мышки и поднял его над головой.

– Там должен быть щиток, прямо перед тобой, – прошептал он. – Отодвинь его влево.

Джек слепо пошарил руками перед собой и нащупал тонкую деревянную пластинку. Она отодвинулась на удивление легко, и свет хлынул в непроглядную тьму тоннеля. Маленький лохматый паук поспешил убраться на потолок.

Джек увидел комнату размером с обычный гостиничный номер. Она была наполнена женщинами в белом и мебелью, такой резной и инкрустированной, какую он раньше видел только в музее. В центре стояла роскошная кровать. На ней, до плеч укрытая одеялом, спала или дремала...

Джек чуть не вскрикнул от потрясения и ужаса. На кровати лежала его мать! Это была его мама, и она умирала.

– Посмотри на нее, – шепнул Капитан и поднял его еще выше.

Джек и без этих слов не мог оторвать от нее глаз. Она умирала. Джек никак не мог в это поверить. Но даже цвет ее кожи, даже ее выцветшие волосы говорили об этом. Няньки суеились, постоянно поправляя простыни, зачем-то перекладывали книги на столе. Они проделывали это с деловым и целеустремленным видом, хотя явно не знали, что им нужно делать, как они могут помочь своей Госпоже и может ли ей вообще что-нибудь помочь. Они были бы счастливы, если б могли продлить ей жизнь на месяц или хотя бы на неделю.

Джек снова всмотрелся в восковое лицо лежавшей на кровати женщины и теперь понял, что ошибся. Это была не мама. Черты были мягче, профиль – более классическим.

Умиравшая женщина была двойником его матери. Это была Лаура де Луизиан. Джек не знал, что еще он должен увидеть. Бледное, неподвижное лицо ничего не выражало.

– Все, – шепнул он, задвигая щиток на место.

Капитан опустил его на пол. Вокруг вновь воцарилась темнота.

– Что с ней случилось?

– Этого не знает никто, – раздался голос за его спиной. – Королева не может видеть, не может двигаться, не может говорить...

Капитан на секунду замолчал, потом взял Джека за руку и сказал:

– Пора возвращаться.

Они снова очутились в пустой пыльной комнате. Капитан счистил липкие нити паутины с рукавов своего форменного сюртука. Все это время он не сводил глаз с готового расплакаться Джека.

– Теперь ты должен ответить на мой вопрос, – сказал он.

– Да?

– Тебя прислали сюда спасти ее? Спасти Королеву?

Джек кивнул:

– Не только, но и для этого тоже. Скажите мне одну вещь... – Он на мгновение замялся. – Почему эти скоты до сих пор не захватили власть в свои руки? Ведь она не может помешать им ничем?

Капитан улыбнулся, но это была невеселая улыбка.

– Зато я могу. И мои люди, – сказал он. – Конечно, они могут пройти через внешние посты. Ты сам видел, какая там охрана, но здесь, около Королевы, мои гвардейцы. – Щека на не тронутой шрамом половине лица едва заметно дернулась. Пальцы рук, сплетенные в замок, были крепко сжаты. – Так, стало быть, твоя задача... Ты ведь должен идти на запад, верно?

Джек почувствовал, как напряжен этот человек, сдерживающий растущее волнение только благодаря выработанной за долгие годы привычке держать себя в руках.

– Да, я иду на запад. Как вы думаете, это правильно? Мне нужно идти к другой «Альгамбре»?

– Не знаю, не знаю!.. – пробормотал Капитан, отступая назад. – Но только тебе следовало бы поскорее убраться отсюда. Я не могу тебе ничего посоветовать. – Джек заметил, что Капитан больше не смотрит ему в глаза. – Ты не можешь оставаться здесь ни минутой дольше. Постарайся исчезнуть до того, как объявится Морган.

– МОРГАН??? – Джек решил, что ослышался. – Морган Слоут? Он будет здесь?!

Глава 7

Капитан Фаррен

1

Капитан сделал вид, что не расслышал вопроса. Он сосредоточенно смотрел в угол пустой, заброшенной комнаты, словно пытаясь что-то там отыскать. Он надолго задумался. Джек вспомнил: дядя Томми учил его, что прерывать думающего человека так же невежливо, как и говорящего. Но «...остерегайся этого Блоута. И его двойника тоже... Обойдется с тобой, как лиса с гусем».

Когда Спиди говорил это, Джек думал совсем о другом – о Талисмане, о Королеве, о человеке со шрамом. Теперь эти слова всплыли в его памяти. Они как будто ударили его.

– Тот человек, о котором вы говорите, – спросил он Капитана, – как он выглядит?

– Морган? – Капитан очнулся от своих мыслей.

– Он толстый? У него есть лысина? Когда он сердится, он ходит вот так?

Используя свой природный дар к подражанию – дар, который всегда веселил его отца, даже если тот был уставший или в плохом настроении, – Джек изобразил Моргана Слоута. Его лицо сразу стало старым, брови сомкнулись в одну линию, как у дяди Моргана, когда тот был чем-то недоволен. Джек надул щеки и втянул голову, чтобы изобразить двойной подбородок. Губы вывернулись наружу, как у рыбы, глаза быстро забегали.

– Похоже?

– Нет, – ответил Капитан, но Джеку показалось, что он пытается что-то вспомнить. Выражение его лица стало таким же, как в ту минуту, когда Джек рассказывал ему про Спиди Паркера. – Морган высокий. У него длинные волосы. – Капитан провел пальцем чуть ниже своего правого плеча, чтобы показать, какой они длины. – И еще он хромой. Одна нога у него искалечена. Он ходит с тростью, но... – Он пожал плечами.

– Но когда я его показывал, у вас было такое лицо, как будто вы узнали его!

– Тихо. Не надо так громко кричать.

Джек понизил голос:

– Мне кажется, я знаю, кто этот парень, – сказал он и сам испугался своей нелепой мысли... Он даже был не в состоянии сразу сказать то, о чем подумал.

Дядя Морган здесь? Боже!

– Морган – это Морган. Не говори глупостей, мальчик. Пойдем отсюда! – Его необъятная рука снова схватила Джека за шиворот. Джек приготовился сопротивляться.

Паркер стал Паркусом, а Морган... слишком много совпадений.

– Скажите, – другой вопрос завладел его сознанием, – у нее есть сын?

– У Королевы?

– Да.

– У нее был сын, – неохотно ответил Капитан. – Был. Пойдем скорее.

– Расскажите мне о нем!

– Тут не о чем рассказывать. Ребенок умер в младенчестве. Ему не было и шести недель. Говорят, что это один из людей Моргана – Осмонд – задушил его. Но скорее всего это только слухи. Мне не нравится Морган, однако все знают, что каждый двенадцатый ребенок умирает в колыбели. И никто не может сказать, от чего они умерли. Пути Господни неисповедимы. Даже дитя Королевы не застраховано от Судьбы... Мальчик, что с тобой?

Комната поплыла у Джека перед глазами. Он упал. Поднимавшие его сильные руки Капитана показались Джеку мягче пуховых подушек.

Он должен был умереть в младенчестве!

Мать рассказывала, как нашла его в кроватке без признаков жизни – с синими губами, с почти прозрачными, зеленоватыми щеками. Она рассказывала, как бежала с ним, громко крича от ужаса, в гостиную, где пьяные отец и Слоут смотрели телевизионный матч по реслингу. Отец вырвал его из ее рук, пальцами левой руки зажал ему ноздри. (Мать вспоминала, весело смеясь, что нос у Джека потом целый месяц был синий.) Он принялся делать искусственное дыхание, в то время как Морган носился вокруг, постоянно повторяя: *Это ему не поможет, Фил, это ему не поможет.*

(«Наверное, дядя Морган был тогда очень смешной?» – спросил он маму. «Да, смешной», – ответила она с невеселой улыбкой и достала очередную сигарету, хотя предыдущая еще дымилась в пепельнице.)

– Мальчик... – Капитан так сильно встряхнул его, что в шее хрустнуло. – Мальчик! Очнись! Не пугай меня...

– Все нормально, – услышал Джек свой голос откуда-то издалека, словно говорил не он, а диктор из телевизора. – Все нормально, отпустите меня. Я сейчас приду в себя.

Капитан перестал его трясти, но смотрел на него с волнением.

– О'кей, – сказал Джек и со всей силы шлепнул себя по щеке. – Ой!

Слова снова растворились где-то в недостижимой высоте.

Он должен был умереть младенцем. В квартире, из которой они вскоре переехали и которую он помнил очень смутно. Мама называла ее Дворцом радужных мечтаний, потому что из окна гостиной открывался удивительный вид на Голливуд-Хиллз.

Он должен был умереть в своей кроватке, пока отец со Слоутом пили вино. Когда много пьешь, часто ходишь в туалет, а добраться до него из гостиной можно было только через комнату, где лежал он, маленький Джек Сойер.

Да, скорее всего это так и было. Дядя Слоут поднялся, глупо улыбнулся и промышчал что-то вроде: «Одну секунду, Фил. Я сейчас схожу в одно место». Отец даже не посмотрел в его сторону, потому что в это время на экране Кэлхоун уже почти поборол Спиннера или Слиппера, в общем, что-то в этом духе. Слоут вышел из освещенной мерцающим светом экрана гостиной и вошел в полумрак детской, где маленький Джек Сойер тихо сопел, завернутый в сухие пеленки, теплый и спокойный. Он увидел дядю Моргана, аккуратно прикрывающего за собой дверь. Тот подошел к кроватке и, суюкая, показал ему «козу». Потом взял подушку с кресла, где обычно сидела Лили, и, придерживая одной рукой маленькую головку, другой с силой придавил подушку к лицу мальчика. Постояв так с полминуты, дядя Морган положил подушку на место и отправился в уборную.

Если бы тогда не пришла мама?!

Холодный пот прошиб его с ног до головы.

Так ли все было? Вполне возможно. Сердце подсказывало, что он не ошибается. Очень странное совпадение.

В возрасте шести недель умер сын Лауры де Луизиан, Королевы Долин.

И в возрасте шести недель *едва не умер* в своей колыбели сын Филиппа и Лили Сойер.

И в обоих случаях Морган Слоут был рядом!

Мама всегда заканчивала рассказ веселым воспоминанием, как Фил Сойер разбил телефон, пытаясь вызвать неотложку, после того как Джеки снова начал дышать.

Очень смешно? Конечно!..

2

– Теперь пойдем, – сказал Капитан.

– Хорошо, – ответил Джек. Он все еще чувствовал себя слабым и беспомощным. – Хорошо, пой...

– *Ти-ш-ш!* – Капитан прислушался к звукам приближавшихся голосов. Стена справа от них была не из дерева, а из тяжелого брезента. Она заканчивалась в нескольких дюймах от пола, так что Джек мог видеть башмаки проходивших мимо. Он сосчитал – пять пар ног. Солдаты.

Из общего гомона донесся обрывок фразы:

– ...не знал, что у него *есть* сын...

Другой голос ответил:

– Яблоко от яблони недалеко падает! Всем известно, что он и сам незаконнорожденный...

Ответом на это был жуткий хохот. Джек слышал подобный хохот в школе, когда старшие мальчики обзывали младших непонятными, но очень обидными словами вроде «педик» или «марафетчик». Каждое из таких гнусных слов сопровождалось взрывами звериного гогота, очень похожего на этот.

– Тихо! – вмешался третий голос. – Заткнитесь! Если *он* услышит, мы вылетим отсюда, чихнуть не успеешь!

Шушуканье.

Снова гоготанье.

Еще одна шутка, на этот раз непристойная. Хозяева башмаков просто давились от смеха. Через несколько секунд раздалось дружное шарканье.

Джек взглянул на Капитана, который все еще смотрел, закусив губы, в пространство под стеной. Без лишних слов было ясно, о ком они говорили. А если они говорили, то вполне мог найтись и тот, кто слушал... И он мог догадаться, кто такой этот неизвестно откуда взявшийся сын. Это было ясно даже ребенку, такому, как он.

– Ты слышал? – спросил наконец Капитан. – Теперь ты понимаешь, почему нам *нельзя* здесь оставаться?

Он, казалось, вновь собирался встряхнуть Джека, но не отважился.

– *Так, значит, твоя задача... идти на запад, верно?*

«Он изменился, – подумал Джек. – Он уже дважды изменился». Первый раз, когда Джек показал ему зуб акулы, который был медиатором в том мире, где по дорогам ездят многотонные грузовики, а не запряженные лошадьми повозки. И второй раз, когда Джек сказал, что идет на запад. Тогда вместо угроз он предложил свою помощь, вот только в чем? А потом...

Не знаю, не знаю... Ничего не могу тебе посоветовать.

А потом его охватил страх перед чем-то. Даже не страх – ужас.

Наверное, он хочет, чтобы мы поскорее ушли, потому что боится, что нас поймут. Вот и все. Он боится меня. Боится, подумал Джек.

– Пойдем, – сказал Капитан. – Пойдем, ради Иосии!

– Ради *кого?* – спросил Джек, окончательно сбитый с толку, но Капитан не ответил, он уже подталкивал Джека к двери. Потом резко повернул влево и потащил Джека по коридору, деревянному с одной стороны и брезентовому, пахнущему плесенью – с другой.

– Но сюда мы шли по-другому? – удивился Джек.

– Нам нельзя больше показываться на глаза тем людям, – шепнул в ответ Капитан. – Это люди Моргана. Помнишь того худого? Кожа да кости?

– Да. – Джек вспомнил холодную улыбку, колющий взгляд стеклянных глаз. Глаза всех остальных не выражали ничего, но у этого... У этого взгляд был тяжелый, безумный. И еще: он был знаком Джеку.

– Осмонд, – сказал Капитан, поворачивая направо.

Запах жареного мяса стал намного сильнее: теперь воздух был просто пропитан им. Джеку никогда в жизни так сильно не хотелось мяса, как сейчас. Он был напуган, издерган, он устал... Но рот до краев наполнился слюной.

– Осмонд – правая рука Моргана, – объяснил Капитан. – Он слишком хорошо видит, и я не хотел бы, чтобы он увидел *тебя* еще раз.

– Что вы имеете в виду?

– *Тссс!* – Капитан еще сильнее сжал и без того онемевшую руку Джека. Они проходили мимо широкой двери, скрытой за занавеской. Сплетенная из джутовых веревок, широкая и грубая, она была похожа на сеть. Даже кольца, на которых она висела, были не металлическими, а костяными.

– Теперь *кричи!* – выдохнул Капитан Джеку в ухо.

Он отодвинул занавеску и втолкнул Джека в огромную кухню, благоухающую сотней ароматов (запах мяса преобладал) и наполненную дымом и паром. Джек увидел огнедышащие пасти жаровен, каменные столбы дымоходов, женские лица под белыми колышущимися косынками. Несколько из них склонились над длинным железным корытом на деревянных подпорках и терли горшки, кастрюли и прочую кухонную утварь. Их лица были красными и мокрыми от пота. Другие стояли у длинного стола, протянувшегося из одного конца кухни в другой, и чистили, разделявали, резали, шинковали. Одна женщина ставила в духовку пироги. Все они уставились на Джека и Капитана.

– И чтобы это было в последний раз! – взорвался Капитан, тряся Джека, как кот трясет мышь, в то же время не переставая толкать его через всю кухню к дверям в противоположной стене. – Последний раз, слышишь меня! Если ты еще раз когда-нибудь не сделаешь то, что тебе велено, я спущу с тебя шкуру и сделаю отбивную!

Шепотом Капитан добавил:

– Они все запомнят и про все разболтают, так что кричи, *кричи громче!*

И в миг, когда Капитан со шрамом волок его через жаркую кухню за воротник и руку, Джека посетило ужасное видение. Он увидел свою мать, лежащую на смертном одре, накрытую белой прозрачной тканью. Она лежала в гробу, одетая, как героиня фильма «Сдают тормоза»; ее лицо все четче и четче вырисовывалось в сознании Джека, и он заметил, что в ушах у нее – тонкие позолоченные сережки, которые он подарил ей к Рождеству два года назад. Потом лицо изменилось, подбородок округлился, а нос заострился, волосы приобрели более светлый оттенок и стали волнистыми. Теперь в гробу лежала Лаура де Луизиан. И сам гроб уже не был обычным траурным ложем. Он напоминал старинную деревянную домовину викингов (на самом деле Джек не имел понятия о том, как выглядит домовина и как викинги хоронили своих покойников). Такой гроб легче было представить окруженным множеством факелов, чем зарытым в землю.

Лаура де Луизиан была одета в белое платье его мамы, платье из фильма «Сдают тормоза». И в ушах у нее были сережки, те самые, которые дядя Томми помогал ему выбрать в магазине в «Бeverли-Хиллз».

Внезапно слезы горячим и плотным потоком залили его лицо – самые настоящие, непритворные слезы. Он плакал не только по матери, но по обеим ушедшим женщинам, умершим в разных концах Вселенной, но связанных невидимой нитью, которой никогда не суждено порваться.

Сквозь слезы он разглядел высокую мужскую фигуру в белом. Фигура двигалась прямо к нему. На голове у мужчины вместо шляпы был завязан красный платок. Джек решил, что платок – нечто вроде знака отличия главного повара от остальных. Повар опасно размахивал деревянной трезубой вилкой.

– *Фон отсюда!* – кричал он. Голос повара звучал как из огромной пустой бочки. Это был голос бездельника, который учит жить работяг.

Женщины крутились вокруг него и кудахтали словно курицы. Та, что ставила пироги, уронила один из них на пол, издав при этом пронзительный вопль. Клубничное варенье растеклось по полу, яркое и красное, как кровь.

– *Фон ис моей кухня! Слисняки! Это фам не прохотной тфор! Это есть моя кухня, и если фы не ф состояниши это понять, я расорфу фаши сатнитсы!*

Он потряс перед ними вилкой, ужасно вращая глазами. Капитан убрал руку с ворота Джека и плавно, как ему показалось, вынес ее вперед. Миг спустя двухметровая громада повара валялась на полу, а вилка отлетела в лужу клубничного варенья. Повар вертелся на полу, схватившись за правый бок, и завывал своим раскатистым голосом: он умер, Капитан его убил («упил», как это звучало в его выговоре: у повара был сильный «тефтонский» акцент), а если ему и удастся выжить, то все равно он навеки останется убогим – жестокий и бессердечный Капитан королевской стражи сломал ему правую руку, покалечив на всю жизнь и обрекая его на нищенское существование, Капитан причинил ему ужасную боль, невероятную и невыносимую...

– *Заткнись!* – не выдержал Капитан, и повар заткнулся. Он лежал на полу, как дитя-переросток, правой рукой прикрыв лицо; красный платок съехал набок, обнажив маленькую жемчужину в ухе; толстые щеки нервно подрагивали.

Женщины вертелись и кудахтали вокруг своего поверженного начальника, великана-людоеда, побежденного Капитаном в душной пещере, где они томились много дней и ночей.

Джек, все еще не переставший плакать, поймал взгляд черного (*коричневого!*) мальчика, стоявшего около огромного стола. Его рот был приоткрыт в потешном изумлении, в руках покачивалась берцовая кость коровы или быка. Лицо негритенка казалось багровым в мерцании раскаленных углей жаровни.

– А теперь послушай, что я тебе скажу, – сказал Капитан, склонившись над лежащим поваром так, что их носы почти соприкасались. Все это время его хватка на руке Джека, уже ничего не чувствующей, не ослаблялась ни на миг. – Этого ты не найдешь в Библии. *Никогда больше*, понял? Никогда больше не нападай на человека с ножом, или с вилкой, или с чем угодно, что может убить! Я понимаю, у тебя такой характер. Но никакой характер не дает тебе права нападать на Капитана королевской стражи! Усвоил?

Повар слезливо промычал что-то воинственное. Его акцент стал еще ужаснее, но Джек явственно услышал что-то про мать Капитана.

– Может быть, – ответил тот как можно спокойнее. – Я ничего не знаю о своей матери. Но ты не ответил на мой вопрос.

Он пнул повара сапогом. Пинок был легким, но жертва завопила во всю глотку, как будто Капитан отбил ему все потроха. Женское кудахтанье возобновилось с новой силой.

– Итак, капитаны и повара больше не в обиде друг на друга? Если что, я могу объяснить еще нагляднее...

– Не в обиде! Не в обиде! Не в обиде!

– Ну вот и прекрасно! Потому что у меня сегодня немало дел более важных, чем обучение тебя хорошим манерам. – Он потрепал Джека по голове. – Не правда ли, мальчик? – И Капитан так сильно сжал ему руку, что Джек не выдержал и громко вскрикнул. – Я думаю, это все, что он может сказать! Простак!

Капитан обвел кухню взглядом.

– Счастливо, кумушки! Бог вам в помощь!

– И вам того же, добрый господин, – ответила старшая из поварих и сделала неуклюжий реверанс. Остальные последовали ее примеру.

Капитан потащил Джека дальше. От внезапного рывка тот упал и сильно ударился о край железного корыта. Горячая вода выплеснулась наружу и обожгла ему руку. *А ведь эти женщины всегда имеют дело с кипятком, подумал Джек. Как они выдерживают?*

Капитан втащил его еще в одну дверь за такой же занавеской, как и предыдущая.

– Фу! – скривился он. – Ну и вонь!

Налево, направо, опять направо. Джек почувствовал, что они проходят вдоль внешних стен дворца. Через несколько минут они вновь оказались на улице. Яркое полуденное солнце после полумрака коридоров ослепило Джека, и он зажмурился от резкой боли в глазах.

Капитан шел и шел не останавливаясь. Грязь хлюпала и чавкала под ногами. Пахло сеном, лошадьми и навозом. Джек открыл глаза и увидел справа деревянное строение, похожее на конюшню или амбар. Где-то невдалеке весело попискивали цыплята.

Худой человек, совершенно голый, если не считать грязной набедренной повязки и рваных сандалий, забрасывал сено в открытое стойло, ловко орудуя деревянными вилами. В стойле стояла лошадь размером ненамного больше шотландского пони и угрюмо глазела на мир четырьмя большими глазами.

Они отошли уже достаточно далеко, когда Джек наконец-то сообразил, что же он увидел: у лошади было две головы!

– Эй! – воскликнул он. – Давайте вернемся на минутку! У этой...

– Некогда!

– Но у этой лошади...

– Некогда! – отрезал Капитан. – И если я еще хоть раз застаю тебя валяющимся на травке, – прокричал он, – пока вся работа не сделана, ты уже не отделаешься простой поркой!

– Не надо! – взмолился Джек. Ему показалось, что спектакль заходит уже слишком далеко. – Не надо, я прошу. Я ведь обещал исправиться!

Прямо над их головами возвышались широкие деревянные ворота, едва заметные в такой же деревянной стене. Они были сделаны из цельных стволов – даже кора местами не была снята; эти ворота напомнили Джеку один из вестернов, в котором снималась мама. В ворота были вделаны огромные петли, но засова, который они должны были держать, на месте не было. Он был прислонен к забору, толстый, как железнодорожная шпала. Еще не утраченная до конца способность ориентироваться подсказала Джеку, что они прошли дворец насквозь и оказались в дальнем конце двора.

– Слава Богу, – сказал Капитан спокойным голосом, – теперь...

– Капитан! – окликнул голос сзади. Голос был тихий, спокойный, завораживающий и обманчивый. Капитан застыл как вкопанный, он как раз открывал левую створку ворот. Было впечатление, будто позвавший его нарочно стоял и ждал именно этого момента.

– Может быть, ты все-таки познакомишь меня со своим... гм... сыном?

Капитан обернулся. Джек сделал то же самое. Посреди загона для коров возвышалась нелепая скелетообразная фигура. Тот самый человек, которого больше всего боялся Капитан, – Осмонд. Он смотрел на них своими серыми печальными глазами. Что-то неуловимое шевелилось в их бездонной глубине, навевая страх и насквозь пронизывая душу. *Он сумасшедший, промелькнуло в голове Джека. Кочан капусты вместо головы!*

Осмонд сделал два осторожных шага навстречу. В левой руке он держал плетку для скота из сыромятной кожи. Ручка слегка сужалась на конце; податливые жилы были несколько раз обернуты вокруг нее. Другой конец был гладким и толстым. Плетка была похожа на одеревеневшую гремучую змею. Каждая из дюжины свешивавшихся с тонкого конца плетки кожаных косичек оканчивалась блестящим металлическим кольцом.

Осмонд тряхнул плеткой, и косички медленно закачались. Раздался сухой перезвон колечек.

– Познакомь меня с сыном, – повторил Осмонд и сделал еще шаг.

Джек внезапно понял, почему этот человек в первый раз показался ему таким знакомым. Он вспомнил тот день, когда его едва не похитили. Сейчас на Осмонде не было ни черных очков, ни белого костюма, но...

3

Капитан сжал руки в кулаки и, поколебавшись один миг, выступил вперед. Джек последовал за ним.

– Мой сын Льюис, – коротко произнес Капитан. Джек поклонился. Сердце его билось.

– Благодарю вас, Капитан. Благодарю тебя, Льюис. Да падет на вас благословение Королевы.

Осмонд похлопал Джека по плечу концом плетки, и Джек едва не вскрикнул.

Осмонд был теперь всего лишь в паре шагов от Джека. Он пристально глядел на него своим безумным, тоскливым взглядом. На нем была кожаная куртка с застежками из стекла, а может быть, и из алмазов, и щегольская кружевная рубашка. Металлическая цепочка браслета побрякивала на правом запястье: по тому, как Осмонд держал плетку, Джек решил, что он левша. Волосы его были зачесаны назад и прихвачены широкой лентой из белого сатина. Осмонда сопровождали два запаха. Первый, посильнее, был из тех, которые мать Джека называла «запахом настоящих мужчин»: смесь крема для бритья, одеколona и тому подобного. От Осмонда всем этим пахло невероятно сильно, и Джеку вспомнились старые черно-белые английские фильмы, где какой-нибудь бедняк попадал на скамью подсудимых. Судьи и присяжные в таких фильмах носили парики, и Джеку казалось, что коробки, из которых их доставали, должны пахнуть именно так, резко и приторно. Но был и второй запах, более житейский и менее приятный, даже отталкивающий. Запах пота и грязи. Запах человека, который моется очень редко, если только моется вообще.

Да, это был один из тех злодеев, которые пытались похитить его. В животе Джека что-то заворочалось и застонало.

– Я не знал, что у тебя есть сын, Капитан Фаррен, – сказал Осмонд, не сводя глаз с перепуганного лица Джека. *Льюис, меня зовут Льюис*, подумал тот. *Не перепутать бы!*

– Лучше бы у меня его не было! – ответил Капитан, глядя на Джека со злобой и ненавистью. – Я оказал ему такую честь, с таким трудом пристроил его во дворец, а он сбежал, как паршивый пес. Я нашел его в...

– Да-да... – сказал Осмонд, улыбаясь застывшей улыбкой. *Он не верит ни единому слову!* – понял Джек. – Да-да. Мальчики все такие. Все дрянные. Так уж повелось. Все мальчишки дрянные, верно? Так уж оно ведется. Все мальчишки дрянные. И я был дрянным, и ты, я уверен, тоже, Капитан Фаррен. Я угадал? Ты был дрянным?

– Да, Осмонд, – сказал Капитан.

– Совсем дрянным? – не унимался Осмонд. Он начал даже пританцовывать в грязи. В этом еще не было ничего непонятного, Осмонд был гибок и почти нежен в движениях, но Джеку он не казался гомосексуалистом: если в его речи и были какие-то проявления этого, Джек ощущал, что они были наиграны. Нет, ясно было одно – злоба этого человека... и его безумие. – *Совсем дрянным? Ужасно дрянным?*

– Да, Осмонд, – металлическим голосом сказал Капитан.

Осмонд прекратил свой танец так же внезапно, как начал. Он холодно глядел на Капитана.

– *Никто* и не знал, что у тебя есть сын, Капитан.

– Он незаконнорожденный, – ответил Капитан. – К тому же простак и лодырь, как выяснилось. – Капитан обернулся и отвесил Джеку тяжелую затрещину. Капитан бил не изо всех сил, но рука у него была тяжела, как камень. Джек взвыл и упал в грязь, потирая ухо.

– *Совсем* дрянной. Просто *отвратительный*, – сказал Осмонд, только теперь лицо его было мертвенно-белым, оскаленным. – Встань, дрянной мальчишка. Дрянных мальчишек, которые не слушаются своих отцов, надо наказывать. А еще их надо расспрашивать, почему они так себя ведут.

Осмонд тряхнул плеткой – колечки издали сухой звук. Еще одно странное воспоминание родилось в сознании Джека, наверное, из-за того, что любимыми путями оно хотело восстановить связь с домом, с привычным миром, решил Джек позднее. Стук колец плетки Осмонда напомнил ему звук выстрела из духового ружья, которое ему подарили, когда ему исполнилось восемь лет. Ему и Ричарду Слоуту.

Осмонд протянул руку и схватил Джека за грязное плечо. Он притянул его к себе, обдав смесью запахов парфюмерии и помойки. Его дикие серые глаза вперились в голубые глаза Джека. Джек почувствовал, как у него подкосились ноги.

– Кто ты такой? – спросил Осмонд.

4

Эти слова повисли в воздухе.

Джек посмотрел на Капитана. Тот глядел на него с выражением осуждения, которое не могло скрыть отчаяния. Он слышал, как кудахчут куры, как лает собака. Где-то вдали прогрехотала телега.

Скажи мне всю правду. Меня не обманешь, говорили глаза Осмонда. *Ты похож на одного дрянного мальчишку, которого я видел в Калифорнии. Ты – он?*

И у Джека чуть не сорвалось с губ:

Да! Да, я Джек Соьер, я из Калифорнии, ваша Королева – моя мать, только она умерла, и я знаю вашего хозяина, Моргана – дядю Моргана, и я все расскажу, только не надо смотреть на меня такими глазами, ведь я всего лишь ребенок, а дети все говорят, они все рассказывают...

И тут он услышал голос матери, строгий, на грани насмешки:

И ты все выложишь этому парню? Этому? От него воняет, как от уборной, и он похож на средневекового Чарльза Мэнсона... Но думай сам, решай сам. Ты можешь надуть его, если захочешь, без труда. Но решай сам!

– Кто ты такой? – повторил Осмонд, притянув его еще ближе к себе, и на его лице Джек читал полную уверенность в себе. Он привык вытягивать ответы из людей, а уж из двенадцатилетних детей – и подавно.

Джек набрал полные легкие воздуха (*Если хочешь получить самую большую громкость, чтобы даже на последних рядах галерки тебя было слышно, работай диафрагмой. Весь воздух выходит из диафрагмы через связки*) и заорал:

– **Я УЖЕ САМ УХОДИЛ! КЛЯНУСЬ БОГОМ!**

Осмонд, наклонившийся еще ближе в ожидании сломленного, сдавленного шепота, отшатнулся, будто Джек вырвался и ударил его. Он выхватил свою плетку и потряс ею. Он наступил на концы своей плети и чуть было не оборвал их.

– **Я УЖЕ СОБИРАЛСЯ УХОДИТЬ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БЕЙ МЕНЯ, ОСМОНД! Я УЖЕ УХОДИЛ! Я НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА, НИКОГДА, НИКОГДА...**

– Проклятый маленький...

Капитан Фаррен шагнул вперед и ударил Джека в спину. Джек снова растянулся в грязи, не переставая при этом кричать.

– Я же говорил, что он придурочный, – услышал он слова Капитана. – Я приношу свои извинения, Осмонд. Будь уверен, я всыплю ему по первое число. Он...

– *Что он делает здесь, во дворце?* – взвизгнул Осмонд. Голос его стал высоким и пронзительным, как у торговки. – Что твоему сопливному выродку здесь надо? Покажи-ка мне его пропуск! Я знаю, у него нет пропуска! Ты пристроил его к столу Королевы, чтобы он стащил для тебя ее столовое серебро! Я знаю!.. *Дрянной* мальчишка... с первого взгляда ясно, что он ужасно, невыносимо, нестерпимо *дрянной*!

Каждый раз при слове «дрянной» плетка Осмонда со всей силы хлестала Джека по спине, по плечам, по чему попало. Джек не имел понятия, сколько же будет длиться эта порка, – Осмонд все больше распалялся, но вдруг раздался новый голос:

– Осмонд! Осмонд! Вот ты где! Слава Богу!

Послышался топот ног.

Голос Осмонда, срывающийся и захлебывающийся:

– Ну? Что? Что случилось?

Чья-то рука помогла Джеку встать. Джек не мог поверить, что Капитан, такой строгий и резкий во время их путешествия по дворцу, стал теперь таким заботливым.

Джек покачнулся. Все плыло перед его глазами. Горячие струйки крови стекали по шее. Он взглянул на Осмонда, не скрывая ненависти, – самое приятное чувство, которое он сейчас испытывал.

Ты сделал мне больно? Что ж, танцор, мы еще поквитаемся!

– Ты в порядке? – спросил Капитан.

– Вроде бы...

– Ну что? *Что нужно?* – кричал Осмонд подбежавшим людям, оторвавшим его от любимого занятия.

Первый из них был одним из тех франтов, которых Джек и Капитан встретили по пути в тайную комнату. Второй напоминал кучера, которого Джек встретил сразу по возвращении в Долины. Этот второй выглядел ужасно напуганным и был к тому же ранен – кровь струилась из его левого виска, заливая пол-лица. Левая рука бессильно висела; камзол был порван.

– *Что вам нужно, кретины?*

– Мой фургон перевернулся у деревни Сторонки, – проговорил кучер. Он говорил медленно и глухо, как человек, глубоко потрясенный. – Мой сын... О господин, мой сын умер: его раздавило бочками. Ему только что исполнилось шестнадцать. Не знаю, что будет с матерью...

– *Что?* – вскричал Осмонд. – Бочки? С элем? Не королевским, надеюсь? *Только не говори мне, что ты перевернул целый фургон королевского эля, ты, хрен собачий! Ты ведь не это хочешь сказать, а? Дерьмо-о!*

Голос Осмонда повышался с каждым словом, словно тот изображал из себя оперного певца. Он дрожал и срывался. Внезапно Осмонд снова начал пританцовывать, но уже от ярости. Движения его были такими причудливыми, что Джеку пришлось зажать рот руками, чтобы сдержать неуместный смех. Ворот рубашки, поднявшись вслед за руками, коснулся его пораненной шеи, и это отрезвило его еще до того, как Капитан сделал предостерегающий жест.

Так как Осмонд, судя по его поведению, пропустил самое главное, кучер начал снова:

– Ему было всего шестнадцать... Мать не хотела отпускать его со мной. Я не знаю, что будет с матерью...

Осмонд занес свою плетку и с ослепительной быстротой нанес удар. Раздался звук, больше похожий на выстрел игрушечного пистолета. Взвизгнув, кучер отступил на шаг, закрыв лицо руками. Свежая кровь потекла сквозь его грязные пальцы. Он упал, повторяя: «*О Боже! О Боже!*»

– Уйдем отсюда! – взмолился Джек.

– Подожди! – сказал Капитан. Казалось, угрюмость покинула его лицо и в глазах засветился лучик надежды.

Осмонд в ярости повернулся к франту, который стоял в стороне, шевеля губами.

– Это был королевский эль?

– Осмонд, ты не должен вести себя так...

Осмонд выбросил вперед левую руку. Колечки щелкнули вокруг башмака франта. Тот отступил на шаг назад.

– Не учи меня, как мне себя вести! Отвечай на вопросы! Я просто взбешен, Стивен. Я невыносимо, нестерпимо взбешен! Это был королевский эль?

– Да, – ответил Стивен. – Мне неприятно говорить, но...

– На Подъездной дороге?

– Осмонд!

– *На Подъездной дороге, я спрашиваю, ты, учитель хренов?*

– Да, – выдавил Стивен.

– Ну конечно, – сказал Осмонд, и его лицо расплзлось в зловещей ухмылке. – Где же стоит деревня Сторонки, как не на Подъездной дороге? Разве деревня может летать? Или не может? Может ли деревня перелететь с одной дороги на другую, Стивен? Может? Или нет?

– Не может, Осмонд.

– Не может. А бочки, которые разбросаны теперь по всей Подъездной дороге? А? Хорошо ли, что Подъездная дорога завалена бочками и перевернутыми фургонами, а лучший во всех Долинах эль уходит в землю к червям? Это хорошо?

– Нет... Но...

– *Морган едет по Подъездной дороге!* – прокричал Осмонд. – *Морган едет, а вы же знаете, как он гонит коней!* Если он наедет на все это безобразие, его возница просто не успеет остановиться! *Он перевернется! Он погибнет!*

– О Господи! – выдохнул Стивен. Его бледное лицо совсем побелело.

Осмонд кивнул:

– Пожалуй, если карета Моргана перевернется, нам стоит молиться о его смерти, а не о выздоровлении.

– Но... но...

Осмонд отвернулся от Стивена и подбежал к Капитану королевской стражи с его «сыном». Несчастный кучер все еще корчился в грязи позади Осмонда, бормоча: «*О Боже!*»

Глаза Осмонда скользнули по Джеку, как если бы его здесь не было.

– Капитан Фаррен, – сказал Осмонд, – вы запомнили события последних пяти минут?

– Да, Осмонд.

– Вы уверены? Вы *хорошо* их запомнили? Вы запомнили их в точности?

– Да, я так думаю.

– Вы думаете? Какой вы отличный Капитан! Мы еще поговорим о том, как такой замечательный Капитан смог произвести на свет такое лягушачье яйцо вместо сына. – Он холодно и быстро посмотрел на Джека. – Но сейчас у нас нет времени для этого, не так ли? Я посоветовал бы вам взять дюжину самых шустрых из ваших людей и двойным, нет, *тройным* аллюром отправить их на Подъездную дорогу. Вы сможете найти дорогу по запаху?

– Да, Осмонд.

Осмонд поглядел на небо.

– Морган обещал прибыть в шесть. Может быть, немного раньше. Сейчас два. По моему. А по-вашему, Капитан?

– Два, Осмонд.

– А ты что скажешь, маленький кретин? Тринадцать? Двадцать три? Восемьдесят один час?

Джек сглотнул слюну. Осмонд скривил страшную рожу, и Джек почувствовал, как волна ненависти снова приливает к его сердцу.

Ты сделал мне больно, но мы еще поквитаемся!..

Осмонд снова перевел взгляд на Капитана:

– Я советую вам спасти все бочки, которые еще целы. После пяти просто убирайте дорогу так быстро, как только сможете. Вам ясно?

– Да, Осмонд.

– Тогда вон отсюда!

Капитан Фаррен поднес кулак ко лбу и поклонился. Глупо улыбаясь, все еще ненавидя Осмонда до боли в голове, Джек последовал за ним. Осмонд отвернулся от них, не успев Капитан отдать честь. Он направился к кучеру, похлопывая по сапогу плеткой, звуки при этом раздавались такие, будто стреляли из духового ружья. Кучер дико закричал.

– Идем, – потянул Капитан Джека за руку в последний раз. – Нечего тебе на это смотреть.

– Да, пойдем, – выдавил Джек.

Но пока Капитан Фаррен не открыл правую створку ворот и они не выбрались из дворца, Джек слышал все, и он слышал это во сне в ту ночь: свист ударов, один за другим, вскрики обреченного кучера. И странный звук, издаваемый Осмондом. Человек кричал, задыхался, трудно было определить, что это за звук, не глядя в лицо Осмонда, а этого Джек не хотел.

Но он был уверен, что знает, что это за звук.

Осмонд смеялся.

5

Теперь они были на площади перед дворцом. Прохожие бросали на Капитана Фаррена косые взгляды и отходили. Капитан шел быстрым, размашистым шагом. Лицо его было мрачным. Джек бежал следом за ним, стараясь не отставать.

– Нам повезло, – внезапно сказал Капитан. – Нам чертовски повезло. Похоже, он собирался убить тебя.

Джек кивнул:

– Он же сумасшедший. Как бешеный пес.

Джек не видел бешеных псов, но в том, что Осмонд – сумасшедший, был уверен.

– Стой здесь, – сказал Капитан. Они вышли к той же маленькой палатке, у которой Джек показал Капитану акулий зуб. – Стой здесь и жди. Ни с кем не разговаривай.

Капитан вошел в палатку. Джек стоял и ждал. Мимо прошел жонглер, подбрасывавший в воздух с полдюжины шариков. Он посмотрел на Джека, но не уронил ни одного шарика. Кучка чумазных ребятишек шла за ним, как за гамельнским флейтистом-крысоловом. Потом к нему подошла молодая особа с грязным младенцем на огромной груди. Она сказала, что за пару монет может научить Джека, что делать с маленькой штучкой промеж ног, кроме как писать. Джек покраснел и отвернулся.

– У-у-у, какой ты застенчивый! – рассмеялась девушка. – Иди ко мне, красавчик.

– Пошла вон, шлюха, не то до конца своих дней будешь драить сковородки!

Это был Капитан. Он вышел из палатки не один. Рядом с ним был пожилой грузный человек, неуловимо похожий на Капитана Фаррена. Джек даже понял, в чем дело – оба они выглядели как настоящие солдаты. Толстяк тщетно пытался застегнуть форменный камзол на своем огромном брюхе одной рукой, а другой держал рожок.

Развязная особа без лишних слов удалилась, даже не взглянув на обидчика. Капитан забрал инструмент у своего спутника, и тот наконец-то смог застегнуться. Они обменялись

парой слов; толстяк кивнул и, задрав горн, громко протрубил. Это был совсем не тот звук, который Джек слышал, впервые попав в Долины, – тогда играло множество труб. Этот звук был похож на фабричный гудок, возвещающий о начале рабочего дня.

Капитан подошел к Джеку.

– Пойдем со мной, – сказал он.

– Куда?

– На Подъездную дорогу, – подмигнул Фаррен. – Отец моего отца называл ее Западной дорогой. Она тянется на запад через маленькие и очень маленькие деревни, пока не достигает Пограничной заставы. Дальше она уходит в никуда. Или к черту. Чтобы идти на запад, парень, надо брать с собой Бога. Хотя, говорят, Он сам не заходит за Заставы. Идем.

Множество вопросов – тысячи, если не миллионы – теснилось в голове Джека, но Капитан своим молчанием отбил охоту спрашивать. Они отправились на юг от дворца и прошли то место, где Джек очутился после переброса. Веселая деревенская ярмарка уже закрывалась. Джек слышал, как зазывала приглашал всех желающих попробовать счастья у Осла-Дьявола: кто продержится две минуты, получит приз; морской ветер доносил его голос вместе с запахами еды: мяса и овощей. В животе у Джека заурчало. Вырвавшись от Осмонда Великого и Ужасного, Джек сильно проголодался.

Не доходя чуть-чуть до ярмарки, они свернули на дорогу, шире той, что вела к дворцу. *Заставная дорога*, подумал Джек и с холодком внутри поправился: *Западная дорога. Дорога к Талисману*.

И снова Джек заторопился за Капитаном Фарреном.

6

Осмонд был прав: дорогу можно было найти по запаху. За милю от деревни с таким странным названием ветер донес до них первые волны пивного аромата.

Движение на дороге было напряженным. На восток ехало множество фургонов, их тянули цугом запряженные упряжки лошадей, одноголовых, как ни странно. Эти фургоны, как понял Джек, были самым ходовым транспортом в этом мире. Одни были нагружены тюками и мешками, другие – мясными тушами, третьи – лязгающими клетками с цыплятами. На задворках Сторонок мимо них промчался, чуть было не сбив их, открытый фургон, полный женщин. Они смеялись и визжали. Одна встала на ноги, задрала на себе рубаху до подмышек и затрясла грудями. Она чуть было не вылетела из фургона, но товарки схватили ее за подол и грубо толкнули на пол.

Джек снова покраснел: он видел большие белые груди той девушки, ее сосок во рту грязного младенца.

У-у-у, молодой красавчик, такой стеснительный!

– Боже, они все пьяны! – пробормотал Фаррен, ускоряя шаг. – Они пили королевский эль – и шлюхи, и извозчик! Я думаю, если он перевернет их на дороге или сбросит в море с обрыва, большой потери не будет. Грязные суки!

– Послушайте, – заметил Джек. – Если все эти телеги спокойно проезжают, значит, дорога свободна. Разве не так?

Они уже подошли к Сторонкам. Этот участок дороги был ухожен с удивительной аккуратностью. Ни единой пылинки, а по колеям даже масляные полосы. Мимо проезжали телеги, фургоны, экипажи, проходили толпы людей, и все как один разговаривали слишком громко и бессвязно. На обочине сидели двое мужчин и спорили о том, что такое ресторан. Внезапно один из них кинулся на второго с кулаками. Мгновение спустя оба катались по траве.

Похоже, не только шлюхи пили королевский эль, подумал Джек. Тут, видимо, каждый хорошо приложился.

– Маленькие фургоны, возможно, могут проехать, – сказал Капитан Фаррен, – но дилижанс Моргана – совсем не маленький.

– А Морган...

– Ни слова больше о Моргане.

Когда они прошли через всю деревню и оказались на другой ее стороне, запах эля стал просто невыносимым. Джек с трудом передвигал ноги, едва поспевая за Капитаном. Он предположил, что за спиной осталось не меньше трех миль. *Интересно, а сколько это в нашем мире?* – подумал он, и эта мысль заставила его вспомнить о колдовском зелье Спиди. Джек испуганно похлопал себя по карманам камзола в полной уверенности, что бутылка исчезла. Но нет, она была на месте.

На западной окраине деревни конные повозки больше не встречались, зато количество пешеходов резко возросло. Люди качались, падали, дрались и смеялись. От всех разило элем. Их одежда в некоторых местах насквозь промокла, как будто они и лежали в луже пива, и лакали его, как собаки. Наверное, так оно и было. Джек увидел смеющегося человека, который вел за руку смеющегося мальчика лет восьми. Человек этот имел ужасающее сходство с ненавистным портье в «Альгамбре», и Джек понял, что перед ним его двойник. И он, и семенящий рядом мальчик были пьяны, и, когда Джек обернулся им вслед, мальчика стошнило. Его отец – или кто он там был – взял мальчика за плечо и утащил в придорожную канаву, где тот мог освободить свой желудок в относительном уединении. Бедный ребенок плелся за отцом, как на коротком поводке, и в конце концов его вырвало на старика, блевавшего на обочине.

Лицо Капитана Фаррена становилось все мрачнее и мрачнее.

– Бог лишил их разума, – сказал наконец он.

Даже эти люди, живущие так далеко от дворца, предусмотрительно обходили Капитана стороной. Джек вспомнил, как еще около ворот тот надевал на пояс короткие, устрашающего вида ножны. Когда какой-нибудь пьяница подходил слишком близко, Капитан притрагивался к ножнам, и тот мгновенно исчезал.

Десять минут спустя, когда Джек уже был полностью уверен, что не сможет больше сделать ни шагу, они подошли к месту катастрофы. Кучер не вписался в поворот, фургон наклонился, и бочки разлетелись по всей дороге. Некоторые разбились, превратив пространство вокруг себя в смрадное болото.

Одна из лошадей лежала тут же, из-под перевернутого фургона торчали только ее задние ноги. Другая свалилась в канаву и там окончила свою жизнь. Обломок одной из бочек вонзился ей в голову. Джек решил, что вряд ли это могло произойти само собой. Скорее всего, предположил он, лошадь была сильно ранена и кто-то добил ее из самых лучших побуждений. Других лошадей нигде не было видно.

Между лошадью под фургоном и той, что в канаве, было распростерто тело сына кучера. Половина его лица навечно уставилась в яркое голубое небо Долин с выражением глупого удивления. Там же, где раньше была вторая половина, теперь расплзалась красная бесформенная масса. Белые осколки костей торчали из нее, как куски гипса.

Джек заметил, что карманы мертвого парня вывернуты наружу.

Рядом крутилось около дюжины подозрительных личностей, обсуждавших подробности происшествия. Они медленно переходили с места на место, время от времени останавливаясь, чтобы зачерпнуть пиво ладонями из одной лужи или окунуть в другую платок либо просто кусок фуфайки. Большинство из них уже заметно пошатывалось. С губ попеременно срывались то смех, то бранные слова.

Как-то после продолжительных уговоров и приставаний мама разрешила им с Ричардом сходить на двойной ночной сеанс в один из двадцати или более того кинотеатров Уэствуда. Показывали «Ночь живых мертвецов» и «Возвращение живых мертвецов». Эти тупые пошатывающиеся люди напомнили Джеку зомби из двух фильмов.

Капитан Фаррен достал свою шпагу. Она оказалась короткой и имела устрашающий вид. Полная противоположность той шпаге, что описана в приключенческих романах. Эта была не длиннее, чем нож мясника. Рукоять обшита старой кожей, потемневшей от пота. Кроме режущего края, все лезвие такое же темное, как рукоять, но уж сам-то край... Он выглядел *очень* чистым, *очень* ярким и *очень* острым!

– Прочь отсюда! Живо! – выкрикнул Фаррен. – Прочь от королевского эля, скоты! Уходите прочь и уносите свои головы, пока они еще вам принадлежат!

Эта речь встретила волну недовольства, но мало кто хотел связываться с Капитаном. Лишь один неповоротливый или непонятливый человек с неряшливыми клочками бороды, торчащими из бледных скул, не тронулся с места. Джек предположил, что весу в нем не меньше полутора сотен килограммов, а рост приближается к двум метрам.

– А ты не хочешь поговорить со всеми нами, солдатик? – спросил неповоротливый или непонятливый и кивнул головой в сторону кучки своих собратьев, предусмотрительно отступивших за груды бочек.

– Конечно, хочу, – сказал Капитан, – ты даже не представляешь себе, как я хочу этого, кусок собачьего дерьма!

По лицу Капитана расплылась широкая улыбка, и неповоротливый-непонятливый все очень быстро понял и расторопно отступил назад.

– Ну, что же ты? Подойди, поговорим. С удовольствием. Свернуть тебе шею – самое приятное занятие из всего того, что у меня было или еще предстоит за сегодняшний день.

Бормоча что-то под нос, пьяный великан удалился.

– Теперь все вы! – скомандовал Капитан. – Все прочь! Сюда идут двенадцать моих людей из королевского дворца. Им явно не понравится ваше присутствие здесь, и я не смогу их остановить. Да и не буду пытаться останавливать. Так что пока у вас еще есть время, не теряйте его зря, возвращайтесь назад в деревню и закрывайте двери на засов. Когда они появятся, будет поздно. На вашем месте я бы не задерживался здесь ни секунды! Прочь!

Толпа развернулась и побрела к деревне Сторонки. Не отставал и непонятливый, пытавшийся вызвать Капитана на бой. Фаррен выругался и вернулся к телеге. Он снял с себя камзол и накрыл им лицо лежащего на дороге парня.

– Я вот думаю, кто же это рылся в его карманах, пока он лежал здесь мертвый... или умирающий, – сказал Капитан Фаррен. – Если бы я знал, эта сволочь уже болталась бы на первом суку!

Джек промолчал.

Капитан очень долго стоял, не сводя глаз с мертвого мальчика. Одна его рука была плотно прижата ко рту, большой палец медленно поглаживал розовый шрам. Потом он снова посмотрел на Джека, но с таким выражением, как будто видит его впервые.

– Тебе нужно уйти. Исчезнуть отсюда совсем, пока Осмонд не решил познакомиться поближе с моим придурком сыном.

– Это вам чем-нибудь грозит? – спросил Джек.

Капитан улыбнулся:

– Если ты исчезнешь, то ничем. Я могу сказать, что отправил тебя назад, к матери, или даже что ты вывел меня из себя и я бревном разбил тебе голову. Осмонд поверит всему. Он обезумел. Они все здесь обезумели. Все ждут ее смерти... И похоже, скоро дождутся. Если не...

Он не договорил.

– Иди, – сказал Фаррен, – иди и не задерживайся. Когда услышишь грохот дилижанса, сворачивай с дороги и уходи глубоко в лес. *Глубоко*. Иначе Морган почует тебя, как кот чует мышь. Он сразу сообразит, что ты не вписываешься в правила. В *его* правила. Он – дьявол.

– А как я пойму, что это он? Что это его дилижанс? – робко спросил Джек, глядя на дорогу. Она ровно поднималась в гору и терялась там в глубине соснового леса. «Наверное, там очень темно, – подумал Джек, – Морган вряд ли выберет этот путь».

Страх и одиночество слились воедино. Джек еще никогда не чувствовал себя таким несчастным.

Спиди, я не могу больше! Пойми меня, я ведь всего лишь ребенок.

– Дилижанс Моргана везут шесть пар лошадей. И еще одна впереди, – сказал Фаррен. – Они несутся во весь опор. Стук их копыт звучит как гром среди ясного неба. Ты услышишь, не сомневайся. У тебя будет достаточно времени, чтобы убраться с его пути. Будь уверен.

Джек что-то прошептал.

– Что? – спросил Капитан.

– Я сказал, что не хочу никуда уходить, – повторил Джек немного громче. Слезы уже выступили на глазах. Он знал, что нужно стереть их и попросить Капитана, чтобы он помог, чтобы защитил, чтобы сделал *что-нибудь*...

– Слишком поздно что-либо менять. К тому же, мальчик, я не знаю о тебе ничего. Не знаю и не хочу знать. Мне даже не интересно, как тебя зовут.

Джек молча посмотрел на него. Плечи поникли, глаза намокли и покраснели, губы трепетали.

– А ну, стань прямо! – крикнул Капитан с внезапной яростью. – Ты кого собираешься спасти? Куда вообще можно идти в таком виде?! Ты слишком молод, чтобы быть настоящим мужчиной, но ведь можно постараться хотя бы им *выглядеть*! Как ты думаешь? Не строй из себя побитую собаку.

Джек вздрогнул как ужаленный, расправил плечи и вытер слезы с глаз. Взглянув на сына кучера, он подумал: *Конечно, я не похож на настоящего мужчину. Он прав. Но я не могу себе позволить жалеть самого себя*. Это было так. И еще он не мог позволить Капитану проникнуть в его душу и нажимать там нужные кнопки.

– Уже лучше, – сказал Фаррен. – Не намного, но лучше.

– Спасибо, – не без сарказма ответил Джек.

– Тебе нельзя здесь больше оставаться, мальчик. Здесь Осмонд, здесь скоро будет Морган. Возможно... Возможно, тебя ждут большие трудности, куда бы ты ни пошел. Но возьми вот это. Если Паркус послал тебя ко мне, значит, он хотел, чтобы я отдал тебе эту вещь. Возьми ее и иди.

Капитан протянул ему монету. Джек немного колебался, но потом взял ее. Она была размером с полдоллара, старого, с изображением Кеннеди, но по весу намного тяжелее. По весу это было золото, в то время как по цвету – серебро. Вместо Кеннеди на монете был отчеканен царственный профиль Лауры де Луизиан. Джек снова вздрогнул от ее полного сходства с мамой. Нет, это было даже не сходство, несмотря на некоторые внешние отличия, такие, как более тонкий нос или более круглый подбородок, – *она и была его мамой*. Джек был просто уверен в этом. Он перевернул монету и на обратной стороне увидел изображение животного, голова и крылья которого принадлежали орлу, а все остальные части тела – льву. Животное смотрело прямо на Джека. Этот взгляд был ему неприятен, и он положил монету в карман камзола, где она присоединилась к бутылке с зельем.

– Для чего это? – спросил он Фаррена.

– Узнаешь, когда время придет, – ответил Капитан. – А может, и не узнаешь. Все зависит от тебя. Я сделал все, что было в моих силах. Расскажи об этом Паркусу при встрече.

Джек с ног до головы покрылся холодным потом.

– Иди, сынок, – сказал Фаррен. Его голос звучал теперь намного тише и ласковее. – Делай свое дело... или хотя бы часть его. Сделай все, что сможешь...

Джека охватило чувство нереальности окружающего. Чувство, будто он сам, все его мысли и действия являются плодом чьей-то галлюцинации. Кто-то двигает им, заставляет ходить: с правой ноги на левую, с левой на правую. Он отшвырнул кусок бочки, насквозь пропитанный элем. Переступил через обломки сломанного колеса. Обошел край фургона, не обращая внимания на жужжание мух, кружащих над лужей крови. Какие мухи и какая кровь могут быть во сне?

Джек миновал грязный, заваленный бочками и кусками дерева участок дороги и оглянулся. Капитан Фаррен шел в другую сторону. Возможно, он хотел встретить своих людей. А может, ему просто нельзя было больше смотреть на Джека. Как бы то ни было, он ни разу не повернул головы. Ну что же, все пути приводят к одной цели. А что позади, то позади. И нечего туда смотреть.

Джек пошарил рукой в кармане камзола и, нащупав монету Капитана, крепко сжал ее в ладони. На душе стало немного легче. Так и шел он, радуясь, словно ребенок, неожиданно-негаданно получивший от отца денег на мороженое.

7

Может, через два часа, а может, через четыре Джек услышал звук, описанный Капитаном Фарреном как «гром среди ясного неба». Солнце опустилось за западную кромку леса еще тогда, когда Джек выходил из деревни, и трудно было определить время.

Большинство повозок, движущихся с запада, скорее всего направлялось в королевский дворец. Слыша, как приближается каждая из них, а услышать это можно было с довольно большого расстояния: настолько чист был здесь воздух (Джек вспомнил слова Спида о том, как один человек надкусывает яблоко, а другой, в миле от него, чувствует запах), Джек был уверен, что это едет Морган, и каждый раз сначала прыгал в канаву, а потом убежал в лес. Ему совсем *не нравились* такие темные леса, даже самые их окраины, но тем не менее он бежал туда, прятался за стволом какого-нибудь дерева и оттуда смотрел на дорогу. Ему не нравились леса, но еще меньше ему улыбалась перспектива быть брошенным под ноги коней Моргана.

Так вот, каждый раз, когда Джек слышал приближение фургона или коляски, он быстро прятался, дожидался, когда повозка проедет мимо, и только затем возвращался на дорогу. Это, конечно, не давало ему спокойно идти, но все-таки он был не одинок на этой страшной дороге.

Ему совсем не хотелось в одиночестве шагать в ад.

Зелье Спида было худшим из лекарств на свете, однако он без раздумий сделал бы большой глоток, если б кто-нибудь – хотя бы сам Спиди, например, – вдруг возник перед ним и заверил, что первой вещью, которую он увидит, открыв глаза, будет золотая арка входа в ресторан «Макдоналдс», который его мама в шутку называла «Большая кормящая грудь Америки»...

Подстегнутое голодом, в нем росло гнетущее чувство страха, чувство, что лес настоящему опасен, что он полон чудовищ, мешающих пройти через него. Что *сам* лес сопротивляется этому. Разве деревья не подступили ближе к дороге? Подступили. Ведь раньше они росли вдоль канавы, а теперь полностью заполонили ее. Раньше весь лес состоял из сосен и елей, теперь к ним присоединились и другие породы деревьев. У некоторых были кривые черные стволы, сплошь покрытые наростами, другие походили на чудовищный гибрид пихты и папоротника; отвратительные серые корни последних торчали из земли, как

растопыренные пальцы мертвецов. *Наш мальчик!* – шептали мерзкие корни. – *НАШШШШШ МАЛЬЧИК.*

Все это только кажется, Джеки, ты просто устал.

Нет, не кажется. Хотя и трудно во все это поверить, хоть не хочется ни во что это верить. Деревья *изменялись*. Неприятное чувство повисло в воздухе – чувство, что за тобой *наблюдают*. Джек решил, что эти мысли и галлюцинации он каждый раз выносил из леса, сами деревья каким-то непонятным образом насылали на него видения и страхи.

Он снова подумал о том неисчислимом расстоянии, которое будет отделять его от дома, когда он вернется в свой мир. Сто пятьдесят шагов здесь там равны миле. Исходя из этого – хотя из-за неровностей земли соотношение между пройденными расстояниями постоянно изменялось, – Джек сделал вывод, что, пройдя здесь десять миль, в своем мире он очутится очень-очень далеко от Нью-Хэмпшира. Похоже на сказку про семимильные сапоги.

Но эти деревья, эти серые мерзкие корни...

Когда станет совсем темно, когда небо потеряет свой синий цвет и окрасится в пурпур, он перенесется назад. Он не пойдет через этот лес ночью. Он просто боится. Он маленький мальчик, в конце концов. Если зелье вынесет его в Индиану или в другое место, он напишет Спиди письмо – и Спиди вышлет ему по почте или еще как-нибудь другую бутылку.

Рассуждая об этом и думая, как хорошо иметь свой план, даже если он охватывает только ближайшие два-три часа, Джек внезапно обнаружил, что слышит грохот экипажа и ржание неимоверного количества лошадей.

Вытянув голову, он замер на середине дороги. Его глаза расширились от ужаса. Сразу две картины всплыли в сознании, затмив собой все остальные мысли: огромная машина с двумя людьми... или не людьми. Фургон «Дикое дитя» на полной скорости удалялся от тела дяди Томми, оставляя за собой на дороге кровавые следы протекторов. Он увидел руки на рулевом колесе... Но это были не руки! Это были аккуратные круглые копыта!

Они несутся во весь опор. Стук их копыт звучит как гром среди ясного неба...

Теперь, услышав этот звук, все еще далекий, но совершенно отчетливый в чистом воздухе Долин, Джек сам себе удивился. Как ему пришло в голову, что проезжавшие мимо повозки могут быть дилижансом Моргана? На этот раз ошибиться было нельзя. Звук, который он слышал сейчас, был полон угрозы. Это был грохот катафалка, да, катафалка, за рулем или поводьями которого – Сатана!

Джек прирос к дороге. Он стоял как загипнотизированный, словно кролик перед удавом. Звук неумолимо приближался, становясь все громче – шуршание колес, стук копыт, хлопки кнута. Теперь был слышен голос погонщика: «Хей я-а! Хе-э-эй я-а-а-а! ХЕ-Э-Э-ЭЙ Я-А-А-А!!!»

Он стоял посреди дороги, кровь билась в висках.

Я не могу двигаться! О Господи! Боже мой! Мама! Мама! Ма-а-а-ма-а!

Он стоял посреди дороги, и воображение рисовало ему черный дилижанс, стремительно несущийся вперед, запряженный черными животными, больше похожими на пум или пантер, чем на лошадей. На окнах дилижанса висели черные занавески, впереди стоял кучер с черными волосами, дикими, сумасшедшими глазами и огромным кнутом.

Дилижанс мчался прямо на него, не замедляя скорости.

Он сбил его с ног.

Это вывело Джека из оцепенения. Он бросился вправо, сполз в канаву у дороги, зацепился ногой за один из торчащих корней, упал, покатился. Его спина, пребывавшая в относительном спокойствии последнюю пару часов, покрылась новыми ранами, и Джек скорчился от невыносимой боли.

Он поднялся и побежал в лес.

Вначале Джек хотел спрятаться за одним из черных деревьев: оно было похоже на индийскую смоковницу, которую он видел в позапрошлом году во время поездки на Гавайи, но шишковатый ствол его был липким, маслянистым и неприятным на ощупь. Джек отбежал влево и спрятался за стволом сосны.

Грохотанье дилижанса и топот коней стали еще громче. Каждую секунду Джек ждал, что они вот-вот пронесутся мимо него и полетят в сторону деревни Сторонки. Его пальцы судорожно вцепились в мягкую кору сосны. Губы были искусаны в кровь.

Прямо перед ним открывался узкий, но безукоризненно чистый просвет – туннель, ограниченный иглами лиственницы, сосны и пихты. И вот, когда Джек уже начал думать, что кортеж Моргана никогда не появится, дюжина или более конных солдат на всем скаку пролетели на восток. У того, что скакал впереди, в руках было знамя, но Джек не смог прочитать начертанный на нем девиз... Да он, честно говоря, и не хотел этого делать. Несколько секунд спустя и сам дилижанс оказался в поле зрения Джека.

Он был виден совсем недолго, всего одно короткое мгновение, но впечатление от него осталось грандиозное. Дилижанс оказался гигантских размеров каретой, не менее двенадцати футов в высоту. Мачты со знаменами, крепко привязанные к крыше прочными веревками, добавляли еще три фута. У каждой тянувшей его лошади на голове был черный султан; встречный ветер то беспощадно трепал их, то задувал назад, делая совершенно плоскими. Позже Джек подумал, что для следующей скачки Моргану потребуются новые лошади, потому что эти были уже на последнем издыхании. Пена и кровь извергались из их открытых ртов, глаза закатились. Из-под приоткрытых век виднелись только белые яблоки.

Как и в его воображении или его предвидении, черные крепдешиновые занавески трепетали в лишенных стекол окнах.

Внезапно в одном из этих черных прямоугольников появилось белое лицо. Белое лицо, обрамленное странными темными изломами. Внезапное появление этого лица было таким же ошарашивающим, как если б оно появилось в разбитом окне выселенного дома. Это не было лицо Моргана Слоута... но все же оно *существовало*.

Его обладатель знал наверняка, что Джек или какая-нибудь другая опасность, не менее серьезная, где-то неподалеку. Джек увидел это в расширенных зрачках его глаз и в нервном подергивании уголков рта.

Капитан Фаррен говорил: *Он учует тебя, как мышь*. И теперь Джек мрачно подумал: *Все, меня учуяли. Он знает, что я здесь, и чего же теперь ждать? Сейчас он остановится, меня схватят и бросят под ноги коням.*

Еще несколько солдат, защищающих дилижанс Моргана с тыла, проскакали мимо. Джек ждал. Он был уверен, что Морган прикажет остановиться. Но ничего не произошло; грохот кортежа вскоре начал растворяться вдалеке.

– Его глаза, они точно такие же... Черные глаза на белом лице. Точно такие же, как у...

– *Наши мальчик? НАШ-Ш-Ш!*

Что-то обвилось вокруг его ноги... и поползло выше. Джек вскрикнул и рванулся в сторону, уверенный, что на него напала змея. Но, посмотрев вниз, он обнаружил, что дела еще хуже: его икры обвил один из этих серых корней.

Но это невозможно! – подумал он. *Корни не могут двигаться.*

Он рванулся сильнее, вытаскивая ногу из подстроенной корнем ловушки. Тупая боль стискивала икры. Джек поднял глаза, и волна ужаса захлестнула его сердце. Кажется, он понял, почему Морган почувствовал его, но не предпринял никаких действий: Морган знал, что ходить по этому лесу – все равно что купаться в реке, кишасей пираньями. Почему Капитан Фаррен не предупредил его? Единственно возможный ответ заключался в том, что Капитан скорее всего никогда не был в этих местах и ничего не знает о страшных свойствах леса.

Белесые корни гибридов пихты и папоротника пришли в движение. *Они поднимались, опускались, тянулись к нему по сырой земле.* Сумасшедшая мысль мелькнула в голове Джека: *Это Энты. Энты и их жены, как у Толкина. Только это вредные, злобные Энты.* Один особенно толстый корень, не менее шести дюймов в ширину, черный от земли и плесени, поднялся и бросился на него, как дрессированная кобра на звук флейты.

– *Наш мальчик? НАШ-Ш-Ш!*

Джек рванулся в сторону и с ужасом обнаружил, что корни образовали живой заслон между ним и дорогой. Между ним и безопасностью. Он прислонился к дереву... и тут же с криком отскочил от него как ошпаренный, поскольку кора под его спиной немедленно зашевелилась. Джек огляделся по сторонам, и его взгляд задержался на одном из черных деревьев с кривым маслянистым стволом. Теперь оно двигалось: корчилось и извивалось. Сучки и наросты в верхней части ствола образовали что-то вроде ужасного, грубого лица. Один глаз широко открыт, другой прищурен в свирепой гримасе. Внезапно кора лопнула со звонким, душераздирающим звуком, и бледно-желтая масса заструилась по стволу, словно кровь из раненого животного.

– *НАШШШ! Нашшшшш!!!*

Какой-то корень залез Джеку под мышку, будто хотел его пощекотать.

Он дернулся и, полагаясь на остатки здравого смысла, усилием воли заставил себя вытащить из кармана куртки заветную бутылку. В этот момент лес наполнился множеством скрипящих звуков, деревья сами себя выкорчевывали из земли. Нет, Толкину это даже не снилось!

Он схватил бутылку за горлышко и сорвал с нее крышку. В этот момент один из серых корней скользнул по спине и обвился вокруг шеи. Секунду спустя он уже прижимал его к земле, захлестнув арканной петлей.

Джек задохнулся. Бутылка выпала из рук, пока он боролся со схватившим его корнем. Тот не был твердым и холодным, каким должен быть нормальный корень, напротив, он был теплым... и упругим, как будто под кожей коры скрывалась живая плоть. Джек боролся с ним, и корень издавал булькающие, гортанные звуки. Жидкая смола стекала с него, как слюна из хищного, голодного рта.

Выбиваясь из сил, Джек последним судорожным движением освободился от корня. Тот сразу же попытался обвиться вокруг его талии. Джек с криком отскочил в сторону. Он посмотрел под ноги и увидел, что бутылка, покачиваясь, удаляется вместе с другим корнем, обвившим ее горлышко наподобие щупальца осьминога.

Джек кинулся вдогонку. Корни царапали ему ноги, обвивали их. Он падал, вставал, бежал, снова падал...

Но вот наконец он увидел темно-зеленый бок бутылки... и схватил ее. Тянуть пришлось изо всех сил. Корни даром времени не теряли, затягиваясь вокруг его ног, словно тюремные оковы. Нечего было и думать о том, чтобы их разорвать. Мертвая хватка! Еще один замаячил перед глазами, пытаясь отнять бутылку. Джек отпихнул его в сторону и сделал большой глоток. Запах гнилых фруктов, казалось, заполонил все вокруг, однако никакого видимого результата не последовало.

Спиди, почему она не действует?

Чем больше корней скользило по спине, обвивалось вокруг талии, заставляя его беспомощно вращаться, тем больше Джек пил, захлебываясь омерзительным вином. Он глотал, он стонал, он умолял, но все без толку. *Она не действовала!* Глаза уже давно были закрыты, но он чувствовал, как корни затягиваются вокруг его рук и ног, чувствовал...

8

...как вода впитывается в его рубашку и джинсы, ощущал запах...

Вода?

...грязи и ила, слышал...

Рубашка? Джинсы?

...карканье ворон и...

Джек открыл глаза и увидел оранжевый свет заходящего солнца, отраженный в широкой реке. Победивший его лес рос на другом, восточном берегу. На западном же, где находился сейчас он сам, раскинулось широкое поле, подернутое вечерним туманом. Почва под ногами была сырой и слякотной. Джек находился на самом берегу; для того чтобы намочить и испачкаться, лучше места не придумаешь. Высокая трава росла и здесь (через месяц-полтора ее убьют жестокие морозы), и Джек запутался в ней, как человек, проснувшийся от ночного кошмара, путается в одеяле.

Он с трудом поднялся на ноги, весь мокрый и облепленный жидкой грязью; лямки рюкзака врезались в плечи. Он сбросил его и с удивлением осмотрелся вокруг. Недалеко от воды, в грязи, лежала волшебная бутылка Спиди. Тут же, рядом с ней, валялась пробка. Некоторое количество зелья было выпито или пролилось во время сражения со злобными деревьями Долин. Теперь бутылка наполнена только на треть.

Он постоял еще минуту. Кроссовки уже почти полностью утонули в нанесенном рекой иле. Это был его мир. Это были старые добрые Соединенные Штаты Америки. Он не увидел ни золотых арок, о которых так мечтал, ни небоскребов, ни мигания искусственных спутников в далеком смеркающем небе, но он был уверен в том, что это его мир, как в том, что его зовут Джек. Другой вопрос: а был ли он когда-нибудь в том мире?

Джек взгляделся в незнакомую реку, в такие же незнакомые окрестности и услышал отдаленное мычание коров. *Что-то здесь не так*, подумал он. *Я где-то в другом месте. По крайней мере это ничуть не похоже на пляж «Аркадии».*

Это и не был пляж «Аркадии», но Джек не настолько хорошо знал его окрестности, чтобы понять, что находится на значительном расстоянии от него. Достаточно далеко от побережья, чтобы не слышать запаха Атлантического океана. Джек словно очнулся от долгого страшного сна. Могло ли на самом деле произойти то, что произошло, начиная от кучера с его облепленным мухами мясом и кончая ожившими деревьями? Или это он во сне прошел такое чудовищное расстояние? Вполне возможно. Значит, он лунатик. Его мама умирала, теперь он знал это наверняка. Все признаки были налицо, и подсознание сделало правильный вывод, хотя сознание и отрицало этот факт. Все вокруг способствовало самовнушению плюс к этому идиотское пойло Спиди Паркера, замутившее ему мозги. Нет сомнения: все это вместе могло дать такой результат.

Дяде Моргану это пришлось бы по душе.

Джек вздрогнул и тяжело сплотнул. Это вызвало боль. Он осторожно ощупал больное место. В этот момент у него был на редкость смешной вид, будто пожилая женщина рассматривает перед зеркалом морщины или двойной подбородок. Чуть ниже адамова яблока он обнаружил зарубцевавшуюся ссадину. Она сильно болела, когда он к ней прикасался. Это след корня, схватившего его за шею.

«Так, значит, все-таки... – прошептал Джек, глядя на оранжевую гладь воды и слушая отдаленный звон колокольчиков и мычание коров. – Так и есть».

9

Джек направился вверх по наклонному полю, оставляя за спиной реку. Пройдя с полмили, он кое о чем вспомнил и снял рюкзак со своей ноющей спины – рубцы, оставленные на ней Осмондом, никуда не делись, и вес рюкзака постоянно напоминал об этом. В свое время он отказался от огромного сэндвича, предложенного Спиди, но не положил ли Спиди его в рюкзак, пока он изучал гитарный медиатор?

Желудок одобрил идею.

Джек тщательно исследовал недра рюкзака, согнувшись над ним в свете вечерней звезды. Он вытащил один из свертков – сэндвич был внутри. Не кусочек, не половинка, а целый бутерброд, завернутый в обрывок газеты. Глаза Джека наполнились благодарными слезами, и он пожалел, что Спиди сейчас нет рядом и он не может обнять его.

А еще минуту назад ты проклинал его.

Он покраснел при этой мысли, однако не переставал жадно поедать сэндвич. Когда с ним было покончено, Джек поднялся и снова набросил рюкзак на плечи. Теперь он чувствовал себя намного лучше, урчание в желудке немедленно прекратилось, и жизнь потекла с новой силой.

Через некоторое время, когда уже совсем стемнело, Джек увидел впереди светящиеся прямоугольники окон. Домик фермера. Залаяла собака; мощный утробный лай мог принадлежать только очень большому животному, и по спине Джека пробежал холодок.

Она за забором, подумал он. Или привязана, я надеюсь.

Он повернул направо, и лай сразу же прекратился. Пользуясь светящимися окнами как ориентиром, Джек в скором времени вышел на узкую, хорошо утопанную тропинку. Здесь он остановился, тупо глаза по сторонам, не имея ни малейшего понятия, куда двигаться дальше.

Эй, люди! Помогите маленькому Джеку Сойеру: я не знаю, что мне делать. Я промок до нитки, я весь в грязи. Помогите мне!

Одиночество и тоска по дому снова охватили его. Джек отогнал их прочь. Он поплевал на указательный палец левой руки и сильно дунул. Большинство капель полетело направо, по крайней мере Джеку так показалось, и он решил избрать этот путь. Минут сорок спустя, когда он уже согнулся от усталости и, что еще хуже, снова проголодался, Джек заметил впереди кучу песка, а рядом с ней подобие сарая.

Он нырнул под цепь, отделяющую сарай от дороги, и подошел поближе. Дверь была на замке, но земля под одной из стен оказалась слегка размытой дождями. Джеку потребовалось не больше минуты, чтобы снять рюкзак, проползти под стеной сарая и затем втянуть за собой свое незатейливое имущество. Замок на двери позволял ему чувствовать себя в безопасности.

Он осмотрелся и обнаружил, что находится в окружении очень старых инструментов: лопат, вил, грабель и чего-то еще – в темноте трудно было разобрать, чего именно. Значит, это место было заброшено очень давно, и это порадовало Джека. В одном из карманов он нащупал монету, которую дал Капитан Фаррен, и решил посмотреть, что с ней стало после возвращения в этот мир. Джек достал ее и увидел, что монета Фаррена с профилем Королевы на одной стороне и крылатым львом на другой превратилась в серебряный доллар образца 1921 года. Несколько секунд он разглядывал лицо Леди Свободы, а затем снова опустил монету в карман джинсов.

Потом он выжал мокрую одежду, решив, что положит ее утром в рюкзак. Она к тому времени должна высохнуть. А по дороге он сможет отстирать грязь в любом ручье.

Когда он разыскивал носки, его рука наткнулась на что-то длинное, тонкое и твердое. Джек вытащил предмет и увидел, что держит зубную щетку. Сразу же ощущение домашнего уюта, спокойствия и безопасности, все, что может принести с собой обыкновенная зубная щетка, охватило его. Никким образом не смог бы он сейчас отогнать эти эмоции или хотя бы притупить их на время. Зубная щетка – это такая вещь, которую более привычно увидеть в хорошо освещенной ванной комнате, когда ты одет в теплую хлопковую пижаму и мягкие тапочки. Что с ней можно было делать, найдя ее на дне рюкзака в холодном темном сарае, возле кучи сырого песка, в безлюдной деревне с неизвестным названием?

Снова накатила волна одиночества. Джек почувствовал себя отверженным, никому не нужным и громко разрыдался. Это был не истерический плач, как у людей, пытающихся под слезами скрыть свою ярость. Нет, он плакал как человек, только что обнаруживший, насколько он одинок. Он плакал, потому что спокойствие и жизненный смысл, казалось, исчезли из мира. Существовало только одиночество, и в этой ситуации проще простого было сойти с ума.

Джек заснул еще до того, как высохли слезы. Он спал, свернувшись вокруг рюкзака, подложив под голову чистые брюки. На грязных щеках отпечатались чистые ручейки, а зубная щетка покоилась в крепко сжатой руке.

Глава 8

Тоннель близ Оутли

1

Шесть дней спустя Джек почти полностью избавился от отчаяния и чувства безысходности. За последние несколько дней, проведенных в дороге, он, казалось, перестал быть ребенком. Минуя юность, он вступил сразу во взрослую жизнь. Он стал умнее. Было правильно, что он не отправился обратно в Долины сразу же после того, как очнулся на западном берегу реки. Он знал, что это правильно, хотя и не мог понять почему, и оправдывал свое медленное передвижение тем, что бережет колдовское зелье до тех пор, когда оно ему действительно понадобится.

И в конце-то концов, разве сам Спиди не советовал ему передвигаться в основном по дорогам этого мира? Все делается согласно указаниям.

Когда взойшло солнце, когда попутные машины увезли его на тридцать – сорок миль на запад и живот был туго набит, Долины казались невероятно далекими и призрачными: они были похожи на кинофильм, который он уже начал забывать, на плод разгулявшегося воображения. Временами, когда Джек садился на заднее сиденье машины какого-нибудь школьного учителя и отвечал на обычные вопросы из области истории, он действительно забывал о них. Долины оставили его в покое, и он снова или пока что был маленьким мальчиком, таким же, как в начале лета.

На больших скоростных трассах ему обычно удавалось остановить машину через десять – пятнадцать минут после того, как он выставлял вперед большой палец. Сейчас он был где-то около Батавии, в западной части штата Нью-Йорк, и двигался по трассе № 90. Снова поднятый вверх палец – и он мчится в Буффало. После Буффало он таким же образом отправится на юг. Только так, думал Джек, можно куда-нибудь попасть, и он все останавливал машины... Нед Макнелли и история завели его в такую даль, и теперь все, что ему было нужно, – это немного удачи, чтобы найти водителя, который ехал бы в Чикаго, или Денвер, или в Лос-Анджелес, если уж мы заговорили об удаче, – тогда он сможет добраться домой где-то в середине октября.

Джек загорел, в кармане лежало пятнадцать долларов – он заработал их мытьем тарелок в ресторане «Золотая ложка» в Оберне, а мышцы налились силой. Хотя иногда ему все же хотелось поплакать, но с той первой ночи он не давал воли слезам. Он научился управлять собой, вот что в нем изменилось с тех пор. Теперь он знал, что делать дальше, понимал, что происходит вокруг, и был уверен, что доведет дело до конца, чего бы ему это ни стоило. Если следовать указаниям Спиди и передвигаться в основном по дорогам этого мира, то, как бы быстро он ни шел, он сможет вернуться в Нью-Хэмпшир с Талисманом только через огромный промежуток времени. Это порождало намного больше проблем, чем он мог предположить.

Обо всем этом думал Джек Сойер, когда грязно-голубой «форд-фэйрлайн» свернул к бордюру и остановился, поджидая, когда он добежит до него, зажмурившись от яркого солнечного света. *Тридцать – сорок миль*, подумал про себя Джек. Он открыл страницу дорожного атласа, которую изучал утром, и прочитал: «Оутли». Название было коротким, мягким и спокойным, он следовал по своему пути, и ничто не могло теперь ему помешать.

2

Перед тем как открыть дверцу «фэйрлайна», Джек нагнулся и заглянул в окно. Стопка толстых книг и журналов лежала на заднем сиденье, два необъятных чемодана занимали переднее. Полноватый черноволосый водитель, казалось, подражая позе Джека, склонился над рулем и уставился через открытое окно на подбежавшего мальчика. Явный коммивояжер. Пиджак от его синего костюма висел сбоку на крючке, галстук слегка примят, рукава закатаны. На вид ему было за тридцать. Наверное, он любил поговорить, как все коммивояжеры.

Человек улыбнулся и убрал с переднего сиденья сначала один чемодан, а затем, водрузив первый на стопку бумаг, и второй.

– Прошу садиться, – предложил он.

Джек уже знал, что первый вопрос, который ему зададут, – почему он не в школе.

Он открыл дверь, сказал «спасибо» и забрался в салон.

– Далеко направляешься? – спросил водитель, поправляя зеркало заднего вида и оглядываясь на дорогу.

– В Оутли, – ответил Джек. – Я думаю, это милях в тридцати отсюда.

– А ты не силен в географии, – сказал коммивояжер. – До Оутли отсюда миль сорок пять.

Он повернул голову и подмигнул Джеку.

– Не обижайся, – сказал он, – но я не люблю, когда дети голосуют на дороге. Поэтому я всегда подбираю их. По крайней мере я знаю, что со мной они в безопасности. Понимаешь, что я имею в виду? Слишком много идиотов вокруг. Ты читаешь газеты? Видел заметки о людоедах? Ты можешь влипнуть в пренеприятнейшую историю.

– Скорее всего вы правы, – ответил Джек, – но я стараюсь быть осторожным.

– Ты живешь там, где я тебя подобрал?

Человек смотрел прямо на него, изредка бросая короткие птичьи взгляды на дорогу.

– Нет, я из Пальмиры.

Коммивояжер кивнул.

– Довольно приятное местечко, – сказал он и повернулся к ветровому стеклу. Джек откинулся на мягкую спинку сиденья. Затем человек наконец-то задал вопрос, который должен был прозвучать первым:

– Я надеюсь, ты не прогуливаешь занятия в школе? – И дальше все пошло как обычно.

Джек рассказал придуманную им историю. Он рассказывал ее так часто, меняя названия городов, через которые он проезжал по пути на запад, что она звучала в его устах как заученный монолог из старой пьесы.

– Нет, сэр. Я еду в Оутли к моей тете Элен, чтобы пожить у нее немного. Элен Воган. Это сестра моей мамы. Она учительница в школе. Мой отец умер прошлой зимой, и с тех пор наши дела совсем плохи. А две недели назад мама сильно заболела. Она даже не может подниматься по лестнице. Доктор сказал, что ей нельзя вставать с постели, и она попросила сестру, чтобы я пожил у нее немного. А так как она учительница, я смогу ходить в школу в Оутли. Тетя Элен никому не позволяет прогуливать уроки, будьте уверены.

– Неужели твоя мама отправила тебя из Пальмиры в Оутли автостопом? – удивленно спросил водитель.

– О нет! Конечно, нет! Она бы никогда этого не сделала. Она дала мне денег на автобус, но я решил их сэкономить. Ведь пока я буду далеко от дома, я вряд ли еще откуда-нибудь их получу. У тети Элен скорее всего нет никаких денег. Моя мама, наверное, очень бы рассер-

дилась, если б узнала, что я голосовал на дороге. Но для меня это огромные деньги. Конечно, это всего лишь пять баксов, но зачем отдавать их водителю автобуса?

Человек снова посмотрел на него:

– Как долго ты собираешься побыть в Оутли?

– Трудно сказать. Но я думаю, мама скоро поправится.

– Когда будешь возвращаться, не лови больше машин, договорились?

– А нашу машину украли, – сказал Джек, возвращаясь к своей истории. – Вы можете в это поверить? Пришли среди ночи и угнали ее. Грязные воры! Они знали, что все спят. Пришли среди ночи и украли машину прямо из гаража. Но я найду ее, мистер. Она нам очень нужна. Когда мама идет к доктору, ей нужно спуститься с холма и пройти еще пять кварталов, чтобы попасть на автобусную остановку. А сейчас она не в состоянии пройти такое расстояние. Разве они не понимали этого, когда угоняли машину? Теперь нам приходится копить деньги на новую. Разве это правильно?

– Со мной тоже такое случилось. Я тебя понимаю, – сказал водитель. – Я надеюсь, что твоя мама очень скоро поправится.

– И я тоже, – искренне ответил Джек.

С этими словами они въехали на территорию Оутли. Коммивояжер остановил машину возле обочины, улыбнулся Джеку и сказал:

– Удачи тебе, малыш!

Джек кивнул в ответ и открыл дверцу.

– Я надеюсь, ты недолго здесь пробудешь.

Джек вопросительно посмотрел на него.

– Ты знаешь это место?

– Немного. Можно сказать, почти не знаю.

– Это такая дыра! Место, где едят то, что валяется под ногами. Не деревня, а свинарник. Пьют пиво и закусывают стаканом, что-то типа этого.

– Спасибо за предупреждение, – сказал Джек и выбрался из машины. Коммивояжер нажал на газ, и «фэйрлайн» сорвался с места. Минуту спустя он превратился в темную точку на фоне оранжевого солнца.

3

Скоро дорога привела его на окраину деревни. Вдалеке Джек увидел маленькие двухэтажные дома, натканные по краям полей. Поля были коричневые и неухоженные, и домики не могли принадлежать фермерам. Расположенные далеко друг от друга, дома молча взирали на пустынное пространство вокруг. Мертвая тишина нарушалась только шуршанием автомобильных колес по дороге № 90. Ни мычания коров, ни ржания лошадей – здесь не было ни животных, ни фермерских орудий. Около одного из домов сгрудилось полдюжины разбитых и искореженных автомобилей. Дома явно принадлежали людям, которые в такой мере возненавидели свой собственный род, что даже сама Оутли присоединилась к ним в этом начинании. Вид пустых полей давал им все, в чем они нуждались, чтобы хорошо себя чувствовать внутри покосившихся жилищ.

Джек пошел дальше. Окрестности местечка словно были взяты из мультфильма: две маленькие, узкие дорожки то разбегались, то снова сливались в одну на своем пути в никуда. Из ниоткуда. Джек почувствовал, что опять теряет направление. Поправив рюкзак на спине, он направился к ржавому металлическому указателю, поддерживаемому высокими и ржавыми шестами. Может, он, распрощавшись с водителем, повернул налево, а не направо? Указатель на дороге, расположенной параллельно трассе, гласил: «Догтаунское шоссе». Догтаун? Джек посмотрел вдоль дороги и увидел только бесконечную плоскость полей, густо

поросших сорной травой, и узкую полосу асфальта, убегающую вдаль. Его собственная полоска асфальта, согласно указателю, называлась Милл-роуд. Примерно через полтора километра она ныряла в тоннель, вход в который был прикрыт склонившимися ветвями деревьев и, как ни странно, увит плющом. Казалось, что сами ветви поддерживают на весу белый знак. Слова были написаны очень мелко, слишком мелко, чтобы их можно было прочесть. Джек опустил правую руку в карман и в который раз пощупал монету Капитана Фаррена.

Желудок напомнил о себе. Ему очень скоро захочется есть, так что он должен побыстрее уйти отсюда и подыскать город или деревню, где он сможет купить себе еду. Перед ним была Милл-роуд, по крайней мере можно отправиться дальше по ней и посмотреть, что находится на другом конце тоннеля. Джек шагнул под свод, образованный ветвями. Темнота вокруг него сгустилась с каждым шагом.

Холодный, сырой, пахнущий землей и пылью тоннель пропустил в себя мальчика и, казалось, сомкнулся вокруг него. На мгновение Джек испугался мрачной темноты подземелья: впереди не было видно даже слабого света, однако асфальтовая дорожка оказалась на месте, и он немного успокоился. «Включите фары», – гласил знак у входа в тоннель. Джек врезался в кирпичную стену, сильно ушибив при этом руки. «Фары», – сказал он сам себе, жалея, что ему нечего включить. Тоннель не тянулся ровно, он постоянно извивался, и Джеку приходилось идти медленно и осторожно, придерживаясь руками за стену, как слепому. Джек нащупывал свой путь. Он вспомнил, как проделывал подобный путь волк из мультфильма. Не заметив поворота, тот в полном смысле слова размазался, врезавшись в стену.

Что-то шустро прошмыгнуло под ногами, и Джек замер. «Крыса, – подумал он. – Или кролик решил сократить себе путь между полями». Но звук был намного громче, чем могли издать кролик или крыса.

Он снова услышал его, теперь откуда-то спереди, и сделал еще один осторожный шаг вперед. Над головой послышалось чье-то дыхание. Джек остановился. *Животное ли это?* Он стоял, вцепившись пальцами в кирпичи, и ждал, когда вздох повторится. Это не было похоже на животное – по крайней мере ни крыса, ни кролик не могут дышать так глубоко. Он пробрался еще на несколько дюймов вперед, трясаясь от страха.

Из темноты прямо перед ним донесся слабый звук, похожий на хриплое хихиканье. В следующую секунду знакомый, но неузнаваемый запах – сильный, удушливый и едкий – вырвался из глубины тоннеля.

Джек оглянулся через плечо; отверстие входа теперь было видно только наполовину, остальное скрывал изгиб стены. Оно осталось далеко позади и с этого расстояния выглядело как заячья нора.

– Что здесь происходит? – крикнул он. – Есть здесь что-нибудь, кроме меня? Или кто-нибудь?

В глубине тоннеля ему послышался тихий шепот.

Это не Долины, напомнил он себе. Скорее всего какая-то слабоумная собака забежала в прохладную темноту, чтобы спокойно вздремнуть. В таком случае ее надо поскорее разбудить, пока не видно ни одной машины и ее жизнь в безопасности.

– Эй, собака! – крикнул он. – *Собака!*

Ответом на это был звук бегущих по тоннелю лап. Но... в какую сторону они бежали? Прислушиваясь к тихому «топ-топ-топ», он не мог с уверенностью сказать, приближалось животное или удалялось. Ему показалось, что звуки доносятся сзади, и, обернувшись, он увидел, что зашел довольно далеко: вход в тоннель уже совсем не был виден.

– Собака, ты где? – окликнул он снова.

В двух шагах от него кто-то скреб землю. Джек прыгнул вперед и больно ударился плечом о стену. Он сделал еще один шаг и замер. Нет, здесь что-то не так. Ему вдруг очень

сильно захотелось вернуться в Долины. Тоннель был полон резкого, удушливого животного запаха, и то, от чего он исходил, не могло быть собакой.

Холодный воздух вонял салом и спиртным перегаром. Источник запахов приближался.

На мгновение в кромешной тьме Джек увидел человеческое лицо, светящееся, будто изнутри, болезненным, неровным светом. Худое, длинное лицо, которое могло принадлежать молодому человеку. Дыхание смердело салом, конфетами и перегаром. Джек судорожно вжался в стену и сжал кулаки, ожидая, когда лицо растворится в темноте.

Отогнав страх, он вспомнил, что, входя, слышал быстрые тихие шаги, приближающиеся к тоннелю. Теперь эти же шаги удалялись к выходу. Джек вгляделся в темноту перед собой. Кромешная тьма, тишина. Теперь тоннель был пуст. Джек поправил лямки рюкзака, оперев его о кирпичную стену, и в следующую секунду уже снова двигался вперед.

Выйдя из тоннеля, Джек оглянулся. Изнутри не доносилось никаких звуков, никакие злобные сверхъестественные существа не выпрыгивали наружу. Он вернулся к выходу и заглянул внутрь. И тут же его сердце едва не остановилось. Прямо на него двигались два огромных светящихся глаза. Расстояние между ними и Джеком быстро сокращалось. Он не мог сдвинуться с места. Ноги вросли в асфальт. Интуитивно он заслонил лицо руками, чтобы не видеть своей смерти. Глаза уже были прямо перед ним, раздался оглушительный, душераздирающий рев. Джек отпрыгнул на обочину... и машина пронеслась мимо, отчаянно сигналила. Водитель с перекошенным багровым лицом показывал ему кулак через открытое окно:

– Идиот!!!

Ошеломленный, Джек обернулся и посмотрел вслед удаляющемуся вниз по склону холма автомобилю, который направлялся к деревне Оутли.

4

Расположенная в низине, Оутли состояла из двух улиц. Первая, продолжение Милл-роуд, упиралась в большую автостоянку перед воротами какого-то огромного строения – фабрики, как решил Джек. За строением улица начиналась снова, заставленная брошенными вдоль обочины машинами – их можно было узнать по разноцветным бантикам на антеннах, с забегаловками с постной пищей – никакого сравнения с «Большой кормящей грудью Америки», с площадкой для игры в кегли, бакалейными лавками и автозаправочной станцией. Далее Милл-роуд тянулась по деловой части поселка, состоящей из пяти-шести кварталов старых двухэтажных кирпичных домов, около которых были припаркованы автомашины. Вторая улица, по всей видимости, была местом сосредоточения самых важных зданий Оутли – огромных каркасных строений с балконами и длинными ухоженными газонами. В месте пересечения этих улиц располагался светофор. В то время, как он мигал своим красным глазом, другой светофор, кварталах в восьми от него, около обшарпанного дома с множеством окон, который мог быть одновременно и психиатрической лечебницей, и высшим учебным заведением, зажигал зеленый. Во все стороны от центра разбегались маленькие домики вперемежку с большими безымянными зданиями, обнесенными высоким частоколом.

Большинство окон на фабрике было выбито. Вдоль дороги также попадались дома с фанерными щитами вместо стекол. Груды мусора и мятой бумаги валялись почти в каждом дворе. Даже правительственные и важные государственные здания выглядели неряшливо с их заляпанными известкой балконами и широкими трещинами в стенах. Брошенные автомобили только усугубляли впечатление.

Джек почти решил покинуть Оутли и направиться в Догтаун, но это означало, что ему снова придется идти через темный тоннель. Просигналила машина, и этот звук наваял на Джека чувство тоски и одиночества.

5

Вблизи местечко выглядело еще мрачнее, чем с холма. Продавцы подержанных машин лениво выплядывали из окошек своих будок, даже не думая о том, чтобы хоть раз за день встать с насиженного кресла. Флажки болтались скучно и уныло. Единственное, что могло вызвать улыбку, – это глупые надписи на рекламном щите: «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО! ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОКУПКА! ЛУЧШИЕ АВТОМОБИЛИ ЗА НЕМЫСЛИМО НИЗКИЕ ЦЕНЫ!» Никто никогда не укрывал этот щит от дождя, и краска местами отсырела и облезла. На улицах почти не было людей. По дороге к центру Джек повстречал старика с запавшими щеками и серой кожей, который никак не мог справиться с пустой торговой тележкой. Когда они поравнялись, старик испуганно прокряхтел что-то, обнажив при этом черные зубы. Он что, решил, будто Джек хочет стащить его тележку?!

– Простите, – пробормотал Джек. На душе стало еще пакостнее.

Старик попытался лечь на свою тележку сверху, дабы защитить ее от похитителя, продолжая демонстрировать врагу свои мерзкие черные зубы.

– Простите, – повторил Джек. – Я просто иду ми...

– Оштафь мою телешку ф покое! Оштафь! – прошамкал старик, и слезы ручьем потекли по щекам.

Джек поспешил удалиться.

Двадцать лет назад, в середине шестидесятых, Оутли процветала. Относительно хорошее состояние дороги за чертой деревни осталось еще с того времени, когда у всех было много денег, горючее стоило недорого и никто не слышал термина «побочные доходы», потому что всем хватало основных. Люди вкладывали свои капиталы в ценные бумаги, покупали маленькие магазинчики и держали нос по ветру. Те несколько кварталчиков, где сейчас находился Джек, выглядели весьма оптимистично и вселяли надежду. Но в фешенебельных ресторанах сидели только несколько ленивых подростков, потягивающих дорогие коктейли, а в широких витринах магазинчиков висели такие же рекламные плакаты, как и на автомобильном рынке: «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО» и т. д. Джек не заметил ни одного дорожного указателя и пошел дальше наугад.

Деловая часть Оутли выглядела еще мрачнее, чем другие районы, несмотря на пестрые цвета, оставшиеся с периода шестидесятых. Проходя через пустынные кварталы, Джек почувствовал, что рюкзак становится все тяжелее, а сам он едва передвигает ноги. Но здесь оставаться нельзя, и все равно лучше идти в Догтаун, хоть он смертельно устал и дорога опять проходит через тоннель. Ведь если разобраться, то не было и быть не могло никакого человека-волка, прячущегося в темноте. Никто не рычал и не бросался на него. Просто Долины повредили его рассудок. Сначала полумертвая Королева, потом этот мальчик с изуродованным лицом... И еще Морган, деревья. Но ведь он был *здесь*, где ничего сверхъестественного не может случиться. *Здесь*, где жизнь течет своим чередом.

Он стоял у длинного грязного окна, над которым крупно и четко было написано: «МЕБЕЛЬНЫЙ СКЛАД». Джек прижался носом к стеклу, заслонившись руками от солнечного света, и заглянул внутрь. В пятнадцати шагах от двери он увидел софу и несколько кресел; каждое было накрыто белой материей. И больше ничего. Джек отправился дальше, надеясь найти себе какую-нибудь пищу.

В нескольких шагах от него стояла машина. В ней было четверо мужчин. Мгновение спустя Джек увидел, что у машины, древнего черного «де сото», имеющего такой вид, как будто по нему проехался Бродерик Крофорд, нет колес. К ветровому стеклу была прицеплена

карточка, пять на восемь, с надписью: «КЛУБ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ». Люди внутри, двое спереди и двое сзади, играли в карты. Джек подошел поближе.

– Прошу прощения, – начал он, и ближайший к нему игрок обратил на него взгляд своих серых рыбьих глаз. – Вы не знаете, где...

– Отстань, – ответил человек. Его голос звучал давяще и холодно. Лицо, обращенное к Джеку вполоборота, было сплошь испещрено прыщами и шрамами и слегка деформировано, как будто в детстве кто-то на него наступил.

– Я только хотел спросить, не знаете ли вы, где можно найти работу на пару дней?

– Попробуйся в Техасе, – ответил человек на сиденье водителя, и остальные трое громко заржали, разливая пиво на свою одежду и карты.

– Я сказал тебе, мальчик, отстань! – повторил сероглазый с помятым лицом. – Или мне придется помочь тебе уйти.

Он не шутил. Если Джек останется здесь еще хоть секунду, терпению мужчин придет конец, они выйдут из машины и избыют его до полусмерти. А потом снова сядут на свои места и откроют новые банки с пивом. Ими был усыпан весь пол. «Роллинг рокс», – прочитал Джек. Пустые банки валялись как попало, полные были еще в пластиковых упаковках. Джек отступил назад, и рыбы глаза отвернулись от него.

– Ну что ж, попробую поискать в Техасе, – сказал он. Ему показалось, что дверца «де сото» скрипнула, открываясь, и он ускорил шаг. Но это всего-навсего один из игроков откупорил новый «Роллинг рокс».

Хлоп! Пиши!

Джек шел не останавливаясь.

Он дошел до конца квартала и оказался на второй улице Оутли, у увядающего газона с желтой травой. Стекланные фигурки оленей, расставленные среди мертвых травинок, попали сюда как будто из Диснейленда. Пожилая бесформенная женщина с мухобойкой в руках уставилась на него с балкона.

Джек отвернулся от ее подозрительного взгляда и увидел перед собой последнее из безжизненных кирпичных зданий Милл-роуд. Три широких шага, и он у полуоткрытой двери. Длинное темное окно с непонятной вывеской «Будвайзер». Тут же, немного правее, еще одна вывеска: «ДИСКОТЕКА АПДАЙКА». А на несколько дюймов ниже, на такой же карточке, как и на «де сото», пять на восемь, от руки были написаны слова: «ТРЕБУЕТСЯ РАБОТНИК». Джек снял с плеч рюкзак, повесил его на руку и поднялся по ступеням. Мгновенная смена яркого солнечного света на темноту помещения напомнила ему тоннель на Милл-роуд и увитые плющом деревья.

Глава 9

Джек в лабиринте

1

Примерно трое суток спустя Джек Сойер, нервы которого совсем сдали после недавнего похода через тоннель, сидел в холодной кладовой дискотеки. Его рюкзак был спрятан за грудой винных бочек в дальнем углу комнаты. Через два часа, когда танцы закончатся, Джек убежит отсюда. То, что он думал об этом таким образом – не *уйдет*, не *покинет это место*, а именно *убежит*, – показывало, каким безнадежным считал он свое теперешнее положение.

Мне было шесть. Джону Б. Сойеру было шесть. Джеку было шесть. Шесть...

Эта мысль, казалось бы, совершенно не имеющая смысла, пристала к нему этим вечером и крутилась в голове, не давая покоя. Он предположил, что она явилась откуда-то из глубин подсознания, чтобы показать, как больно сознание и как изранена душа. Он не знал, что эта мысль может означать, – она просто крутилась и крутилась, словно деревянная лошадка на карусели.

Шесть. Мне было шесть. Джеку Сойеру было шесть...

Снова и снова. Опять и опять.

Кладовая имела общую стену с танцевальным залом, и сегодня вечером эта стена гулко вибрировала, словно кожа на барабане. Двадцать минут назад была пятница... Дискотека была битком забита людьми. Большой плакат в левом углу бара гласил: «НАХОЖДЕНИЕ ОДНОВРЕМЕННО БОЛЕЕ 220 ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПУНКТ 331». Очевидно, действие пункта 331 временно прекращалось на выходные дни, потому что сейчас не менее трех сотен человек танцевали под музыку кантри-группы, именовавшейся «Дженни Велли Бойз». Это была кошмарная группа, зато они играли на электрогитарах с примочками.

«Вот увидишь, как эти ребята лабают на гитарах», – сказал Смоуки.

– *Джек!* – услышал он голос Лори.

Лори была женщиной Смоуки. Джек до сих пор не знал ее полного имени. Он едва слышал ее голос за грохотом магнитофона, который включился в работу, пока группа отдыхала. Все пятеро стояли за стойкой бара и пили большими глотками русскую водку.

Лори просунула голову в дверь кладовой. Ее светлые пушистые волосы, убранные назад и поддерживаемые белыми детскими пластмассовыми заколками, блестели и переливались в электрическом свете.

– Джек, если ты быстренько не притащишь эту бочку, я думаю, он тебя накажет.

– Ладно, скажи ему, что я сейчас приду.

Джек покрылся гусиной кожей, и причиной этому была не прохлада кладовой. Со Смоуки Апдайком шутки плохи. Смоуки, который носит самодельные бумажные шапки на своей длинной голове, Смоуки с огромными пластиковыми вставными зубами, с проседью в волосах и с каким-то гробовым спокойствием, Смоуки со страшными коричневыми глазами, Смоуки Апдаик, который до сих пор был в какой-то степени непонятен Джеку – и это пугало его, – явно собрался сделать его своим пленником.

Магнитофон зазвучал тише или, может быть, это рев беснующейся толпы заглушил его. Какой-то ковбой с озера Онтарио рвал глотку в громком пьяном «йе-хоу!». Женщины визжали. Стаканы разбивались. Магнитофон снова ревел, как взлетающая ракета.

Место, где едят то, что валяется под ногами...

Даже не отряхнув.

Джек склонился над одной из бочек и протащил ее шага на три. Рот скривился от натуги, пот тек в три ручья, дыхание сперло, спина протестовала. Он остановился, тяжело хватая ртом воздух. Глаза готовы были выскочить из орбит.

Он подкатил тележку, поставил ее около винной бочки. Он собирался слегка приподнять ее и забросить в тележку. Но не тут-то было – огромная емкость весила немногим меньше, чем он сам. Он уронил ее на дно тележки, которое покрывал мягкий коврик, специально на случай таких падений. Теперь надо поправить бочку и не забыть вовремя убрать руки. Не получилось. Бочка притерла его пальцы к борту тележки. Невыносимая боль пронизала Джека с ног до головы, и он забежал по комнате, отчаянно тряся пострадавшей рукой. Потом Джек засунул все пальцы левой руки себе в рот и горько заплакал.

Но было кое-что и похуже, чем придавленные пальцы: Джек услышал шипение газов, выходящих из-под пробки. Если Смоуки вытащит пробку и вино брызнет ему в лицо...

Лучше об этом не думать.

Вчера вечером, в четверг, пытаюсь притащить Смоуки такую же бочку, только с пивом, он уронил ее на бок. Пробка вылетела, золотисто-белая пена, шипя, стекала в канализационное отверстие. Джек стоял ошеломленный, покрывшись холодным потом и не обращая внимания на крики Смоуки. Это было не просто пиво. Даже совсем не пиво. Это был эль. Королевский эль!

Тогда Смоуки первый раз побил его – сильный, резкий удар отбросил Джека на одну из шершавых стен кладовой.

– Это твой сегодняшний заработок, – сказал Смоуки. – Чтобы неповадно было сделать так еще раз. Никогда, Джеки.

Больше всего испугало Джека в этих словах: «неповадно было сделать так еще раз, никогда» – то, что они предполагали: ему придется быть здесь очень долгое время.

– *Джек, давай быстрее!*

– *Стараюсь...* – Он, отдуваясь, подтащил тележку к двери, нащупал ручку, повернул ее и ногой толкнул дверь от себя. Она ударилась о что-то большое, мягкое и упругое. – Извините, – сказал Джек.

– Сейчас я тебя извиню, ослиная задница!

Джек подождал, пока тяжелые шаги удалятся в сторону смежной с кладовой уборной, и снова толкнул дверь.

Стены туалета были выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Внутри резко воняло мочой и испражнениями. В каждой из деревянных дверей кабинок зияла по крайней мере одна дыра; стены покрывали неровные надписи, оставленные здесь пьяными придурками, которым больше нечем было заняться. Самая длинная из них, расположенная рядом с рисунком, изображающим чернокожего человека, казалось, излучала всю тупую и беспросветную ярость Оутли. Она гласила: «НЕГРЫ И ЕВРЕИ! ПРОЧЬ ИЗ АМЕРИКИ! УБИРАЙТЕСЬ В ИРАН!»

Шум, доносящийся из танцевального зала, эхом отдавался в кладовой. Мощная волна звуков, по-видимому, не собиралась прерываться ни на секунду. Джек еще раз оглянулся, желая убедиться, что его рюкзак не виден с этого места.

Он должен отсюда выбраться. *Должен!* Холодная, сырая кладовка – это еще ничего. Намного хуже Рэндольф Скотт. Нет, не *тот* Рэндольф Скотт, знаменитый актер, снявшийся более чем в пятидесяти фильмах. Просто парень, очень похожий на него. Джек считал Апдайка самым страшным человеком на Земле до тех пор, пока не увидел (или решил, что увидел) глаза того парня. Глаза Скотта, поменявшие цвет.

Но хуже всего само это место. Сама Оутли. В этом Джек был полностью уверен.

Оутли, штат Нью-Йорк, расположенная в самом центре округа Дженни, оказалась ловушкой, расставленной специально для него... Что-то вроде провинциального лабиринта. Одно из чудес света – лабиринт. Легко войти, почти невозможно выйти.

2

Высокий мужчина с обвислым животом ожидал своей очереди у двери в мужской туалет. Он ковырял в зубах пластмассовой зубочисткой и с ненавистью смотрел на Джека. Видимо, его живот и был тем препятствием, которое помешало двери открыться с первого раза.

– Ослиная задница! – повторил мужчина. В этот момент дверь туалета отворилась и оттуда вывалилась атлетического вида фигура. На какой-то момент глаза человека и глаза Джека встретились. Это был парень, похожий на Рэндольфа Скотта. Он не был кинозвездой. Он был всего-навсего фабричным рабочим, пропивающим свою зарплату. Чуть позже он уедет отсюда на купленном за полцены «мустанге» или старом, разбитом «харлей-дэвидсоне» с прикрепленной на козырьке надписью: «НАСТОЯЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПАРЕНЬ».

Его глаза светятся изнутри... Желтым светом... Нет, Джек, это только твоё воображение, ведь он всего лишь...

...всего лишь фабричный работник, который смотрит на него, потому что Джек здесь новичок. Он ходил в школу, играл в футбол, познакомился с молодой стройной девушкой, женился на ней, и девушка растолстела от шоколада и мороженых консервов «Штоуффер». Он всего-навсего деревенский дурачок, всего лишь...

Но у него желтые глаза!

Ты с ума сошел! Заклинился на этом желтом свете, нормальные у него глаза.

Что-то было в парне такое, что заставило Джека вспомнить, как он шел в Оутли. Как шел через тоннель...

Толстяк отпрянул от Скотта, одетого в джинсы «Левис» и чистую белую рубашку. Рэндольф Скотт шел прямо на Джека. Длинные волосатые руки болтались по бокам.

Глаза, до этого синие, как лед, сверкнули и начали менять цвет...

Джек поспешил удалиться, совершенно не заботясь о том, что он может кого-нибудь толкнуть.

Шум окружил его. Для какого-то красномордого человека, назвавшегося Робинотом Джеймсом, выл из магнитофона Кенни Роджерс.

Подставь свою вторую ще-е-е-ку! – учил Кенни находящихся в зале алкашей с заплавленными лицами. – *Жизнь в раю смиренных жде-е-е-ет!*

Джек не видел здесь ни одного человека, который выглядел бы хоть капельку смиренным. «Дженни Велли Бойз» уже вернулись на свое место и взяли инструменты. Все, кроме гитариста, были пьяны и не вполне понимали, где находятся. Гитарист же был абсолютно трезв и скучал в одиночестве. Слева от Джека какая-то женщина оживленно беседовала по платному телефону – телефону, заковавшему Джека в непроницаемую ледяную капсулу, телефону, к которому Джек не подошел бы теперь даже за миллион долларов. Пока она разговаривала, ее пьяный приятель пытался залезть к ней под полурасстегнутую ковбойку.

В зале прыгало и дергалось около семидесяти пар. Во время медленных танцев они просто топтались на месте, улыбаясь, облапив друг друга. Губы сливались в долгим поцелуе, пот ручьями тек со лбов и рисовал большие темные пятна под мышками.

– Слава тебе, Господи! – сказала Лори, когда Джек наконец подошел, и приоткрыла дверцу справа от стойки бара. Смоуки стоял здесь же, наполняя бокалы танцующих прохла-

дительными напитками, джином и тем единственным, что могло составить конкуренцию пиву, любимому напитку жителей Оутли, – русской водкой.

Джек снова увидел Рэндольфа Скотта. И тот его тоже увидел. Он сверкнул ледяной голубиной своих глаз и едва заметно кивнул, как бы желая сказать: *Мы поговорим. Чуть попозже. Я пока еще точно не решил, о чем. Может, о том, что произошло и что могло произойти в тоннеле на Милл-роуд. Или об Осмонде и его плетке. Или о больных матерях. А может, о том, сколько ты проторчишь в этом месте... Или о беззубых стариках, плачущих над торговыми тележками. А может, ты сам что-нибудь предложишь? А, Джеки?*

Джек вздрогнул.

Рэндольф Скотт улыбнулся, увидев эту дрожь (или почувствовав?), и углубился в толпу, в плотный, прокуренный воздух.

А секунду спустя тонкие пальцы Смоуки вцепились в плечо Джека, разыскивая болевую точку и, как всегда, найдя ее. Опытные, чувствительные пальцы.

– Джек, ты мог бы шевелиться быстрее, – сказал Смоуки. Его голос при этом звучал дружелюбно, почти ласково, однако пальцы сжимались все сильнее и сильнее. От него пахло канадскими леденцами, он сосал их постоянно. Вставные зубы равномерно пощелкивали, время от времени изо рта доносились неприятные звуки – Смоуки втягивал на место соскользнувший протез. – Ты должен шевелиться быстрее или мне придется приложить к твоей заднице раскаленную сковородку. Понял?

– Да, – ответил Джек. Только бы не расплакаться.

– Ну вот и хорошо. – На какое-то мгновение пальцы Смоуки еще глубже вонзились в маленькое плечо. Джек все-таки расплакался. Смоуки, которому именно это и было нужно, отпустил его. – Помоги мне открыть бочку, Джек. И постарайся сделать это побыстрее – вечер пятницы, людям хочется выпить.

– Утро субботы, – тупо пробормотал Джек.

– Не важно, давай.

Джек помог Смоуки задвинуть бочку в пустое пространство под баром. Тренированные мускулы Смоуки вздувались и перекачивались под тонкой тканью рубашки. Бумажная шляпа, похожая на поварской колпак, сидела на его узкой, как у хорька, голове обычным образом: передний угол почти касался левой брови, придавая лицу глуповатое выражение. Джек, затаив дыхание, следил, как Смоуки вытаскивает красную пластмассовую пробку. Раздался хлопок, намного громче, чем должно было быть... Джек облегченно вздохнул – пены не было. Смоуки выдвинул пустую бочку.

– Отнеси эту в кладовую и залей водой. Не забудь, что я говорил тебе днем.

Джек не забыл. Дело было так: в три часа пополудни неожиданно раздался громкий свист, похожий на сигнал воздушной тревоги. Сердце Джека едва не выпрыгнуло из груди. Лори тогда засмеялась и сказала: «Успокой нашего Джека, Смоуки. А то, мне кажется, он сейчас сделает пи-пи в штанишки».

Смоуки наградил ее строгим взглядом и сказал Джеку, что этот свист означает начало выдачи зарплаты на «Оутли текстилз». Еще сказал, что такой же свисток заработал сейчас на «Догтаун раббер» – фабрике, выпускающей игрушечных зверей, резиновых кукол и презервативы с названием «Веселая ночь». Рабочие получают зарплату, сказал он, и вскоре все будут здесь.

– И ты, и я, и Лори, и Глория должны шевелиться как можно быстрее, – говорил Смоуки, – потому что за один вечер пятницы, после этого свистка, мы можем выжать намного больше, чем за воскресенье, понедельник, вторник, среду и четверг, вместе взятые. Когда я говорю тебе, что ты должен прикатить бочку, – это значит, что бочка должна быть у меня до того, как я успею договорить. И еще – каждые полчаса ты должен быть в мужском туалете

со шваброй. По ночам пятницы эти ребята бегают туда каждые пятнадцать минут, а блюют каждые десять.

– Я беру на себя женский, – подходя, сказала Лори.

Волосы золотыми волнами стекали с плеч, обрамляя белое, как у вампира из книги комиксов, лицо. Она либо простудилась, либо имела вредную привычку – постоянно шмыгала носом. Джек больше склонялся к мысли, что это простуда – такая женщина, как Лори, не могла иметь дурных привычек.

– Женщины не такие пакостные, как мужчины, ненамного, но получше.

– Заткнись, Лори!

– Сам заткнись! – сказала она, и Смоуки тут же занес руку. Раздался звонкий шлепок, и все пять пальцев Смоуки красными полосками отпечатались на одной из бледных щек Лори, словно детский румянец.

Лори захныкала... но в ее глазах Джек с ужасом и удивлением разглядел счастливое выражение. Взгляд женщины, считающей побои знаком внимания.

– Сейчас вы начнете работать, и все будет в порядке, – сказал Смоуки. – Ты, Джек, помни, что должен шевелиться быстрее, когда мне нужна бочка. И не забывай убирать блевотину в сортире.

Потом Джек снова сказал Смоуки, что хочет уйти, а Смоуки повторил свои лживые обещания насчет утра воскресенья. Но какого черта ему ждать столько времени?

Теперь в зале было шумно. Со всех сторон раздавались громкие крики и почти лошадиное ржание. Треск ломающихся стульев... крики боли... В центре танцевального зала завязалась драка – третья за ночь.

Смоуки толкнул Джека:

– Ты идешь или нет?

Джек закинул пустую бочку на тележку и повез ее к двери кладовой, оглядываясь по сторонам в поисках Рэндольфа Скотта. Он увидел его стоящим в толпе, которая наблюдала за «поединком», и слегка успокоился. В кладовой пустая бочка присоединилась к ряду других – дискотека Апдайк за одну ночь «вырабатывала» их около шести. Покончив с делом, Джек вернулся к рюкзаку. На какое-то мгновение ему показалось, что тот исчез, и сердце провалилось в пятки. В рюкзаке – зелье Спида и монета Капитана Фаррена! С ног до головы покрывшись холодным потом, он обыскал другую грудку бочек. Рюкзак был там: цел и невредим. Джек чувствовал изгиб бутылки через тонкий нейлон. Сердце вернулось в грудную клетку, но ноги остались такими же ватными. Так чувствует себя человек, секунду назад бывший на волосок от гибели.

Мужской туалет был просто ужасен. То, что видел Джек ранним вечером, не шло ни в какое сравнение с тем, что там было сейчас. Джек принес горячей воды, плеснул ее на пол и принялся орудовать шваброй, стараясь не смотреть под ноги. Он вернулся в мыслях на несколько дней назад – должно быть, так же думает волк о попавшей в капкан лапе.

3

Когда Джек первый раз вошел в дискотеку Апдайк, она была холодной, мрачной и пустой. Магнитофон, автоматический кегельбан и компьютерная игра «Космические пираты» – все стояло выключенным. Единственный источник света был за стойкой бара – электронные часы, зажатые между вершинами двух гор, выглядели странно, как НЛО. Слегка улыбнувшись, Джек подошел к бару. В этот момент громкий ровный голос за его спиной произнес:

– Это бар, а не кинотеатр... Ты что, тупой?

Джек едва не сел от неожиданности. Еще секунду назад, вертя в кармане волшебную монету, он думал, что все пойдет так же, как было в «Золотой ложке», – он сядет за столик, закажет что-нибудь, а затем справится насчет работы. Конечно, незаконно предоставлять работу такому ребенку, как он, без согласия родителей или опекунов, и, как следствие, он может получать только минимальный заработок. Но другого выхода не было. Переговоры обычно начинались с истории № 2: «Джек и жестокий отчим».

Он резко обернулся и увидел человека, в одиночестве сидящего за одним из столиков. Он смотрел на Джека холодным, настороженным взглядом. Человек был худ, но из-под тонкой белой рубашки просвечивали горы мускулов. На нем были надеты белые мешковатые штаны; бумажная шляпа сползла вперед, закрыв левую бровь. Голова узкая, как у хорька, волосы коротко подстриженные, седеющие на висках. На столе перед ним лежала пачка счетов и микрокалькулятор производства «Тексас инструментс».

– Я увидел ваше объявление «ТРЕБУЕТСЯ РАБОТНИК» и подумал: может быть, здесь найдется что-то для меня, – сказал Джек без всякой надежды. Этот человек вряд ли вообще станет с ним разговаривать, а уж тем более не захочет взять его на работу. Парень выглядел очень привередливым.

– Ты прочитал? Ха! Ты умеешь читать? Должно быть, выучился за один из тех дней, когда не прогуливал уроки?

Начало обычное. Человек вытащил сигару из лежавшей на столе пачки «Филлис черутс», не спуская глаз со стоящего перед ним мальчика.

– Я не знал, что это бар, – сказал Джек, отступая к двери.

Солнечный свет с трудом пробивался сквозь грязные стекла и замиртво падал на пол.

– Я, конечно, предполагал, что это может быть... ну, бар там или кафе... Извините, я уже ухожу.

– Подойди ко мне, – сказал человек, глядя на него своими карими глазами.

– Нет-нет, все... – промямлил Джек. – Я уже...

– Подойди. И сядь.

Человек чиркнул спичкой о крышку стола и прикурил сигару. Муха, неосторожно приземлившаяся на его бумажную шляпу, ужужжала в темноту. Его глаза вернулись к Джеку.

– Я не причиню тебе вреда.

Джек медленно подошел и опустился на стул, аккуратно, по-школьному сложив перед собой руки. А шестьдесят часов спустя, в первом часу ночи драя мужской туалет, Джек думал – нет, он даже знал наверняка, – что это его собственная тупая доверчивость и самомнение захлопнули за его спиной двери ловушки, в которую он сам и влез (захлопнули в тот момент, когда он сел напротив Смоуки Апдайка, – тогда он, к сожалению, еще ничего не понял). Ловушка, капкан, лабиринт с неприятным запахом и грязными стенами, ждущий, когда же какая-нибудь ослиная задница сунется внутрь и затеряется там, блуждая среди луж вонючего пива.

Если не убежит...

«А зачем убегать? – думал Джек, стараясь не смотреть в ледяные глаза человека. – Может, здесь найдется для меня какое-нибудь дело?» Минетта Бенберри, хозяйка и управляющая «Золотой ложки» в Оберне, была достаточно благосклонна к Джеку. Она даже обняла и поцеловала его, а кроме этого, дала три толстых сэндвича, но ей не удалось его обдурить. Благосклонность и даже некоторое подобие доброты не в состоянии скрыть корыстные цели, а тем более жадность.

Минимальный заработок в Нью-Йорке составлял три доллара сорок центов в час. Эта информация была написана на красивом розовом листе размером с киноафишу на кухне «Золотой ложки». Но повар, парень с Гаити, почти не знающий английского языка и скорее всего находившийся в стране незаконно, получал только два. Готовил он просто замеча-

тельно, никогда не позволяя картофелю, мясу или рыбе пребывать на сковороде хоть одну лишнюю минуту. Девушка, работавшая у миссис Бенберри официанткой, была прелестна и глупа. Она тоже попала в Америку нелегально, все ее документы остались в Риме. Естественно, в таких случаях минимум не соблюдался, и шепелявая заторможенная девушка с неподдельным восторгом рассказывала Джеку, что получает доллар двадцать центов *каждый час, и это все ей!*

Сам Джек получал доллар пятьдесят центов. Он долго торговался за эту сумму, хотя и знал, что если бы миссис Бенберри не находилась в затруднительном положении – ее старая судомойка сбежала накануне: ушла на обеденный перерыв да так и не вернулась, – она не стала бы даже разговаривать с ним по этому поводу. Сказала бы просто: или бери доллар с четвертью, малыш, или пойди-ка погуляй. Америка – свободная страна.

Сейчас с некоторым цинизмом, который являлся частью его новой роли, Джек думал, что перед ним вторая миссис Бенберри. Пусть не толстая и дряблая женщина, а подтянутый и мускулистый мужчина, но во всех других отношениях – никакой разницы с хозяйкой «Золотой ложки».

– Ищешь работу? Ха! – Мужчина в белых штанах и бумажной шляпе положил свою сигару в старенькую пепельницу с надписью «КЭМЕЛ» на дне. Муха прекратила умываться и удалилась.

– Да, сэр, но ведь вы сказали, что это бар и все такое...

В сердце вновь зашевелилась тревога. Эти карие глаза под желтоватыми веками пугали его – они были похожи на глаза старого голодного кота, случайно наткнувшегося на жирную, неповоротливую мышь.

– Это все мое, – перебил его человек. – Меня зовут Смоуки Апдайк. – Он протянул руку. Удивленный Джек пожал ее, но тут же оказался в крепких объятиях и едва не вскрикнул от резкой боли. Вскоре объятия ослабли, но Апдайк не отпускал его: – Ну?

– А?.. – спросил Джек, понимая, что это должно прозвучать глупо. Но он *чувствовал себя* глупо и испуганно. Ему было больно, он хотел вырваться из лап Апдайка.

– Родители не научили тебя представляться?

Это прозвучало столь неожиданно, что Джек чуть было не выпалил свое настоящее имя вместо того, которое он называл в «Золотой ложке», того, которое он называл всем людям, желающим его знать. Это имя – Джек про себя называл его своим «походным именем» – было Льюис Фаррен.

– Джек Со... а... Сойтель, – сказал он.

Апдайк, не сводя с него насмешливых глаз, задержал руку еще на мгновение, потом отпустил.

– Джек Со-а-Сойтель, – задумчиво повторил он. – Должно быть, самое длинное и дурацкое имя в телефонной книге, да, малыш?

Джек покраснел, но решил промолчать.

– Ты не очень-то крепок, – сказал Апдайк. – Как думаешь, ты в состоянии поднять двенадцатифунтовую пивную бочку и закинуть ее на тележку?

– Думаю, в состоянии, – ответил Джек, хотя и не был в этом уверен. Но в таком пустынном месте ему вряд ли придется менять бочки чаще, чем раз в день.

Словно прочитав его мысли, Апдайк сказал:

– Да, сейчас здесь никого нет. Но к четырем-пяти часам тут будет достаточно народу, а уж по выходным это место переполняется через край. Вот тогда-то ты и сможешь заработать.

– Ну, я не знаю, – протянул Джек. – А сколько я буду получать?

– Доллар в час, – ответил Апдайк. – Я, честное слово, платил бы тебе больше, но... – Он похлопал рукой по массивной пачке счетов и слегка улыбнулся, как бы говоря: *Ты видишь, как все в Оутли дорожает, как ветер гуляет в карманах. С 1971 года все вокруг приходит*

в упадок... Но глаза не улыбались. Глаза смотрели на Джека с той же кошачьей сосредоточенностью.

– Но это не так много, – сказал Джек. Он говорил медленно, но мысли бешено крутились в голове. В дискотеке пусто и тихо, как на кладбище. Днем, похоже, она служит забеговкой для старых, опустившихся алкашей. Но сейчас ни один из них не стоял, прислонившись к стойке бара, не потягивал пиво и не смотрел телевизор. В Оутли все пили в своих машинах и почему-то называли их «клубами». В Оберне доллар с полтиной в час давался ему тяжелым трудом. Здесь же один доллар за такое же время не будет ему стоить ровным счетом ничего.

– Да, – согласился Смоуки, возвращаясь к калькулятору. – Не много.

По его тону можно было понять, что Джек должен либо согласиться на такую сумму, либо выйти вон. Торг неуместен.

– Что ж, я согласен, – сказал Джек.

– Вот и хорошо. Теперь нам остается выяснить только один вопрос: от кого ты бежишь и кто за тобой гонится? – Карие глаза сверлили Джека насквозь. – Если кто-то сидит у тебя на хвосте, то я не хочу иметь с ним никаких проблем.

Это не смутило Джека. Он, конечно, не был самым одаренным ребенком на земле, но имел достаточно фантазии, чтобы сочинить рассказ, который не позволил бы ему умереть с голоду на дороге. Итак, настало время истории № 2: «Жестокий отчим».

– Я из маленького города в штате Вермонт, – начал Джек, – из Фендервилла. Мои мама и папа разошлись два года назад. Папа хотел забрать меня к себе, но суд отдал меня маме. Они только ругаются и ругаются, а до меня им нет дела...

– Сказки, – сказал Смоуки, не отрываясь от своих подсчетов, однако, заметил Джек, он не переставал внимательно слушать его.

– Так вот, мой папа уехал в Чикаго и там устроился работать на завод, – продолжал Джек. – Он пишет почти каждую неделю, но за последний год ко мне так и не приезжал, потому что Обри его побил. Обри – это...

– Твой отчим, – закончил вместо него Апдайк. Джек прищурился. Его обуяли сомнения – в голосе Апдайка не было никакого участия. Напротив, Апдайк просто смеялся над ним и его историей, как будто знал, чего на самом деле стоит эта сказка.

– Да, – продолжал Джек как можно спокойнее. – Моя мама вышла замуж полтора года назад. Он злой и часто меня бьет...

– Ай-я-яй! Бедный Джек! – Смоуки поднял на него свои насмешливые и недоверчивые глаза. – И теперь ты направляешься в этот солнечный город, где вы с отцом будете жить долго и счастливо?

– Да, – сказал Джек. – Я надеюсь. – И тут на него нашло неожиданное вдохновение. – Все знают, что мой *настоящий* отец никогда не хватал меня за шею и не тыкал головой в унитаз! – Он расстегнул ворот рубашки, показывая ссадину на шее. Она уже начала заживать. Еще когда он работал в «Золотой ложке», рана болела и была устрашающе ярко-бордовой. Но в «Золотой ложке» ему не представился случай показать ее. Рана, конечно же, была нанесена злобным корнем, едва не оборвавшим его юную жизнь в лесах параллельного мира.

Не без гордости Джек заметил, как изменилось выражение глаз Смоуки Апдайка. Похоже, он был потрясен. Смоуки приподнялся со стула, уронив при этом на пол несколько желтых и розовых листов.

– *Боже мой*, малыш, – прошептал он, – это сделал твой отчим?

– Вот потому-то я и решил удрать.

– Скажи честно – он может здесь нарисоваться, разыскивая свою машину, мотоцикл или бумажник, на худой конец?

Джек отрицательно мотнул головой. Смоуки еще раз заглянул ему в глаза, словно желая удостовериться в правдивости его слов, и щелкнул выключателем на калькуляторе.

– Пойдем со мной в кладовую, малыш, – сказал он.

– Зачем?

– Я хочу убедиться, что ты справишься с работой.

4

Джек, к удовлетворению Смоуки, продемонстрировал, что в его силах поставить на ребро тяжелую алюминиевую бочку и приподнять ее на достаточную высоту, чтобы она перевалилась через борт тележки. Ему удалось даже проделать это с видимой легкостью. За уроненную бочку он получит по носу только день спустя.

– Ну что же, неплохо, – сказал Смоуки. – Ты достаточно силен для такой работы, хотя ростом и не вышел. Скорее всего ты заработаешь себе грыжу, но это уже твои проблемы.

Он объяснил Джеку, что тот должен приступать к работе в полдень и заканчивать ее в час ночи. («Даже если выдохнешься».) Зарплата будет выдаваться каждую ночь, сразу же после окончания работы. Деньги на бочку.

Они вернулись в зал и застали там Лори. Она была одета в голубые спортивные шорты, такие короткие, что даже не полностью скрывали ее шелковые трусики, и теннисную кофту без рукавов, сшитую будто на слона. Ее светлые волосы были убраны назад, а в пальцах дымился «Пэлл-Мэлл» с широкой полосой губной помады на фильтре. Между двух аккуратных грудей висело большое распятие.

– Это Джек, – представил Смоуки, – можешь снять объявление с окна.

– Привет, козленок! – сказала она. – Ты появился как раз вовремя. У нас тут... – Лори затараторила, не давая никому вставить слово.

В конце концов Смоуки рассвирепел:

– Заткни свою глотку!

– Ты не поможешь мне, милый? – подзадорила она, за что тут же и поплатилась. Широкая ладонь Апдайка стукнула ее по подбородку совсем даже не шутя, а с достаточной силой, чтобы Лори отлетела к стойке бара. Джек моргнул и вспомнил звук, издаваемый плеткой Осмонда.

– Противный мужик! – крикнула Лори. Ее глаза наполнились слезами, но на лице появилось довольное выражение, словно все было в порядке вещей. Тревога в сердце Джека начала расти и в конце концов превратилась в страх.

– Не обращай на нас внимания, козленок, – сказала она, глядя куда-то сквозь него, – с тобой будет все в порядке.

– Его зовут Джек, а не *козленок*! – рявкнул Смоуки. Он вернулся за столик, где недавно «допрашивал» Джека, и принялся собирать раскиданные бумаги. – Не смей больше повторять это слово! Козлята – это дети козы, или тебе этого не говорили в школе? Дай ему пару гамбургеров. Сегодня он приступит к работе в четыре часа.

Лори сняла с окна объявление и бросила его за магнитофон таким привычным жестом, словно проделывала это уже не одну сотню раз. Проходя мимо Джека, она подмигнула ему.

Зазвонил телефон.

Все трое резко повернулись к нему, испуганные внезапным звуком. На мгновение аппарат показался Джеку большой черной улиткой, ползущей по стене. Это было долгое мгновение, почти бесконечное. Он успел разглядеть жесткие черты лица Смоуки Апдайка, вздувшиеся вены на длинных волосатых руках, успел прочитать черную надпись на желтой табличке, висящей над аппаратом: «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАЗГОВОРА НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ МИНУТ».

Телефон все звонил и звонил, разрывая мертвую тишину зала.

В голову Джека неожиданно пришла устрашающая мысль: *Это меня. Меня. Звонят издалека. Очень большое расстояние.*

– Ответь же, Лори, – сказал Апдайк, – ты что, оглохла?

Лори подошла к телефону.

– Алло? Дискотека Апдайк, – сказала она слабым, дрожащим голосом. – Алло! Алло! Твою мать! – Она с грохотом бросила трубку.

– Опять какие-нибудь дети. Вчера спрашивали, не сидит ли у нас в туалете принц Альберт. Будешь гамбургеры, козленок?

– *Джек!* – проревел Смоуки.

– Да. Джек, конечно. *Джек.* Ты хочешь гамбургеров, Джек?

Джек не стал отказываться, и вот они были перед ним – аппетитные, горячие, с горчицей и луком. Он быстро проглотил их и запил стаканом молока. Тревога и страх исчезли вместе с голодом. Ускакали, как козлята. Козлята...

5

Наступило четыре часа. Мертвая тишина дискотеки-пивной словно была умно подстроенной сценой, поставленной для того, чтобы заманить его: дверь как по команде распахнулась, и около дюжины красномордых мужиков в рабочей одежде ввалились внутрь. Лори тут же включила магнитофон, и кегельбан, и «Космических пиратов». Несколько человек поздоровались со Смоуки. Тот ответил им своей жутковатой скупой улыбкой, обнажив два ряда вставных зубов. Большинство заказывало пиво. Двое или трое – русскую водку. Один – Джек узнал в нем члена «Клуба хорошей погоды» – подошел к музыкальному автомату и принялся бросать в него двадцатипятицентовые монеты, наслаждаясь голосами Микки Гиллея, Эдди Рэббита, Уайлона Джейнинга и прочих. Смоуки подозвал Джека, велел ему взять ведро, швабру и веник из кладовой и вымыть пол перед сценой, которая пустовала в ожидании вечера пятницы и «Дженни Велли Бойз». А после того как пол будет вымыт, Джек должен посмотреть себе под ноги.

– Ты узнаешь, что работа сделана, когда увидишь отражение собственной физиономии.

6

Итак, его работа в дискотеке Апдайк началась.

К четырем-пяти часам тут будет достаточно народу.

Никто не посмеет сказать, что Смоуки обманул Джека. До того как он отодвинул тарелку и приступил к зарабатыванию денег, дискотека-пивная была пуста. Но к шести вечера сюда набилось уже около пятидесяти человек, и темнокожая официантка Глория приступила к своим обязанностям под одобрительные возгласы толпы. Глория присоединилась к Лори, и они вместе принялись лить реки вина, моря русской водки и океаны пива.

За бочками в несколько рядов выстроилось баночное и бутылочное пиво. Здесь были и «Будвайзер», и другие всеми любимые сорта, такие как «Дженези», «Ютика клаб» и «Роллинг рокс». Джек только успевал таскать. Руки покрылись волдырями, спина ныла.

Между походами в кладовую за банками и бутылками и по зову «Кати бочку, Джек!» (фраза, от которой у Джека с некоторых пор начали пробегать мурашки по коже) он возвращался к швабре, ведру и венику. Однажды в нескольких дюймах над его головой просвистела пустая пивная бутылка. Он увернулся и услышал, как она разбилась о стену. Смоуки выставил пьяного нарушителя спокойствия за дверь, скалясь, как крокодил. Выглянув в окно, Джек увидел, как изгнанный иступленно пинает ограду автостоянки.

– Подойди ко мне, Джек, – подозвал его Смоуки. – Тебя не задело?! Ну и слава Богу! И через секунду:

– Тогда почему ты до сих пор не убрал это безобразие?!

Полчаса спустя Смоуки отправил его драить мужской туалет. Человек средних лет, с прической под Дика Пайна, стоял, склонившись над одним из писсуаров. Одной рукой он опирался о стену, в другой держал огромный необрезанный член. Под ногами растекалась лужа блевотины.

– Закрой дверь, малыш, – сказал человек, – старику нехорошо.

Не в силах сдерживать отвращение, Джек повернулся к ближайшему унитазу. Его вырвало чем-то отдаленно напоминающим сегодняшней обед. Он успел только пару раз судорожно глотнуть воздух, когда началась следующая схватка. Трясущейся рукой Джек дотянулся до веревки и спустил воду. Уайлон и Уилли надрывались за стеной, воспевая прекрасный город Линенбах в штате Техас.

Внезапно перед его глазами всплыло лицо матери – намного более красивое, чем оно когда-либо было даже на экране. Он увидел, как она в одиночестве сидит в их номере в отеле «Альгамбра». Рядом с ней, в пепельнице на столе, дымится забытая сигарета. Она плачет. Сердце так сильно сжалось, что Джек даже испугался – как бы не умереть. Не умереть от любви к ней. Как хотел бы он, чтобы ничего не было – ни страшных тоннелей, ни женщин, которым нравится быть постоянно битыми, ни мужчин, которые мочатся и блюют одновременно. Как хотел он быть сейчас рядом с ней и как ненавидел Спиди Паркера за то, что ступил на этот ужасный путь!..

В эти секунды мало что осталось от его самомнения – оно рассыпалось в прах раз и навсегда. Голос рассудка был заглушен отчаянным детским плачем: *Я хочу к маме! Господи Боже мой! Молю тебя! Я ХОЧУ К МАМЕ!*

На ватных ногах от отошел от унитаза и подумал: *Все к черту! Я возвращаюсь домой! Я ненавижу тебя, Спиди! Зачем я с тобой встретился? Зачем?* Сейчас он совершенно не думал о том, что мама может умереть. В этот момент немой боли он был «Джеком для Джека», эгоистом, движимым только бессознательным чувством самосохранения, как маленький зверек, подверженный любой опасности, зубам любого хищника, – как олененок, заяц, белка или бурундук. В этот момент он мог позволить ей умереть от раковой опухоли, захватившей ее легкие, лишь бы она могла сейчас обнять его перед сном, поцеловать и пожелать спокойной ночи, запретить всю ночь слушать приемник или читать с фонариком под одеялом.

Он оперся о стену и попытался взять себя в руки. Это было даже не сознательное действие, а скорее инстинкт. Чувство самоконтроля, которое он унаследовал от Фила Сойлера и Лили Кевинью. Да, он сделал ошибку. Большую ошибку. Но он не пойдет на попятную. Долины существуют – значит, существует и Талисман. Как он может заживо хоронить свою маму из-за какой-то там трусости!

Джек наполнил ведро горячей водой из-под крана и отправился убирать нечистоты. Справившись со всеми делами, он обнаружил, что уже половина одиннадцатого и толпа начинает потихоньку рассасываться. Оутли – рабочий поселок, и его пьяницы рабочие по будним дням возвращаются домой пораньше.

– С тобой все в порядке? – спросила Лори. – Ты бледный, как простынка.

– Я хочу пить. Ты можешь налить мне виноградного сока?

Она подала ему стакан, он выпил и снова принялся намыывать полы в танцевальном зале. В четверть двенадцатого Смоуки послал его в кладовую «катить бочку». Джек едва справился. А в четверть первого Смоуки начал потихоньку выгонять засидевшихся посетителей. Лори щелкнула выключателем магнитофона, даже не позаботившись о том, чтобы его перед этим остановить. Дик Кэрлесс умер с протяжным загробным ревом – еще несколько

протестующих криков, и он затих. Глория повыключала игры, одернула свитер (такой же розовый, как канадские леденцы, которые регулярно сосал Смоуки, такой же розовый, как пластмассовые десны его зубных протезов) и удалилась. Смоуки погасил все лампы, кроме одной, и выставил за дверь оставшихся четверых или пятерых алкашей.

– А ты молодец, Джек, – сказал он, когда они остались одни. – Хорошо работаешь! Конечно, можно было бы и лучше, но ведь ты только начал. Можешь отправляться спать.

Вместо того чтобы спросить о деньгах (которые Смоуки и не подумал предложить), Джек молча кивнул и на полусогнутых ногах побрел в кладовую. Он настолько устал, что был похож на маленькое подобие пьяниц, позже всех покинувших свое излюбленное место.

В кладовой он застал Лори, сидящую в углу на корточках. Ее спортивные шортики приподнялись до кошмарного уровня. Сначала Джек с тревогой и страхом подумал, что она роется в его рюкзаке, но, подойдя поближе, увидел, что Лори стелит одеяло поверх нескольких широких мешков. Затем она положила сверху маленькую атласную подушку с надписью: «Нью-Йоркская всемирная выставка».

– Я свила тебе гнездышко, птенчик, – проворковала Лори.

– Спасибо, – ответил ей Джек. Это было лишь маленькое проявление доброты, но Джек почувствовал, что ему приходится бороться с подступившими слезами. Он выдавил из себя улыбку: – Большое тебе спасибо, Лори.

– Не за что. С тобой все будет хорошо, Джек. Смоуки не такой плохой, каким пытается себя показать. – Ее голос прозвучал с глубокой тоской. Похоже, она сама не верила в то, что говорила.

– Я верю, – сказал Джек и неожиданно для себя добавил: – Но утром я уйду. Оутли, к сожалению, не для меня.

– Может, уйдешь... – сказала она. – А может, ос... решишь остаться здесь надолго. Почему ты не ложишься? – Что-то натянутое, ненатуральное проскользнуло в ее голосе. Джек вспомнил, какой неискренней была ее улыбка, когда она «вила гнездышко». Он просто отметил это – он слишком устал, чтобы делать какие бы то ни было выводы.

– Видно будет, – сказал Джек. – Утро вечера мудренее.

– Мудренее, – согласилась Лори. Она подошла к двери и оттуда грязной ладошкой послала ему воздушный поцелуй. – Спокойной ночи, Джек!

– Спокойной ночи, Лори.

Он принялся стаскивать с себя рубашку, но тут же натянул ее назад. Пожалуй, снять следует только кроссовки. Кладовая была холодной и сырой. Джек сел на груды мешков и снял носки – сначала один, потом второй. Он уже собирался упасть на сувенир со всемирной выставки и заснуть мертвым сном, когда снова зазвонил телефон в баре, разрывая тишину на части, *ввинчиваясь* в нее и заставляя Джека вспомнить мерзкие серые корни, плетку Осмонда и двухголовую лошадь.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» В тишину. В мертвую тишину.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» «Дети, спрашивающие принца Альберта, давно уже спят».

«Дзинь-дзинь-дзинь!» *Привет, Джеки, это Морган. Я учуял тебя в своем лесу, маленький кусок дерьма! Я унюхал тебя в своем лесу, и зря ты думаешь, что можешь спастись от меня в другом мире! Твой мир – это тоже мой лес. Последний раз говорю – отправляйся домой, иначе умрешь. У тебя нет выбора, Джеки. У тебя нет никаких шансов...*

Джек вскочил и на цыпочках подбежал к двери. Холодный пот прошиб его с ног до головы.

«Дзинь-дзинь-дзинь!»

И наконец:

– Алло! Дискотека Апдайк. Я слушаю. Кого вам нужно? – Голос Смоуки.

Тишина.

– Алло!

Опять тишина.

– ...вашу мать!!!

Смоуки бросил трубку, и Джек услышал, как скрипит под его ногами пол танцевального зала, потом ступеньки, ведущие в маленькую комнату на втором этаже, где жили они с Лори.

7

Джек, не веря своим глазам, смотрел то на полоску зеленой бумаги в его левой руке, то на пачку счетов на столе. Было одиннадцать часов следующего утра – утра четверга, и он решился спросить о деньгах.

– Что это? – спросил он, все еще не в состоянии поверить в то, что увидел.

– Ты же умеешь читать, – сказал Смоуки. – Умеешь считать. Ты не так быстро шевелишь руками и ногами, как бы мне хотелось, но, я думаю, с мозгами у тебя все в порядке.

Теперь в одной руке Джек держал все ту же зеленую полоску бумаги, а в другой – деньги. Тупая злость подступила к горлу, вены пульсировали на висках. «СЧЕТ ЗА ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТА», – прочитал Джек. Точно такие же счета приносила миссис Бен-берри посетителям «Золотой ложки». Ниже было написано:

Гамбургер 1 шт. 1.35

Гамбургер 1 шт. 1.35

Молоко 1 ст. 0.55

Сок виногр. 1 ст. 0.55

Наценка 0.30

Внизу большими цифрами: 4.10 и обведено в кружок.

С четырех дня до часу ночи Джек заработал девять долларов. Безжалостная рука Смоуки перечеркнула почти половину. То, что она протянула, было четырьмя долларами девяти центами.

Джек яростно взглянул – сперва на Лори, которая смущенно отвернулась, затем на Смоуки, который и до этого на него не смотрел.

– Это обман, – сказал он тонким голосом.

– Джек, здесь все правильно. Посмотри на цены в меню...

– Я не об этом говорю, и вы прекрасно понимаете!

Лори слегка вздрогнула, решив, что эти слова ему даром не пройдут... Но Смоуки лишь терпеливо смотрел на Джека.

– Я не взял с тебя за ночлег.

– За ночлег?! – выпалил Джек, чувствуя, как кровь подступает к лицу. – *За ночлег?* На грязных, драных мешках прямо на полу? *Ночлег!* Хотел бы я посмотреть, как ты попытаешься высчитать с меня за это! Грязный *мошенник!*

Лори что-то пискнула и бросила короткий взгляд на Смоуки. Но Смоуки только присел на стул напротив Джека. Сизый дым «черутс» заструился между ними. Шляпа из свежей газеты сползла на узкий лоб.

– Мы не договаривались о том, что ты здесь будешь ночевать, – сказал Смоуки. – Ты спросил, есть ли для тебя работа. Я сказал, что есть. Ни слова не было сказано и о том, чем ты будешь питаться. Если бы ты поднял вопрос, может быть, что-нибудь изменилось. А может, и нет. Но как бы то ни было, мы этот вопрос не оговаривали. Какие ко мне претензии?

Джека колотила дрожь, слезы ненависти застилали глаза. Он пытался что-то сказать, но из горла вылетало нечто нечленораздельное. Он был слишком взбешен, чтобы разговаривать.

– Конечно, если ты хочешь теперь обсудить эту проблему...

– Пошел ты к *черту*! – вырывая свои четыре бакса и мелочь, прокричал Джек. – Учи следующего дурака, который придет сюда, о чем ему нужно спрашивать сначала! *Я ухожу*!

Он демонстративно направился к двери... Несмотря на свою злость, он знал – не думал, а именно *знал*, – что ему не удастся уйти далеко.

– Джек!

Он уже повернул ручку, но голос прозвучал неоспоримо, как приказ. Он был полон угрозы. Джек отпустил ручку и обернулся, чувствуя, как ярость покидает его. Он внезапно показался себе старым и бессильным. Лори вернулась за стойку бара и принялась наводить там порядок. Раз Смоуки не собирался давать волю кулакам, значит, все нормально и дальнейшее не заслуживает внимания.

– Неужели ты хочешь поставить меня в затруднительное положение, Джеки? Скоро выходные – здесь будет тьма народу...

– Нет, я хочу уйти отсюда. Вы меня обманули.

– Нет, сэр, – сказал Смоуки. – Я же тебе все объяснил. Если тебя кто и обманул, так это ты сам. А теперь давай обсудим вопрос твоего питания. Я предлагаю – пятьдесят процентов стоимости за еду, а напитки даже бесплатно. Я раньше никогда не заходил так далеко, когда время от времени прибегал к детскому труду. Но грядущие выходные обещают быть особенно сложными для нас. Сейчас пора сбора яблок. Все рабочие Оутли и окрестных деревень будут здесь. К тому же ты мне *понравился*, Джек. Потому я и не побил тебя, когда ты повысил голос. Хотя, возможно, это еще случится. Пойми, ты мне нужен на эти выходные.

Джек почувствовал, как ярость на мгновение вернулась к нему, но тут же снова исчезла.

– А если я все-таки уйду? – спросил он. – Я заработал пять долларов, а оказаться подальше от этого Богом забытого места будет для меня лучшим подарком.

Продолжая улыбаться, Смоуки сказал:

– Ты помнишь, как вчера убирал в нужнике за парнем, который облевал свои ботинки?

Джек кивнул.

– Запомнил, как он выглядит?

– Стрижка ежиком. В хаки. А что?

– Это Отуэлл Землекоп. На самом деле его зовут Карлтон, но он десять лет заведовал городским кладбищем, и люди прозвали его Землекопом. Это было... двадцать или тридцать лет назад. Когда Никсона избрали президентом, он записался в фараоны. Теперь он шеф полиции.

Смоуки глубоко затянулся сигарой и снова перевел взгляд на Джека.

– Я слишком хорошо знаю Отуэлла, – продолжал Смоуки, – и если ты все же уйдешь, я не могу гарантировать, что ты не будешь иметь неприятностей с Землекопом. Для тебя это может закончиться по-разному. Ты отправишься домой или тебя пошлют собирать яблоки в общественном саду Оутли... О, я думаю, около сорока акров превосходных деревьев. Может, тебя побьют. Или... я слышал, что старина Землекоп неравнодушен к маленьким детям. Особенно к мальчикам.

Джек вспомнил огромный пенис. Его едва не стошнило. По коже пробежали мурашки.

– А здесь, если можно так выразиться, ты под моим кровом. Откуда ты знаешь, с кем можно столкнуться на улице? Может случиться, что ты покинешь Оутли без всяких проблем. А может, ты не успеешь выйти за дверь, а он тут как тут на своем «плимуте». Землекоп не слишком умен, но иногда ему помогает чутье. Или... или кто-нибудь может ему позвонить.

Лори вытерла руки, включила радио и принялась подпевать старой песенке про степного волка.

– Вот что я тебе скажу, – продолжал Смоуки. – Оставайся здесь, Джек. Поработай до конца выходных. Затем я посажу тебя в грузовик и сам вывезу за черту города. Подумай –

ты уйдешь отсюда в воскресенье в полдень, имея в кармане тридцать баксов, которых не было, когда ты пришел сюда. Ты уже не будешь считать Оутли мерзким и Богом забытым местом. Что ты на это скажешь?

Джек заглянул в эти карие глаза, полуприкрытые желтыми, с сетью кровеносных сосудов веками, посмотрел на эту широкую, вроде бы искреннюю улыбку, на два ряда вставных зубов. Он заметил даже с неприятным, пугающим чувством *дежа вю*, что муха снова сидит на верхушке его бумажной шляпы и намывает мохнатые лапки.

Он предположил: Смоуки *знал*, *он* знал, что все сказанное Апдайком – чистейшая ложь. К тому же хорошо продуманная. После работы в ранние часы утра субботы, а затем утра воскресенья Джек проспит по крайней мере часов до двух. Смоуки скажет, что не может сейчас никуда его отвезти, потому что Джек встал слишком поздно, а теперь он, Смоуки, очень занят. У него дела. У него посетители. И Джек не сможет уйти – не столько из-за того, что очень устанет после работы, сколько из-за того, что будет бояться, как бы Смоуки вдруг не потерял интереса к своим делам и посетителям и не позвонил своему другу Отуэллу Землекопу, чтобы сказать: «Он идет по Милл-роуд. Землекоп, старина, почему бы тебе не поймать его? Поймай и приезжай ко мне. Я угощу тебя пивом. Бесплатно. Только не блуй в моем туалете, пока не привезешь мальчишку».

Это один сценарий. Были и другие – каждый отличался от остальных в деталях, но суть оставалась прежней.

Смоуки Апдайк улыбнулся еще шире.

Глава 10

Элрой

1

Когда мне было шесть...

Дискотека, которая две прошлые ночи затихала к этому часу, сегодня ревела сотнями голосов, как будто все посетители решили хором встретить рассвет. Джек заметил, что два стола исчезли. Драчуны, послужившие причиной этому, были выставлены за дверь еще до начала его последней экспедиции в сортир. Теперь на вновь появившемся пустом пространстве танцевали люди.

– Гляди-ка, быстро, – сказал Смоуки Апдайк, когда Джек, пошатываясь, вошел в бар и поставил ящик с пивом в холодильную камеру. – Оставь его здесь и иди за этим чертовым «Будвайзером». Тебе следовало принести сначала его.

– Но Лори не говорила...

Резкая, горячая боль пронзила ногу – Смоуки наступил своим тяжелым сапогом на его кроссовку. Джек пронзительно вскрикнул. Слезы заструились по щекам.

– Заткнись, – тихо сказал Смоуки. – Лори не знает этих говнюков из «Шинголы». Их лучше не нервировать. Дуй за «Будвайзером»!

Джек, прихрамывая, вернулся в кладовую. Бар гудел от сигаретного дыма, шума и неровного, пьяного ритма «Дженни Велли бойз» (двое из них уже заметно пошатывались и спотыкались о ровную сцену). Нет, он не выдержит до закрытия. Он просто не в состоянии больше тут оставаться. Если Оутли была тюрьмой, а дискотека Апдайка – тюремной камерой, то сам Смоуки Апдайк – самый жестокий на свете тюремщик. Эта мысль доводила его до изнеможения.

Несмотря на то что Джек не знал, как могут выглядеть Долины в этом месте, и боялся этого, он все более и более склонялся к мысли, что зелье Спида – единственно возможный выход из создавшегося положения. Он сделает глоток, перенесется туда, пройдет там милю – от силы две – на запад, сделает еще один глоток и снова очутится в Соединенных Штатах, достаточно далеко от этого ужасного места. Возможно, в Бушвилле или даже в Пембруке.

Когда мне было шесть, когда Джеку было шесть. Когда...

Джек поднял ящик с «Будвайзером», подошел к двери и пнул ее ногой... Высокий мускулистый ковбой с длинными руками, похожий на Рэндольфа Скотта, стоял в проеме и смотрел прямо на него.

– Привет, Джек! – сказал он, и Джек с неописуемым ужасом заметил, что его глазные яблоки желтые, как цыплячий пух. – Разве тебе никто не говорил, что ты должен вернуться? Или у тебя проблемы со слухом?

Джек стоял с ящиком «Будвайзера» в дрожащих руках и не отрываясь смотрел на ковбоя. Внезапно страшная мысль возникла в его сознании – *именно он*, этот человек с мертвыми желтыми глазами, повстречался ему в тоннеле на Милл-роуд.

– Оставь меня в покое, – сказал он.

Человек подошел поближе:

– Тебе сказали, что ты *должен* вернуться. Ты понял?

Джек отпрянул назад. За его спиной была холодная стена. Ковбой, похожий на Рэндольфа Скотта, склонился над ним, и Джек почувствовал мертвенный запах могилы.

2

Во вторник между полуднем, когда Джек приступил к работе, и четырьмя часами, когда дискотека Апдайка наполнилась пьяной толпой, телефон с надписью «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАЗГОВОРА НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ МИНУТ» звонил дважды. Когда он звонил в первый раз, Джек не испугался – звонил всего-навсего агент по распространению заказов Объединенного фонда. Два часа спустя, когда Джек выносил пустые бутылки, телефон затрезвонил снова. На этот раз Джек вскинулся, как зверь, почувствовавший в сухом лесу запах гари. Только почуял Джек не огонь, а лед. Он повернулся к телефону, который был в четырех шагах от него, и услышал, как хрустнули шейные позвонки. Ему показалось, что сейчас он увидит телефон, покрытый корочкой льда. Лед, искрящийся на черном пластике корпуса, лед, голубой и тонкий, острый как нож, сосульками свисающий с диска и монетоприемника... Но телефон выглядел, как все нормальные телефоны. Холод и смерть таились внутри него.

– Джек! – крикнул Смоуки. – Да подойди же к этому долбаному телефону! За что я тебе деньги плачу?

Джек обернулся на голос Смоуки, дрожа, словно загнанный конь. Но Смоуки смотрел в сторону с таким же безразличным выражением лица, какое было у него, когда он ударил Лори. Джек подошел к телефону, не чувствуя под собой ног, все глубже и глубже погружаясь в море ледяного мрака, чувствуя, как руки покрываются гусиной кожей, как замирает и останавливается сердце.

Он снял трубку – рука онемела.

Он приложил трубку к уху. Ухо онемело.

– Дискотека Апдайк, – сказал он в мертвую пустоту, и губы онемели тоже. Голос на том конце провода был хриплым и скрипучим, будто принадлежал тому, кто давно уже умер, кто никогда не был живым.

– *Джек, – прошептал из трубки голос, и лицо Джека онемело, как будто он провел день в зубоветеринарной клинике и врач ввел ему огромную дозу новокаина. – Отправляйся домой, Джек. Уноси ноги.*

Откуда-то издалека, с расстояния в несколько световых лет, Джек слышал свой собственный голос, повторявший:

– Алло! Алло! Дискотека Апдайк, говорите! Вам кого?

Холодно. Очень холодно. Онемела шея. Джек вдохнул воздух, и легкие его покрылись корочкой льда. Скоро замерзнет сердце, и он упадет мертвый, окоченевший. Холодный голос продолжал шептать:

– *Очень неприятные вещи случаются с маленькими мальчиками на дороге, Джек. Спроси кого хочешь...*

Джек повесил трубку, опустил руку и стоял, не сводя глаз с телефона.

– Что за кретин звонил? – спросила Лори.

Голос ее был таким далеким... Но все же ближе, чем его собственный голос несколько секунд назад. Мир постепенно обретал привычные краски. На трубке телефона Джек увидел отпечаток своей руки, очерченный тонкой полоской инея. Иней таял и стекал маленькими капельками по черной пластмассе.

3

Была ночь – ночь четверга. Народу набилось не намного меньше, чем накануне. Обычная толпа тех, кто бывает в баре за день до получки, но их было достаточно для того, чтобы заполнить зал, переворачивая столы и стулья. Все они приехали сюда со своих ферм, где

забытые плуги ржавели в тени деревьев. Люди, которые хотели бы работать на земле, но забыли, как. В зале мелькали кепки с надписью «Джон Дир», но немногие из владельцев напоминали своим видом трактористов. Это были люди в серых, коричневых и зеленых штанах, люди с именами, вышитыми золотыми нитками на воротниках голубых рубашек, люди в ботинках «динго» с квадратными носами и в тяжелых сапогах. Люди с ключами на брелоках, люди с лицами, изрезанными морщинами, никогда не улыбающиеся, суровые люди. Многие из них носили ковбойские шляпы, и в густом табачном дыму Джек, заглянув в бар, увидел не менее восьми Чарльзов Дэниелсов. Только они не жевали табак, они курили сигареты в огромном количестве.

Джек протирал блестящую панель музыкального автомата, когда в дверь вошел Отуэлл Землекоп.

Автомат орал во всю мощь, изрыгая кантри, но люди возле стойки замерли в молчаливом ожидании. Прошлой ночью Отуэлл был одет в модное в Оутли подобие спортивного костюма – брюки, рубашка цвета хаки с множеством ручек в одном из больших нагрудных карманов, рабочие ботинки со стальными подковами. Сегодня на нем была синяя полицейская форма. На кожаном ремне болталась кобура с пистолетом.

Он взглянул на Джека, который вспомнил вдруг слова Смоуки: *Я слышал, что старина Землекоп неравнодушен к маленьким детям. К мальчикам особенно.* Джек отпрянул назад, словно от внезапного толчка. Отуэлл Землекоп расплылся в широкой улыбке:

– Решил немного подработать, парень?

– Да, сэр, – пролепетал Джек и брызнул «Уиндекс» на полированную панель автомата, хотя она и без того уже давно была чиста. Джек просто тянул время, надеясь, что Землекоп уйдет. И верно, через некоторое время тот повернулся и двинулся дальше. Джек смотрел вслед толстому полицейскому, подходящему к стойке. И тут же человек в дальнем углу зала обернулся и посмотрел на него. *Рэндольф Скотт*, подумал Джек, *вот на кого он похож.*

Но несмотря на мускулистую фигуру и непроницаемые черты лица, у настоящего Рэндольфа Скотта был взгляд героя и губы умели улыбаться. Взгляд же этого человека был скупающим, тоскливым и слегка сумасшедшим.

И со страхом Джек понял, что этот человек смотрит прямо на него. Он обернулся не просто так – он обернулся, чтобы посмотреть на Джека. Джек был уверен в этом.

Телефон. Зазвонил телефон.

Борясь со страшным внутренним напряжением, Джек выпустил газы. Он снова повернулся к музыкальному автомату и увидел между пластинок свое дрожащее испуганное лицо. Телефон на стене просто разрывался. Человек в дальнем углу пристально смотрел на Джека, который застыл у автомата с бутылкой «Уиндекса» в одной руке и тряпкой в другой.

– Если это опять какой-то идиот, я пошлю его прямо в задницу, Смоуки! – сказала Лори, подходя к телефону. – Ей-богу!

Она казалась актрисой, играющей свою роль, а все остальные – статистами. В баре были только два человека – Джек и этот страшный ковбой с длинными руками и глазами, в которые Джек никак... не мог... взглянуть...

Внезапно ковбой открыл рот и губами произнес: «Отправляйся домой, Джек! Уноси ноги, пока цел».

Телефон смолк, как только Лори протянула к нему руку.

Рэндольф Скотт отвернулся, допил свой стакан и крикнул:

– Принеси-ка мне еще болтушки!

– Будь я проклята, – сказала Лори. – По этому телефону звонят привидения.

4

Позже в кладовой Джек спросил Лори, кто такой этот парень, похожий на Рэндольфа Скотта.

– *На кого?* – переспросила она.

– На старого актера. Он играл ковбоев. Этот парень сидел слева в углу.

Лори пожала плечами:

– Для меня они все на одно лицо. Как китайцы. Ты же знаешь, сколько их тут бывает каждый вечер.

– Он еще называет пиво болтушкой.

– А, этот! – Лори улыбнулась. – На вид полное фуфло.

– Кто он такой?

– Я не знаю, как его зовут. Он крутится здесь уже неделю или две. Проматывает кучу денег. Он...

– *Джек, черт возьми, ты забыл? Я сказал тебе притащить еще одну бочку!*

Джек принялся быстро укладывать одну из пивных бочек на тележку. Бочка весила немногим меньше его самого, и это занятие требовало огромных усилий и сосредоточенности. Смоуки вдруг заорал прямо из-за двери. Лори взвизгнула, и невольно Джек вздрогнул от неожиданности. Бочка выскользнула и упала на пол. Затычка вылетела, как пробка из бутылки с шампанским, и золотисто-белая пена вырвалась наружу. Смоуки все еще кричал, а Джек не мог оторвать глаз от пены... Пока Смоуки не ударил его.

Когда минут двадцать спустя Джек вернулся в зал, прижимая платок к кровоточащему носу, Рэндольфа Скотта нигде не было.

5

Мне шесть лет.

Джону Бенджамину Сойеру шесть лет.

Шесть...

Джек тряхнул головой, пытаясь отогнать эту навязчивую, повторяющуюся мысль, а мускулистый рабочий, который вовсе не был рабочим, склонялся над ним все ниже и ниже. Его глаза, желтые и окруженные чешуйчатыми веками... Он – оно быстро моргнуло по-лягушачьи; Джек увидел, что его глазные яблоки закрываются шторками, как у птиц.

– Тебе же было *сказано* вернуться! – прошипел он снова и протянул к Джеку руки, которые на глазах сжимались, расплющивались и отвердевали.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кладовку ворвался хриплый рев «Оукриджских парней».

– Джек! Мне, конечно, очень жаль, но, кажется, я уволю тебя и выгоню без цента в кармане! – раздался голос Смоуки за спиной Рэндольфа Скотта.

Скотт отступил назад. Никакой шерсти, никаких когтей. Его руки были самыми обычными руками, большими и сильными, с сетью синих вен. Он снова быстро моргнул, и глаза его были уже не желтыми, а бледно-голубыми. Он еще раз бросил взгляд на Джека и отправился в мужскую уборную.

– Не заставляй меня по сто раз повторять одно и то же! – сказал Смоуки. – Это последнее предупреждение, и не думай, что я шучу.

Так же, как это было тогда, перед Осмондом, ярость Джека внезапно перехлестнула через край – та ярость, которая происходит из чувства отчаянной несправедливости, та ярость, что сильнее всего в двенадцать лет. Студенты в колледжах иногда чувствуют нечто

похожее, но это, как правило, не более чем отголоски детских впечатлений. Время стирает все.

– Я человек, а не животное! Не смейте обращаться со мной как с собакой! – выпалил Джек и шагнул к Смоуки на все еще ватных от страха ногах.

Удивленный, даже пораженный неожиданной вспышкой, Смоуки отступил:

– Джек, я предупреждаю тебя...

– Нет, Смоуки, это я предупреждаю *тебя*, – услышал Джек свой собственный голос. – Я не Лори, мне не нравится, когда меня бьют. Если ты ударишь меня еще раз, я отвечу тем же.

Замешательство Смоуки Апдайка длилось всего несколько секунд. Он схватил Джека за шиворот.

– Ты на меня не кричи, парень! – сказал он, притягивая его к себе. – Пока ты в Оутли, ты мой пес. Пока ты в Оутли, я могу погладить тебя, если захочу, и побить, если захочу. И ты будешь в Оутли, пока я не решу тебя отпустить.

Смоуки сильно встряхнул Джека, так, что тот прикусил язык и вскрикнул от боли. Красные пятна злости выступили на щеках Смоуки.

– Я думаю, ты достаточно хорошо соображаешь, чтобы понять, что я имею в виду. И запомни это хорошенько, а чтобы до тебя быстрее дошло...

Смоуки занес кулак. Три 60-ваттные лампочки бешено сверкнули в алмазах браслета. Кулак впечатался в лицо Джека. Джек отлетел к шершавой бетонной стене. Правая щека сперва вспыхнула от боли, но тут же онемела. Джек почувствовал кровь во рту.

Смоуки смотрел на него спокойным, оценивающим взглядом человека, размышляющего о покупке коровы или лотерейного билета. Должно быть, он не увидел в глазах Джека того, чего хотел, потому что снова подтащил ошеломленного мальчика за шиворот и приготовился нанести еще один удар.

В этот момент из танцевального зала донесся женский крик:

– *Нет! Нет! Нет!*

Затем гомон множества голосов, встревоженных и испуганных. Еще один женский визг, тонкий и пронзительный, – и выстрел.

– *Твою мать!* – выругался Смоуки с выражением актера на сцене бродвейского театра.

Он отшвырнул Джека к стене и выбежал в открытую дверь. Раздался еще один выстрел, а потом крик боли.

Джек знал только одно – пора! Ждать конца сегодняшней ночи, а тем более завтрашней или воскресенья нет никакого смысла. Время пришло. Прямо *сейчас*.

Шум начал постепенно затихать. Сирен не было слышно, значит, никого не убили... Но рабочий, который вовсе не рабочий, похожий на Рэндольфа Скотта, все еще был в уборной.

Оставшись один в кладовой, заваленной пивными и винными бочками, Джек принялся разыскивать рюкзак. Когда его пальцы не нащупали ничего, кроме пыли, грязи и голого пола, вернулась убийственная уверенность, что кто-то из них, Смоуки или Лори, видели, как он прячет рюкзак, и перепрятали его. *Они сделали все, чтобы задержать тебя в Оутли, дружок*. Затем Джек почувствовал облегчение и радость, такую же сильную, как отчаяние, – пальцы наткнулись на нейлон.

Джек поднял рюкзак и задумчиво посмотрел на дверь в дальнем конце кладовой, через которую загружали товар. Он бы с гораздо большим удовольствием воспользовался этой дверью – ему совсем не хотелось спускаться по пожарной лестнице в углу зала, к тому же этот путь проходил близко от мужской уборной, – но эта дверь была под сигнализацией. Как только он откроет ее, на панели за стойкой загорится красная лампочка. Даже если Смоуки все еще собирает осколки с пола, то уж Лори непременно заметит огонек и поднимет тревогу. Значит...

Джек подошел к двери, ведущей в коридор, приоткрыл ее и прищелкнул глазом. Коридор был пуст. Значит, все в порядке. Скотт облегчился и вернулся в зал, пока Джек разыскивал рюкзак. Отлично.

Да, все отлично, если не считать того, что он все-таки здесь. Ты хочешь столкнуться с ним в зале, Джеки? Хочешь снова увидеть, как желтеют его глаза? Подожди, пока не будешь уверен!

Но он не мог этого сделать. Потому что Смоуки скоро заметит его отсутствие, заметит, что он не помогает Лори и Глории ставить на место перевернутые столы и не моет грязную посуду. Он придет сюда и снова станет объяснять Джеку, каково место его заведения в Системе Вещей. Поэтому...

Что «поэтому»? Нужно уходить?

А вдруг он только и ждет тебя там? Вдруг он готовится к прыжку, словно тигр в чаще?

Лев или тигр? Рабочий – не рабочий или Смоуки? Джек замер в нерешительности. Мысли в голове кружились и скакали. То, что человек с желтыми глазами все еще в уборной, – возможно. Но то, что Смоуки вернется с минуты на минуту, – это точно.

Джек открыл дверь и шагнул в узкий коридор. Рюкзак, казалось, прибавил в весе, напоминая Джеку о необходимости скрываться от любых глаз. Он шел на цыпочках, несмотря на оглушительный грохот музыки и рев толпы. Сердце паровым молотом бухало в груди.

Мне было шесть. Джеку было шесть...

Господи, ну что же это такое? Почему эта мысль постоянно крутится в голове?

Шесть...

Коридор казался длиннее, чем был на самом деле. Дверь, выходящая на пожарную лестницу, приблизилась всего на несколько дюймов. Пот застилал глаза, соленый и холодный. Взгляд Джека скользнул вправо: на стене под черной полоской была нарисована собака и подпись: «Пойнтеры».

В конце коридора – дверь, покрашенная в бледно-красный цвет. Надпись на ней гласила: «Использовать только при крайней необходимости! Под сигнализацией!» На самом деле сигнализация не работала уже два года – Лори рассказала ему об этом, и он выносил мусор через эту дверь.

Ну вот. Уже почти на месте. Как раз напротив «Пойнтеров».

Он здесь, я знаю... и если он прыгнет, я крикну... я... я буду...

Джек протянул дрожащую руку, взялся за металлическую ручку пожарной двери, и в этот миг он почти поверил, что выбрался из лабиринта и перед ним ночь и свобода...

Но вдруг за его спиной с грохотом распахнулась дверь с надписью «Сеттеры». Тяжелая рука схватила рюкзак. Джек испустил тонкий визг зверя, попавшего в капкан, и рванулся к двери, позабыв и про рюкзак, и про бутылку в нем: если бы лямки порвались, он бы просто убежал по грязной лестнице, оказался на большой пустой автостоянке сбоку от здания и не думал бы ни о чем больше.

Но лямки рюкзака оказались прочными и не порвались. Дверь слегка приоткрылась, впустила внутрь непроглядную тьму и тут же с треском захлопнулась. Джек очутился в женском туалете – его втащили внутрь, развернули и бросили в сторону. Если бы он ударился о стену, бутылка непременно разбилась бы, оросив одежду и старого доброго Неда Макнелли виноградной вонью. Но Джек врезался в один из умывальников и сильно ушиб при этом бок.

Длиннорукий медленно надвигался на Джека, поглаживая себя по джинсам руками, которые на глазах искривлялись и утолщались.

– Я думал, тебя уже здесь нет, – произнес он голосом, с каждой секундой все более грубым и в конце фразы уже похожим на рычание зверя.

Джек начал отползать влево, не сводя глаз с лица человека. Глаза того казались уже совсем прозрачными – не желтыми, а светящимися изнутри, как у черепа на Хэллоуин.

– Но старому Элрою ты можешь верить, – проговорил ковбой и, улыбнувшись, показал полный рот мелких зубов, выщербленных и гнилых. Джек вскрикнул. – Да, старому Элрою ты можешь верить. – Слова его было уже трудно отличать от собачьего лая. – Я не сделаю тебе *слишком* больно. Все будет нормально, – говорило это существо, но Джек почти не разбирал слов в его рычании.

Нога Джека уперлась в высокий мусорный бачок у двери; как только ковбой протянул к нему руки, Джек, не долго думая, схватил бачок и швырнул его. Бачок попал в подбородок Элроя. Джек распахнул дверь туалета и бросился влево, к пожарному выходу. Он дернул ручку, слыша, как Элрой гонится за ним, и нырнул в темноту. Несколько секунд спустя Джек выскочил из дискотеки Апдайка.

Перед дверью стояли перевернутые мусорные баки. Джек сослепу снес три из них, они прогремели за его спиной, и яростно взревел споткнувшийся о них Элрой.

Джек обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо падает. Хватило одной секунды, чтобы разглядеть (*О Боже, у него хвост, это же хвост!*), что оно окончательно превратилось в зверя. Два тонких лучика золотистого цвета пробивались из зрачков его глаз, как сквозь замочные скважины.

Джек бросился прочь, пытаясь на бегу одеревеневшими пальцами скинуть с плеч лямки рюкзака. В голове стучало

(Джеку было шесть Господи спаси Спиди Джеки было ШЕСТЬ Господи...)

бессвязно и бессмысленно. Чудовище рычало и лаяло, поднимаясь, спотыкаясь и падая снова, догоняя Джека. Его лицо, нет, его морда уже почти полностью покрылась шерстью. Временами сквозь рев и лай Джек разбирал слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.